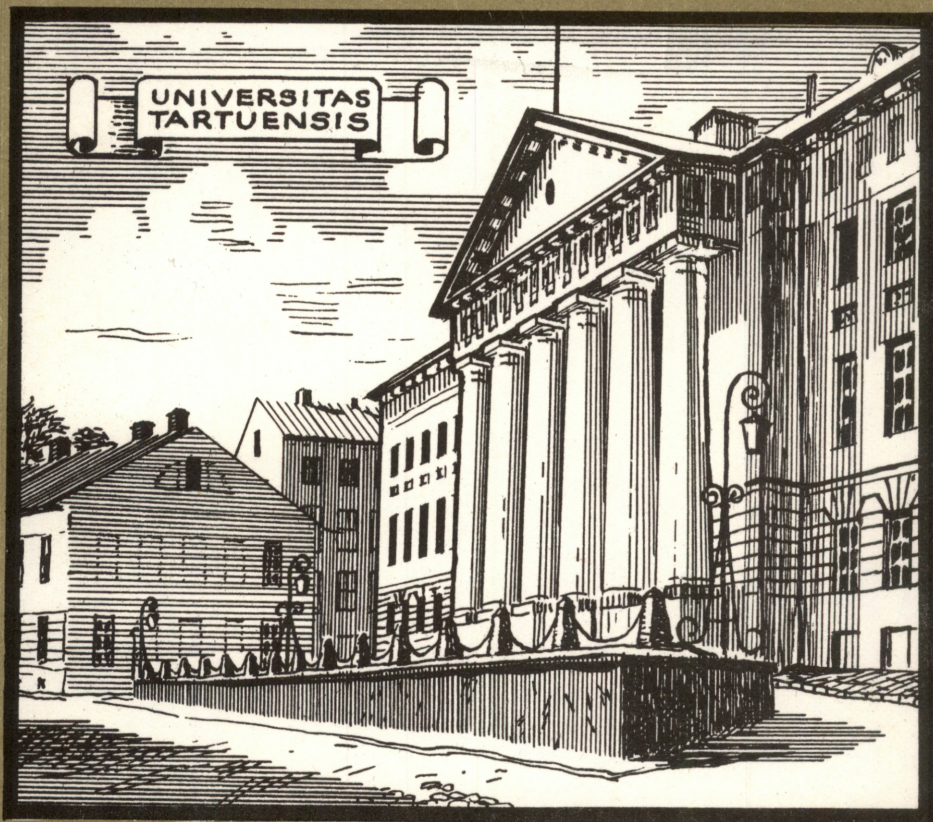

ISSN 0206-2798

**TARTU ÜLIKOOLI
AJALOO KÜSIMUSI
XVIII**

TARTU RIIKLIKU ÜLIKOOL

ARSTITEADUSE JA KEHAKULTUURI
ARENGUST TARTU ÜLIKOOLIS

TARTU ÜLIKOOLI AJALOO KÜSIMUSI
XVIII

(TRÜ ajaloo muuseumi materjalid)

TARTU 1985

Toimetuskolleegium: V. Kalnin (esimees), E. Karu, V. Lenk,
E. Siirde, L. Tähepõld (vastutav toimetaja)

Редколлегия: В. Калнин (председатель), Э. Кару, В. Ленк,
Э. Сийрде, Л. Тяхепылд (ответственный редактор)

Kaane kujundanud K. Põllu

Kinnitatud TRÜ ajaloo muuseumi nõukogus 5. märtsil 1985.a.

Käesolevas kogumikus on avaldatud TRÜ ajaloo muuseumi nõukogu VII teadusliku sessiooni "Tartu ülikooli teadusside-med" meditsiinisektsioonis kuulatud ettekanded. Neis kasitletakse peamiselt distsipliinidevahelisi ja -siseseid sidemeid meditsiinis suurte teaduskeskuste tasemel nii minevikus (Peterburi - Leningrad, Moskva, Odessa) kui tänapäeval. Nii kodumaiste (pediaatria, dermatoveneroloogia, oftalmoloogia, stomatoloogia alal) kui välismaa teadusastutestega (farmakoloogia, gastroenteroloogia, aeroionisatsiooni alal), aga ka kasvandike pamust maadeuurimisse, tegevust teistes teaduskeskustes (F.V. Ovsjannikov, F. Lichinger jt.). Kogumiku teine osa sisaldab kehakultuurisektsioonis kuulatud ettekandeid, mis kõik käsitlevad kas teadus- või spordisidemeid spordi erinevatel aladel teiste kõrgkoolidega NSVL-s ja Soomes.

В настоящем сборнике опубликованы доклады, заслушанные на секции медицины VII научной сессии совета музея истории ТГУ "Научные связи Тартуского университета". В докладах рассматриваются главным образом связи между дисциплинами в медицине и внутри них на уровне крупных научных центров как в прошлом (Петербург, Москва, Одесса), так и в настоящее время как с отечественными (в области педиатрии, дерматовенерологии, офтальмологии, стоматологии), так и с зарубежными научными учреждениями (в области фармакологии, гастроэнтерологии, аэроионизации и пр.), а также вклад воспитанников в страноведение, деятельность в других научных центрах (Ф.В. Овсянников, Ф. Лихингер и др.). Второй раздел сборника содержит доклады, заслушанные на секции физической культуры, касающиеся всех научных или дружественных связей в различных областях спорта с другими вузами СССР и Финляндии.

М Е Д И Ц И Н А

ТАРТУСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ И ЛЕНИНГРАДСКИЙ ИНСТИТУТ УСОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ВРАЧЕЙ

А.А. Балмасов, В.В. Калнин, А.О. Лойт, А.В. Свешников

В историко-медицинской литературе нет исследований, посвященных связям медицинского факультета Тартуского университета и старейшего института усовершенствования врачей в нашей стране — Ленинградского ГИДУВ, со времени основания которого в 1985 году исполняется сто лет. Этот вопрос заслуживает внимания как в плане изучения истории отечественной медицины в целом, так и истории старейших медицинских центров нашей страны.

Тартуский университет имеет давние традиции в области последипломного усовершенствования врачей. Уже в конце 20-х и в 30-е годы XIX в. при Тартуском (Дерптском) университете существовал Профессорский институт, созданный по инициативе академика Г.Ф. Паррота, крупного физика и педагога, ректора Дерптского университета. Это было первое в России специальное учебное заведение для подготовки отечественных научно-педагогических кадров, сыгравшее видную роль в истории развития науки и высшего образования в нашей стране и давшее целую плеяду талантливых ученых-новаторов и педагогов (Н.И. Пирогов, А.М. Филомафитский, А.П. Загорский, Ф.И. Иноземцев, Г.И. Сокольский, И.В. Варвинский и др.). Известно, что Н.И. Пирогов после завершения обучения в Дерпте, защиты докторской диссертации и заграничной командировки (1833–1835 гг.), работая в Петербургских больницах, читал врачам курс хирургической анатомии. Его по праву можно считать пионером усовершенствования врачей в нашей стране.

Во время существования Профессорского института, а также после его закрытия в 1838 г. воспитанники других российских университетов приезжали в Тарту с целью усовершенствования в различных областях медицины. Среди них значились выпускники Казанского университета Н.И. Козлов (1833–1837)*, В.А. Кара-

* Здесь и далее — годы пребывания ученых в Тартуском университете.

ваев (1836-1838), А.И. Козлов (1837-1842), А.В.Петров (1861-1863); выпускники Харьковского университета И.К. Крамаренков (1836-1841), Ф.С. Цицулин (1839-1841), Н.М. Якубович (1841-1848) и др., которые защитили здесь свои докторские диссертации и, став впоследствии известными учеными и педагогами, трудились в других медицинских центрах России /3, 7/. В 1859 г. Тартуский университет, подобно другим русским университетам и Петербургской Медико-хирургической академии, был определен для прикомандирования к нему военных врачей в целях теоретического и практического усовершенствования в медицине /12; 13/.

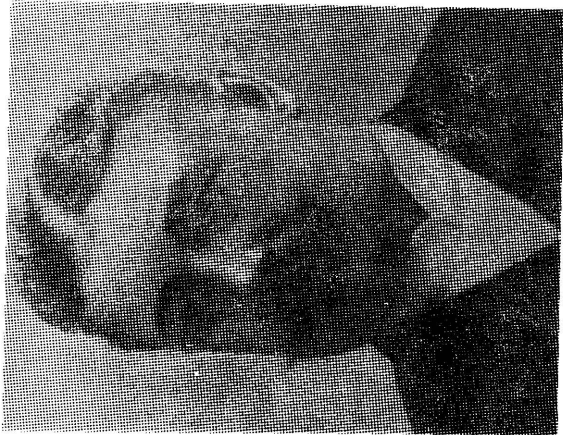
В 1885 г. в Петербурге был создан так называемый Еленинский клинический институт, как первый самостоятельный институт для усовершенствования врачей не только в России, но и в мире. Это явилось крупным, принципиально важным событием в развитии медицинского образования /14, с. 16-25/. У Тартуского университета связи с этим институтом стали складываться сразу по его учреждению. Многие воспитанников Тартуского университета уже с самого начала основания Еленинского клинического института (ныне Ленинградский государственный орден Ленина институт усовершенствования врачей им. С.М. Кирова) пригласили в качестве организаторов курсов по различным отраслям медицины.

Так, питомец и доктор медицины Тартуского университета Г.А. Донберг (1852-1900), старший врач Петербургской глазной лечебницы, с 1885 г. был приглашен в институт в качестве доцента организовывать курсы по глазным болезням. Занятия он вел безвозмездно до 1896 г., когда стал ординарным профессором. Г.А. Донберг по праву считается основателем глазной кафедры в институте. Он заведовал ею до 1900 г., прослыл выдающимся клиницистом и хирургом, предложил удачную конструкцию офтальмоскопа и других хирургических инструментов /14, с. 280-281/. Под руководством Г.А. Донберга в Клиническом институте с 1896 г. начал работать Г.Е. Выгодский, окончивший Тартуский университет в 1888 г. Это был видный ученый клиницист и хороший хирург. Он много работал над проблемами трахомы и глаукомы, первым внедрил в практику операции вылушения слезного мешка. Затем Г.Е. Выгодский работал приват-доцентом Военно-медицинской академии, а с 1926 г. до своей кончины в 1937 г. заведовал кафедрой офтальмологии в Ленинградском ГИДУВ /14, с. 282-284/.

Уроженец г. Риги О.В. Петерсен (1849-1919) окончил Тар-

Г. Е. Виноградский (1863-1937)

Г. А. Донберг (1862-1900)

О. В. Перепса (1849-1919)

Ф. П. Цвет (1850-1912)

туский университет в 1874 г., защитив докторскую диссертацию на тему об экспериментальных исследованиях патогенеза и терапии циститов /16/. В 1886 г. О.В. Петерсен первым возглавил кафедру кожных и венерических болезней Клинического института в Петербурге, где до этого работал ординатором Александровской больницы. О.В. Петерсен в течение многих лет вел преподавание, не получая за это платы. С 1889 г. он стал консультантом и "почетным профессором", будучи видным венерологом и дерматологом. Им опубликовано свыше 100 научных работ по различным вопросам клиники и лечения венерических и заразных кожных болезней (проказа, лейшманиоз, волчанка), а также по вопросам организации борьбы с этими заболеваниями. В числе его трудов имелись крупные статистические исследования о распространении венерических и кожных болезней в России. О.В. Петерсен первым в России применил лечение анилиновыми красками (метилвиолетовым и ауралином), одним из первых в России ввел лечение туберкулезной волчанки по методу Финзена. Уже в 1907 г. он организовал в институте исследование на бледную спирохету и серодиагностику сифилиса. Кроме того, О.В. Петерсен точно доказал этиологическую роль стрептококка при мягком шанкре, написав монографию по этой болезни, которая и до сих пор не утратила своего значения /4; 14, с. 12-114/. О.В. Петерсену вначале помогали в преподавании "частные добровольные ассистенты" Ф.П. Розенталь, К.Л. Штормер, Л.В. Бесслер и другие воспитанники Тартуского университета /14, с. 114/.

Два старейших учебных заведения нашей страны связывают также имена ряда крупных хирургов и терапевтов. Г.Ф. Таллинг (1850-1912), уроженец г. Риги, окончил Тартуский университет в 1875 г., затем руководил Тартуским санитарным отрядом во время сербо-турецкой войны. В 1877 г. защитил по материалам этой войны докторскую диссертацию о 124 случаях огнестрельного ранения. В 1877-1878 гг. являлся главным врачом голландско-русского лазарета на Кавказе во время русско-турецкой войны. После этого работал ординатором хирургического отделения Александровского госпиталя в Петербурге, а с 1885 г. - ассистентом и с 1887 г. - доцентом в Еленинском клиническом институте. После смерти профессора Н.Д. Монастырского в 1888 г. к заведыванию хирургической клиникой был привлечен его старший ассистент Г.Ф. Таллинг, ставший с 1889 г. профессором хирургии Еленинского клинического института /20, с. 800/. Г.Ф. Таллинг известен своими работами по

оперативной хирургии и многочисленным оригинальным операциям на крупных суставах /14, с. 174-176/. Г.Ф. Тилинг руководил кафедрой хирургии в 1888-1893 и 1901-1912 гг. до своей смерти. С 1885 г., т.е. с первого года занятий в институте по 1889 г. Г.Ф. Тилинг вел "Курс хирургических операций на трупах". В последующем (с перерывами) курсы по оперативной хирургии проводили доктора Н.А. Соколов, И.Ф. Земацкий, К.К. Иогансен, также воспитанники Тартуского университета /14, с. 226-227; 9/. В 1902-1909 гг. Г.Ф. Тилинг являлся ректором института /20, с. 800/.

Известный отечественный хирург Э.Р. Гессе (1883-1937) также связан с Тартуским университетом и Ленинградским ГИДУВ. В 1902 г. он учился на медицинском факультете Тартуского университета, сдал здесь государственные экзамены в 1907 г., затем работал в Петербурге: с 1921 г. - доцентом в Военно-медицинской академии, а в 1922-1925 гг. - в институте усовершенствования врачей /20, с. 313/.

Питомец Киевского университета Ф.М. Опенховский, занимавшийся в течение нескольких лет (1880-1883) в зарубежных клиниках и лабораториях, сдал в 1884 г. в Тарту экзамены на степень доктора медицины и защитил здесь докторскую диссертацию, посвященную окончаниям сердечных нервов. С июня 1884 г. он стал приват-доцентом Тартуского университета и с 1886 по 1889 г. читал курсы по внутренней диагностике, аускультации, перкуссии, ларингоскопии, риноскопии и др. /2, с. 144-146/. В 1889 г. Ф.М. Опенховский получил должность консультанта-доцента Еленинского клинического института и ему было поручено вести курс диагностики болезней нервно-мышечной системы и электротерапии, который и вел по 1892 г. Это был очень изветный, всесторонне образованный терапевт с уклоном в неврологию, впоследствии возглавивший кафедру внутренних болезней Харьковского университета. Его исследования о центральной иннервации внутренних органов пользовались заслуженной известностью /14, с. 23, 72/. В литературе известны "болевые точки Опенховского", имеющие значение для топической диагностики болезней желудка.

В начале 30-х гг. в ГИДУВ на правах приват-доцента лекции по ряду разделов курса внутренних заболеваний (клинические лекции и диагностика) читал профессор А.М. Левин /14, с. 57-59/. А.М. Левин являлся воспитанником Тартуского университета и ассистентом профессора гигиены Е.А. Шепилевского в 1910-1911 гг., под руководством которого изучал в Тарту

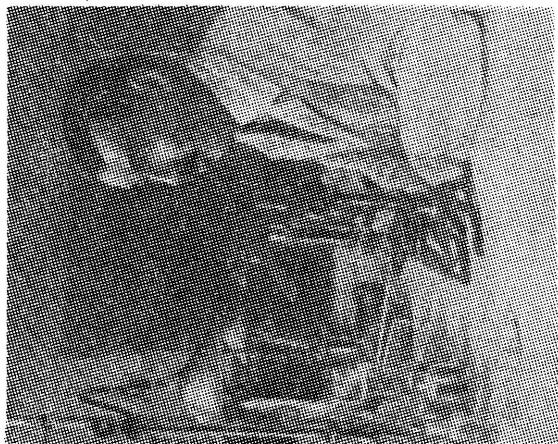
применение реакции Вассермана у прокаженных больных /5/.

Воспитаник и приват-доцент Военно-медицинской академии и ассистент профессора М.И. Афанасьева при терапевтической клинике Еленинского института Н.Н. Вестенрик был в 1911 г. назначен экстраординарным профессором кафедры специальной патологии и клиники Тартуского университета, где проработал до 1917 г. /II, 15/. В списке его ученых трудов числилось тогда 24 исследования, часть которых была выполнена в лаборатории И.П. Павлова. Н.Н. Вестенрик много работал в области патологии сосудистого тонуса, описал новую модель для определения кровяного давления. Он занимался в Еленинском клиническом институте в созданном при кафедре терапии рентгеновском кабинете, а в связи с болезнью профессора М.И. Афанасьева был назначен заместителем его и читал клинические лекции врачам /I4, с. 49-50/.

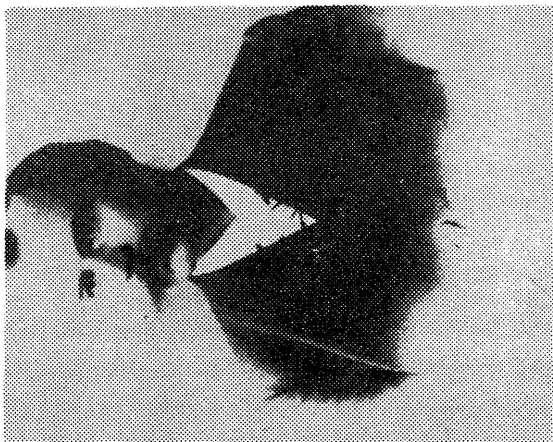
На пятом году существования института, в 1889 г. был организован учебный кабинет по ушным болезням. Возглавил его видный педиатр и терапевт Н.И. Лунин и проводил в течение пяти лет, до 1894 г., занятия по диагностике и терапии ушных болезней на амбулаторных больных, а также по оперативной хирургии на трупах /I4, с. 215-216/. Он являлся воспитанником Тартуского университета, где в 1880 г. защитил диссертацию "О значении неорганических солей в питании животных", в которой показал, что для жизни и нормального развития живых существ необходимы и особые вещества, названные впоследствии витаминами.

Уроженец Тарту, воспитаник Тартуского университета Э.Ф. Бидлер (1839-1902), работавший в 1862-1867 гг. ассистентом и приват-доцентом акушерской клиники в Тарту, стал профессором и директором Родовспомогательного заведения в Петербурге /20, с. 63/. Дирекция Еленинского института поручила ему в 1885 г. систематическое чтение лекций по акушерству. Он был зачислен почетным профессором и консультантом института усовершенствования врачей. В 1890 г. Э.Ф. Бидлер по состоянию здоровья оставил институт, рекомендовав на свое место Д.О. Отта /I4, с. 266/.

В июне 1924 г. на должность руководителя кафедры судебной медицины в институте усовершенствования врачей был избран Н.Л. Поляков, который организовал кафедру и успешно руководил ею до закрытия последней в 1931 г. Н.Л. Поляков окончил Тартуский университет в 1912 г., где много времени уделял изучению гистологии и судебной медицины под руковод-

Н. И. Поляков (1885-1942)

Н. И. Лукин (1853-1937)

ством выдающегося русского судебного медика А.С. Игнатовского. В 1914—1924 гг. он работал преподавателем судебной медицины в Саратовском университете, где ему в 1924 г. была присвоена ученая степень доктора медицины. После закрытия кафедры судебной медицины в институте Н.Л. Поляков был приглашен заведовать такой же кафедрой в Краснодарский медицинский институт. В 1933 г. он вернулся в Ленинград, где умер в 1942 г. во время блокады. Программа занятий, составленная Н.Л. Поляковым, была весьма широкой, охватывала кроме судебной медицины и другие медицинские дисциплины, а также криминалистику. Н.Л. Поляков уделял также много внимания научной работе кафедры /14, с. 151—157/.

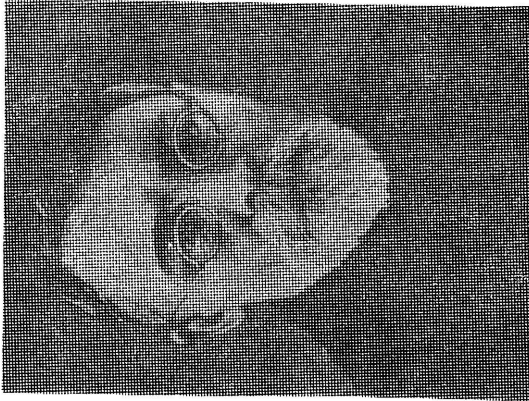
Два учебных заведения связывают также имена известных гигиенистов Г.В. Хлопина, К.Э. Добровольского, А.Ф. Никитина, К.Н. Шашева и Э.Г. Френкеля. Г.В. Хлопин (1863—1919) — ученик И.М. Сеченова и Ф.Ф. Эрисмана, свою профессорскую деятельность начал в Тартуском университете в 1896—1903 гг., где им был накоплен большой опыт научно-педагогической работы. Особо следует отметить три "Сборника работ гигиенической лаборатории Юрьевского университета", изданных под редакцией Г.В. Хлопина за короткий срок (1902—1903) /6/. С 1906 г. по 1917 г. он занимал кафедру гигиены в Еленинском клиническом институте, причем опыт работы в Тартуском и Одесском (1903—1905) университетах помог Г.В. Хлопину создать кафедру гигиены и в этом институте и прекрасно оборудовать при ней лабораторию.

Г.В. Хлопин считался талантливейшим экспериментатором. Предложенные им методы гигиенических исследований вошли в русскую и иностранную практику. Научная деятельность Г.В. Хлопина не ограничивалась пределами лаборатории, ему принадлежат немало капитальных работ по оздоровлению населения и населенных мест, коммунальному благоустройству, изучению различных сторон питания населения, школьной и военной гигиене, гигиене труда. Г.В. Хлопин создал обширную школу гигиенистов, из которых более 15 человек занимали кафедру гигиены /14, с. 294—296, 301/.

Из его учеников А.И. Раммуль был ассистентом Г.В. Хлопина в годы его деятельности в Тартуском университете, а также в Одесском университете. В 1920—1940 гг. А.И. Раммуль стал профессором гигиены Тартуского университета. В своей научной деятельности он продолжал и развивал основные направления своего учителя Г.В. Хлопина, поддерживал с ним связь, соме-

Г. В. Хлопов (1863-1929)

А. Ф. Никитин (1873-1965)

нивался литературой /6/. Ассистентами Г.В. Хлопина в период его деятельности в Тартуском университете являлись также К.Э. Добровольский и А.Ф. Никитин. Первый из них начал в Тарту и завершил в Одессе под руководством Г.В. Хлопина свою докторскую диссертацию, а с 1923 г. возглавлял кафедру общей гигиены в ГИДУВ вплоть до переезда в Киев в 1932 г. /14, с. 297/. А.Ф. Никитин работал с 1908 по 1917 г. ассистентом Г.В. Хлопина также на его кафедре в Еленинском клиническом институте. В советские годы профессор А.Ф. Никитин (1873-1965) работал в Ленинграде, заведя кафедрами социальной гигиены I-го медицинского института и Военно-медицинской академии. Его деятельность оказала определенное влияние на становление и развитие социальной гигиены в СССР в 20-е годы /8/.

С 1934 г. до своей смерти в 1942 г. кафедру общей гигиены в ГИДУВ возглавлял крупный советский гигиенист К.Н. Шашев. Эти годы характеризуются ростом объема и совершенствованием педагогической работы на кафедре. Были выполнены актуальные научные работы, касавшиеся разработки новых и сравнительной оценки существовавших уже методов и приборов для санитарной экспертизы пищевых продуктов и воды, а также оценки методов изучения пищевых рационов. К.Н. Шашев первым в СССР изучал в эти годы улично-бытовые шумы, уделив этому вопросу как важной гигиенической проблеме большое внимание. Плодотворной стала его деятельность и на посту заместителя директора института по научной работе /14, с. 289, 302/. В 1913 г. К.Н. Шашев под руководством профессора гигиены Тартуского университета Е.А. Шепилевского защитил докторскую диссертацию, посвященную преципитации, затем в 1915-1918 гг. работал там же ассистентом у Е.А. Шепилевского /5, 6/.

В 1918 г. из состава кафедры общей гигиены в Клиническом институте для усовершенствования врачей выделилась самостоятельная кафедра бактериологии. Учение об оспе преподавал профессор Н.Ф. Гамалея (1859-1949), который состоял приват-доцентом кафедры в 1923-1928 гг. /14, с. 305-306/. Ранее, в дореволюционное время Н.Ф. Гамалея преподавал в Тарту на частных университетских курсах (1911-1913), основанных профессором М.И. Ростовцевым, гигиену и бактериологию. В 1913-1914 гг. он одновременно состоял приват-доцентом гигиены и бактериологии в Тартуском университете /5, 6/.

Начало преподавания основ социальной гигиены в Ленин-

З. И. Френкель (1869-1970).

К. Н. Пашев (1885-1942)

градском ГИДУВ связано с именем действительного члена АМН СССР З.Г. Френкелем (1869-1970), воспитанника Тартуского университета. Он учился на медицинском факультете Тартуского университета в 1890-1895 гг. /17/. Здесь он сблизился с обществом русских студентов и входил в кружок "нрьевских марксистов". В эти годы З.Г. Френкель впервые познакомился с произведениями К. Маркса и Ф. Энгельса, а также с первыми работами В.И. Ленина /1/. Еще в дореволюционный период, с 1908 г. З.Г. Френкель по желанию врачей, приезжавших для усовершенствования в Еленинский клинический институт, читал курс "общественная медицина". Программы лекций З.Г. Френкеля охватывали широкий круг вопросов, позднее включенных в предмет социальной гигиены и организации здравоохранения. Позднее, в 1919 г. З.Г. Френкелем была разработана специальная программа по социальной гигиене, по которой он читал лекции и проводил практические занятия.

В 1924 г. в институте была учреждена доцентура, преобразованная в 1925 г. в кафедру социальной гигиены. В 1931 г. произошло разделение кафедры на две: социальной и коммунальной гигиены. Заведующим второй был назначен виднейший специалист по коммунальной гигиене З.Г. Френкель /14, с. 336-337/. Для преподавания некоторых разделов организации здравоохранения в институт приглашались руководители органов здравоохранения, в том числе главный врач Ленинградской станции скорой помощи кандидат медицинских наук, заслуженный врач РСФСР, один из основателей служб скорой и неотложной медицинской помощи в СССР М.А. Мессель - выпускник Тартуского университета, окончивший его в 1917 г. с отличием /10, 18/.

В советские годы Ленинградский ГИДУВ внес большой вклад в дело развития здравоохранения Эстонской ССР. Так, уже в 1944-1945 гг. помимо специальных курсов, которые проводились в стенах института для определенных групп врачей из Эстонской ССР, организовывались выездные циклы по терапии, хирургии, организации здравоохранения и некоторым другим специальностям в г. Таллине, затем выездные циклы по физиотерапии в Таллине и Пярну. Проводилась также подготовка кадров путем обучения в институте клинических ординаторов и аспирантов из Эстонской ССР. На кафедрах ГИДУВ (легочного туберкулеза, стоматологии и др.) защищали кандидатские диссертации воспитанники и преподаватели Тартуского университета, ставшие впоследствии педагогами и научными сотрудниками. Многие организаторы здравоохранения и руководящие работники Министер-

ства здравоохранения Эстонской ССР проходили циклы усовершенствования на кафедре социальной гигиены и организации здравоохранения Ленинградского ГИДУВ, преподаватели медицинского факультета Тартуского университета — по различным специальностям на других кафедрах института. Только за последние 10 лет (начиная с 1975 г.) в Ленинградском ГИДУВ прошло усовершенствование более 200 организаторов здравоохранения, в большинстве своем воспитанники Тартуского университета.

В послевоенные годы было налажено усовершенствование врачей также при Тартуском университете. Медицинский факультет внес в 1961 г. предложение о повышении квалификации врачей и фармацевтов в республике. В 1962 г. была создана кафедра повышения квалификации, действующая на первых порах на общественных началах. В конце 60-х годов были получены первые штатные должности. На этой базе в 1970 г. был организован факультет усовершенствования и специализации врачей и фармацевтов. В университете проводятся курсы общего усовершенствования по всем основным специальностям и по некоторым специальностям — тематические курсы. В настоящее время число слушателей этого факультета превышает 400 человек в год /19/.

Можно с удовлетворением выразить уверенность, что творческие связи Тартуского университета и Ленинградского института усовершенствования врачей будут развиваться и крепнуть на благо развития медицинской науки и системы подготовки медицинских специалистов в нашей стране.

Л и т е р а т у р а и и с т о ч н и к и

1. Алексеева Л.Н., Мерабшвили В.М., З.Г. Френкель. — М.: Медицина, 1971. — 128 с.
2. Биографический словарь профессоров и преподавателей Юрьевского (б. Дерптского) университета за сто лет его существования (1802—1902) /Под ред. Г.В. Левицкого. Юрьев, 1903, т. II, с. 144—146.
3. Васильев К.Г. Каллин В.В. Научные связи в области медицины Тартуского и Харьковского университетов. (XIX и первые десятилетия XX столетия). — Вопросы истории Тартуского университета. Тарту, 1981, т. XII, с. 87—91.

4. БМЭ, 2-е изд., т. 24, с. 44-45.
5. Калнин В.В. Профессор гигиены и бактериологии Тартуского университета Е.А. Шепилевский. - Вопросы истории Тартуского университета. Тарту, 1977, т. VI, с. 41-55.
6. Калнин В.В. Развитие гигиенической науки в Тартуском (б. Дерптском, Юрьевском) университете (1802-1917 гг.): Автореф. дис. ... канд. мед. наук, Тарту, 1972. - 44 с.
7. Калнин В.В., Альбицкий В.Ю. Из истории связей Тартуского и Казанского университетов в области медицины в XIX и в начале XX столетий. - Вопросы истории Тартуского университета. Тарту, 1979, т. IX, с. 3-16.
8. Калнин В.В., Леонов И.Т. О связях Военно-медицинской академии и медицинского факультета Тартуского университета. - Вопросы истории Тартуского университета. Тарту, 1977, т. VI, с. 14-24.
9. Личный состав Юрьевского университета. Юрьев, 1893-1916.
10. Лужнова Е.Л. 50 лет на посту. - Здравоохранение Росс. Фед., 1973, № 7, с. 46-47.
11. Обзорение лекций в Юрьевском университете. Юрьев, 1893-1918.
12. Петухов Е.В. Императорский Юрьевский (б. Дерптский) университет за сто лет его существования (1802-1902). Юрьев, 1902, т. I, с. 503.
13. Сборник постановлений Министерства народного просвещения. Спб., 1865, т. III, с. 426-429.
14. 75 лет Ленинградского государственного ордена Ленина института усовершенствования врачей им. С.М. Кирова (1885-1960). Л., 1960. - 396 с.
15. ЦИА ЭССР, ф. 384, оп. I, ед. хр. 3308, л. I-I5.
16. ЦИА ЭССР, ф. 402, оп. 2, ед. хр. 18675, л. I-I04.
17. ЦИА ЭССР, ф. 402, оп. 2, ед. хр. 6117, л. I-II7.
18. ЦИА ЭССР, ф. 402, оп. I, ед. хр. 17523, л. 32; ед. хр. 17524, л. 16-18.
19. Аликметс Л., Калнин В. Медицинский факультет Тартуского государственного университета. - В кн.: Медицинский факультет Тартуского государственного университета. - Таллин: Балтус, 1982, с. 5-24.
20. Deutschbaltisches biographisches Lexikon 1710-1960. - Köln-Wien: Böhlau Verlag, 1970, S. 63, 313, 800.

О СОТРУДНИЧЕСТВЕ ГАСТРОЭНТЕРОЛОГОВ ТАРТУСКОГО И
ХЕЛЬСИНКСКОГО, ОУЛУСКОГО, ТАМПЕРЕСКОГО
УНИВЕРСИТЕТОВ ЗА 1971-1984 гг.

К.П. Виллако, А.О. Тамм

Научные контакты гастроэнтерологов Тартуского государственного университета с соответствующими специалистами из Финляндии, особенно с проф. Макс Сиурала установились уже в начале 60-х годов в виде обмена научными публикациями и мнениями путем переписки.

Решающее значение для возникновения сотрудничества имело пребывание проф. К. Виллако в Хельсинкском университете в 1969 г. в качестве лектора, где он в течение трех недель ознакомился с работой отделения гастроэнтерологии Центральной больницы Хельсинкского университета. В ходе обмена мнениями с заведующим отделением проф. М. Сиурала выяснилось, что научные направления и взгляды гастроэнтерологов руководимой им рабочей группы и Тартуского государственного университета очень близки. В дальнейшем возникла мысль начать совместные исследования. В 1971 г. это намерение обрело более конкретную форму, и на основе совместного заявления Тартуского университета и Центральной больницы Хельсинкского университета дальнейшие исследования соответствующих групп были включены в план договора о сотрудничестве, заключенный между Минздравом СССР и Министерством социального обеспечения и здравоохранения Финляндии. Согласно этому плану 5-8 октября 1972 г. было проведено первое совместное собрание в Тарту и Таллине. Впоследствии совместные заседания проводились ежегодно попеременно в Эстонской ССР и Финляндии. XIII совместное заседание обеих рабочих групп состоялось с 29 августа по 2 сентября 1984 г. в Таллине.

Участники I и XIII совместного собрания
гастроэнтерологов

Со стороны СССР

1. проф. К. Виллако
2. проф. В. Салупере

Со стороны Финляндии

I собрание

1. проф. М. Сиурала
2. доц. М. Кекки

3. доц. Й. Сарв	3. проф. М. Исоски
4. асс. Х.-И. Маарос	4. К. Варис
5. м.н.с. А. Тамм	5. Т. Ихамяки
6. асс. Р. Оле	6. Ю. Лехтола
7. Т. Вельдре	

XIII собрание

1. проф. К. Виллако	1. доц. Ю. Лехтола
2. проф. В. Салупере	2. проф. М. Сиурала
3. с.н.с. А. Тамм	3. проф. М. Исоски
4. доц. Х. Маарос	4. проф. М. Хяркёнен
5. к.б.н. Л. Виллако	5. доц. М. Кенки
6. с.н.с. Р. Уйбо	6. доц. К. Варис
7. м.н.с. Т. Воробьева	7. доц. Т. Сахи
8. к.м.н. И. Кууск	8. доц. П. Сиппонен
9. Р. Таммур	9. д.м.н. Ф. Лаксен
10. асс. Т. Вяли	10. Т. Ихамяки
11. Р. Салупере	11. Х. Арола
12. мл.н.с.У. Сийгур	
13. М. Эйсен	
14. М. Лембер	

Сопоставив списки участников I и XIII симпозиумов/собраний видим, что, во-первых, лица, положившие начало сотрудничеству, в основном продолжают участвовать в нем, во-вторых, круг участников расширился.

Первая тема сотрудничества называлась "Хронический гастрит и рак желудка: механизмы возникновения и распространение хронического гастрита и связь с раком желудка". Прежде всего требовалось унифицировать методы исследования, а также критерии оценки полученных результатов, а затем исследовать частоту встречаемости хронического гастрита среди населения и закономерности его развития. Хронический гастрит связан со всеми предраковыми состояниями желудка и его тяжелые формы длительное время также считались предраковыми состояниями. Поэтому он и по сей день занимает центральное место в наших совместных исследованиях.

Запланированная работа с самого начала проходила активно и давала положительные результаты, что для членов обеих рабочих групп казалось даже несколько неожиданным. Результатом

этого явилась выработка долгосрочной программы исследования вплоть до 1991 г. В дополнение к предраковым заболеваниям желудка начали совместное исследование гиполактазии тонкой кишки и непереносимости молока.

С 1976 г. проводится совместная работа по следующим двум темам:

1. Хронический антральный и фундальный гастрит, язва желудка, полипозные изменения желудка и их связь с раком желудка.
2. Клиническое значение и эпидемиология гиполактазии.

Целью исследований в области первой темы является выявление механизмов возникновения рака желудка. На этой основе окажется возможным достоверно селективировать довольно небольшие группы населения, наиболее подверженные возможности заболеть раком желудка. Группы большого риска населения могут составить основу обоснованной и экономной системы диспансеризации, что позволит обнаружить рак желудка в ранней стадии, а это в свою очередь обеспечивает успешный исход лечения.

Главным методом исследования была комплексная гастроскопия. Кроме гистологических исследований применялись новейшие иммунологические и биохимические методы. При исследовании распространения болезней положены в основу рекомендации ВОЗ. Для установления генетических факторов прослежена встречаемость желудочно-кишечных заболеваний среди кровных родственников. Поскольку методы исследования и критерии оценки результатов являются едиными, возможно достоверное сравнение полученных результатов. Последнее обстоятельство стало основанием совместных научных статей и выступлений на международных конференциях /1-4/.

Разделение труда сотрудничающих сторон в последние годы проводилось таким образом, что более сложные гистологические, иммунологические и математические методы внедряли в начале в Хельсинки или Тампере, основные же экспедиционные исследования проводились в ЭССР. Сбор и обработка клинического материала проводились обеими сторонами приблизительно в равном объеме. Относительно меньше проведено экспериментальных работ.

В течение совместной работы комплексными гастроскопическими, биохимическими и иммунологическими методами обследовано три группы населения по случайной выборке и два больших контингента больных. В ЭССР обследовали жителей сельской

местности (155 лиц) и небольшого города (227 лиц), в Финляндии — сельское и городское население (431 лицо). В ЭССР изучением встречаемости гастрита занимались К. Виллако, А. Тамм, Р. Таммур, Э. Сависаар и др. /5, 6/, в Финляндии — М. Сиурала, М. Исокоски, Т. Ихамяки, П. Сиппонен, М. Кекки, К. Варис /7, 8/. Самым существенным методическим различием при этом было строгое соблюдение случайного выбора обследуемых. В результате этого обследованные лица как по возрасту, так и по полу представляли только взрослое население соответствующих районов. Кроме того, в Тарту около 10 лет ведутся наблюдения за большой группой (120) больных язвой желудка (В. Салупере, Х. Маароос, Р. Уйбо, Т. Воробьева) и в Хельсинки (М. Сиурала, Ф. Лаксен, П. Сиппонен и др.) — за группой больных полипозом (425). Наблюдение за всеми упомянутыми группами продолжается.

Основными результатами этих исследований можно считать следующие:

1. В области хронического гастрита выяснена частота встречаемости различных форм гастрита антрума и тела желудка у эстонцев, проживающих как в деревне, так и в городе. Частые случаи хронического гастрита (более чем у 70% населения) имеются изменения в слизистой оболочке желудка) привели нас к необходимости проверить до сих пор бытующие взгляды на хронический гастрит как болезнь и предраковое состояние.

2. Гастритические изменения не вызывают жалоб, однотипные жалобы имеют место как в случае неизмененной слизистой оболочки желудка, так и в случае гастрита (А. Тамм, К. Виллако, Т. Ихамяки и др.). При лечении больных необходимо выяснить истинную причину подобных нарушений, а не связывать их с гастритом.

3. Выработана математическая модель, характеризующая развитие гастрита как антрума, так и тела желудка (М. Кекки и др.).

4. Как в случае гастрита тела, так и антрума желудка возможно выделить два подтипа — иммунологический и неиммунологический (К. Варис, В. Салупере, Р. Уйбо и др.).

5. Скорость развития гастрита в антруме и теле желудка различна, различна также его связь с другими болезнями желудка. Гастрит развивается быстрее у больных язвой желудка, а также у тех лиц, у которых позднее возникает пернициозная анемия.

6. Хронический гастрит, в особенности изменения слизи-

стой оболочки антральной части желудка связаны (хотя до сих пор невыяснен способ связи) с возникновением рака желудка (П. Сиппонен, К. Виллако). Однако уже сейчас можно сказать, что гастрит не является преанцирозом. Поэтому нет необходимости регулярно наблюдать за всеми соответствующими лицами.

7. Длительное наблюдение за больными язвой желудка позволило выработать оптимальную схему для диспансерного наблюдения за этими больными в отношении развития рака желудка. Для этого необходимо трехразовое комплексное гастроскопическое исследование: при диагностике язвы, для проверки заживления язвы — через 2 месяца и затем по прошествии 5 лет (В. Салупере, Х. Маароос).

8. В области полипоза желудка выяснено, что полипозный желудок целиком представляет собой истинное предраковое состояние. Особенно важным является то обстоятельство, что приблизительно в половине случаев рак в полипозном желудке развивается вне полипа, в других областях желудка /12/.

В области изучения второй темы финские ученые еще до начала сотрудничества занимали ведущее место в мире. Гастроэнтерологи Тартуского университета, пользуясь аналогичной методикой, первыми в Советском Союзе выяснили истинную частоту встречаемости гиполактазии тонкого кишечника и непереносимости молока среди населения. Исследование финского ученого д.м.н. Т. Сахи показало на большом материале, что гиполактазия является рецессивно наследуемым явлением. Поэтому необходимо исследовать ее встречаемость по национальностям и этническим группам. С гиполактазией связана непереносимость молока, которая проявляется в расстройствах пищеварения и поноса при употреблении молока и продуктов с содержанием молочного сахара (лактозы).

Основным методом исследования являлось проведение тестов с нагрузкой лактозой и глюкозой — галактозой. Для оценки активности лактазы в слизистой оболочке желудка и раковой ткани применялось прямое определение энзима в гомогенате ткани (Л. Виллако, Р. Хейдо).

В ходе совместной работы были обследованы три группы по случайной выборке сельского (А. Тамм) и городского (И. Кууск в Пярну и Р. Таммур в Кингисеппе) населения в трех различных районах ЭССР, (всего 572 человека), а также несколько контингентов больных (Й. Сарв, Т. Вили, М. Лембер). К числу последних относились преимущественно больные язвенной болезнью из отделения абдоминальной хирургии, которые были об-

следованы до и по прошествии различных отрезков времени после операции. С целью выяснения особенностей проявления этого явления, а также его наследственные механизмы проводилось еще обследование детей школьного возраста, а также семей лиц с малабсорбцией лактозы (К. Виллако, Р. Таммур).

1. В области гиполактазии тонкой кишки (нарушения всасывания молочного сахара) выяснена частота встречаемости этого явления: среди эстонцев у 25% взрослого населения, среди финнов - у 17%, среди финских шведов - 8%, среди лопарей 37-60% (М. Исокоски, Т. Сахи).

2. Установлена роль молочного сахара в возникновении жалоб, связанных с употреблением молока:

- а) после операции на желудке,
- б) у школьников,
- в) в семьях.

Эти исследования имеют большое значение для организации диетического питания в нашей республике. Кроме того, собранный и собираемый фактический материал позволяет сделать несколько теоретических обобщений. Во-первых, исследование нарушений всасывания молочного сахара отражает и общие закономерности возникновения нарушений всасывания. Во-вторых, проводимое исследование в различных этнических группах позволяет выяснить причины возникновения столь сильно отличающейся частоты встречаемости гиполактазии у разных народностей.

С 1979 г. проводятся также совместные исследования в области изучения иммунологических реакций, характерных для заболеваний печени. К настоящему времени на основании как экспериментальных (для этого выработана модель заболеваний печени на кроликах), так и клинических (более 300 больных) исследований найдено, что в развитии заболеваний печени важную роль играют иммунологические реакции по отношению к мембране печеночной клетки (К. Крун). Используются разнообразные иммунологические и биохимические методы исследования, при этом приоритет в области выработки иммуноэнзиматического метода определения печеночно-специфических антител принадлежит группе сотрудничества: проф. К. Крун (K. Krohn) из Тамперского университета и с.н.с. Р. Уйбо из Тартуского университета. Существенное влияние на развитие названного направления - изучения иммунологии заболеваний печени - имела 10-месячная стажировка Р. Уйбо в Тамперском университете в 1978-79 гг.

Стимулирующие для разработки сложных научных вопросов

импульсы давали короткие визиты финских специалистов в Таллин. Эти встречи состоялись помимо общих годовых совещаний. В 1979 г. проф. М. Скурала и доц. П. Сиппонен обсудили с проф. К. Виллако встречаемость фундального гастрита на острове Сааремаа. В 1982 г. проф. М. Хяркёнен, с.н.с. А. Тамм и проф. К. Виллако анализировали результаты определения пепсиногена I в разных контингентах эстонского населения /15/. Темпы развития хронического гастрита, в частности при язве желудка, стали темой встречи проф. М. Кекки и П. Сиппонен, доц. Х. Маароос и проф. В. Салупере. В том же году К. Крун, с.н.с. Р. Уйбо и проф. К. Виллако согласовали вопросы изучения аутоантител при заболеваниях желудка, печени и поджелудочной железы /16, 17, 18/.

В 1983 г. проф. К. Крун посетил Тартуский госуниверситет и обсудил наряду с научными проблемами вопросы расширения научного сотрудничества между Тамперским и Тартуским университетами.

Результаты исследований и исходящие из них практические выводы были доложены на всесоюзных и зарубежных совещаниях (Пленум Правления Всесоюзного общества гастроэнтерологов, сессии Центрального НИИ гастроэнтерологии, всесоюзные съезды по гастроэнтерологии, зимняя школа по физиологии пищеварения в Калуге, в 1976 г. – в Будапеште, в 1980 г. – в Гамбурге, в 1982 г. – в Стокгольме, в 1984 г. – в Лиссабоне).

В лечебно-профилактической сети г. Тарту и некоторых районов внедрен принцип наблюдения за больными язвой желудка для своевременной диагностики рака желудка у этих больных, а также ряд биохимических и иммунологических методов, апробированных в ходе сотрудничества.

Основные результаты совместной работы опубликованы с обеих сторон в виде научных статей, обзоров и книг. При этом в печати опубликовано 22 совместных статьи, из них 18 – за рубежом и 4 в СССР. В 1972, 1976 и 1979 г. в серии Ученые записки Тартуского государственного университета публиковались работы обеих групп в области гастроэнтерологии. В 1978 г. в рамках сотрудничества вышла в свет книга В. Салупере "Проблема хронического гастрита". Основные результаты десятилетнего сотрудничества были опубликованы в 1981 г. в специальном номере журнала "Annals of Clinical Research" (Vol. 13, N 3). В 1984 г. были опубликованы 4 совместные статьи. Это свидетельствует о том, что советско-финское сотрудничество в области гастроэнтерологии постоянно крепнет и развивается.

Л и т е р а т у р а

1. Villako K., Kekki M., Tamm A., Savisaar E., Siurala M., Ruttas M. Antral and fundic gastritis in randomly selected population sample. - Abstracts of the 10. international congress of gastroenterology. Budapest, 1976, vol. II, p. 767.
2. Kekki M., Villako K., Tamm A., Siurala M. Dynamics of antral and fundal gastritis in an Estonian rural population sample. - Scand. J. Gastroent., 1977, vol. 12, p. 321 - 324.
3. Siurala M., Villako K., Ihamäki T., Kekki M., Lehtola, J., Sipponen P., Varis K. Atrophic gastritis: Its genetic and dynamic behaviour and its relations to gastric carcinoma and pernicious anemia. - In: Pathophysiology of carcinogenesis in digestive organs / Ed. E. Farber et al. Univ. of Tokyo Press, Univ. Park Press, Baltimore, 1977, p. 135 - 150.
4. Villako K., Kekki M., Tamm A., Savisaar E., Siurala M., Ruttas M. Antral and fundic gastritis in a randomly selected population sample. - In: Current views in gastroenterology / Ed. V. Varro & G.A. Balint. Budapest, 1977, vol. 1, p. 557 - 562.
5. Villako K., Tamm A., Savisaar E., Ruttas M. Prevalence of Antral and Fundic Gastritis in a Randomly Selected Group of an Estonian Rural Population. - Scand. J. Gastroent., 1976, vol. 11, p. 817 - 822.
6. Villako K., Kekki M., Tamm A., Tammur R., Savisaar E., Viirsalu V., Sipponen P. Epidemiology and dynamics of gastritis in a representative sample of an Estonian urban population. - Scand. J. Gastroent., 1982, vol. 17, p. 601 - 607.
7. Siurala M., Isokoski M., Varis K., Kekki M. Prevalence of gastritis in a rural population: Bioptic study of subjects selected at random. - Scand. J. Gastroent., 1968, vol. 3, p. 211 - 223.
8. Ihamäki T., Varis K., Siurala M. Morphological, functional and immunological state of the gastric mucosa in gastric carcinoma families: Comparison with the computer-matched family sample. - Scand. J. Gastroent., 1979, vol. 14, p. 801 - 812.

9. Lehtola J. Family study of gastric carcinoma; with special reference to histological types: Acad. dissert. Oulu, 1978.
10. Уйбо Р.М. Значение гиперчувствительности немедленного и замедленного типов при хроническом гастрите: Дис. ... канд. мед. наук. Тарту, 1978.
11. Кууск И. Селективная малабсорбция лактозы среди эстонцев: Дис. ... канд. мед. наук. Тарту, 1981.
12. Laxen F. Gastric polyps and their relation to gastric carcinoma, atrophic gastritis and pernicious anaemia: Acad. dissert. Helsinki, 1984
13. Салувере В. Проблема хронического гастрита. - Таллин: Валгус, 1978.
14. Annals of Clinical Research. Special issue, vol. 13, N 3, 1981.
15. Tamm A., Villako K., Härkönen M., Karonen S.-L. Serum pepsinogen I and the state of gastric mucosa in an Estonian population sample.- Scand. J. Gastroenterol., 1984, vol. 19, 1091-1094.
16. Uibo R., Krohn K., Villako K., Tammur R., Tamm A. The relationship of parietal cell, gastric cell, and thyroid autoantibodies to the state of the gastric mucosa in a population sample.- Scand. J. Gastroenterol., 1984, vol. 19, 1075-1080.
17. Uibo R., Krohn K. Demonstration of gastric cell autoantibodies in antral gastritis with avidin-biotin complex antibody technique.- Clin. Exp. Immunol., 1984, vol. 58, 341-347.
18. Helin H., Uibo R., Paronen I., Krohn K. Immunochemical localisation of human liver specific protein using rabbit antisera and the avidin-biotin complex technique. - Clin. Exp. Immunol., 1985, vol. 59, 371-376.

СВЯЗИ ТАРТУСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА С
ОТЕЧЕСТВЕННЫМИ И ЗАРУБЕЖНЫМИ НАУЧНЫМИ УЧРЕЖДЕНИЯМИ
ПО ИССЛЕДОВАНИЯМ АЭРОИОНИЗАЦИИ И ЭЛЕКТРОАЭРОЗОЛЕЙ

Э.К. Сийрде, Я.Ю. Рейнет, С.Ф. Сибул,
А.К. Йентс, Х.Н. Митрофанова

Сотрудники кафедры оториноларингологии Тартуского государственного университета постоянно занимаются вопросами аэроионизации и электроаэрозолей с 1954 г. Работа проводилась совместно с учеными кафедры общей физики и лаборатории аэроионизации и электроаэрозолей ТГУ — доц. Я.Ю. Рейнетом, доц. П.К. Прюллером, проф. Х.Ф. Тамметом и доц. Л.Ю. Виснапуу, сконструировавшими оригинальные аэроионизаторы, электроаэрозольные генераторы и счетчики ионов, применяемые на кафедре оториноларингологии.

Данной проблемой занимались также сотрудники кафедр неврологии, дерматологии, патологической физиологии, ортопедии и профдефектики внутренних болезней.

На кафедре оториноларингологии систематические исследования по аэроионизации и электроаэрозолям проводились в течение 30 лет (Э.К. Сийрде, С.Ф. Сибул, А.К. Йентс); здесь написаны и защищены одна кандидатская и две докторские диссертации.

Изучение вопросов аэроионизации началось в Тарту под влиянием конференции, проводившейся в 1955 г. в Ленинграде, на которой обсуждались теоретические и клинико-практические проблемы.

Налажен тесный контакт с такими ведущими исследователями Советского Союза, занимающимися проблемами аэроионизации, аэрозолей и электроаэрозолей, как профессора Л.Л. Васильев, П.К. Булатов, С.С. Гробштейн, А.М. Скоробогатова (Ленинград), А.А. Минх, С.И. Эйдельштейн (Москва), Ф.Г. Портнов (Рига), Р.А. Каценович (Ташкент), С.Н. Финогенов (Киев), В.А. Брофман (Караганда), В.В. Петрепкий (Ужгород). Многие из них неоднократно бывали в Тарту.

Обзор трудов по аэроионизации, аэрозолям и электроаэрозолям, выполненных на медицинском факультете Тартуского государственного университета, сделан проф. Э.К. Сийрде в сборнике "Итоги научной работы по медицине в Тартуском государственном университете за 1940-1965 гг.". ;литературный указатель содержит 76 названий. Так как в данной статье невозможно анализировать все напечатанные за последние 20 лет труды, то дается лишь краткий обзор съездов и конференций и исследований по аэроионизации и электроаэрозолям, проводившихся на медицинском факультете ТГУ за период 1966-1984 гг.

Исследования, проведенные на кафедре оториноларингологии, показывают, что отрицательно заряженные аэрозоли увеличивают амплитуду сокращений изолированного сердца и активность мерцательного эпителия изолированного пищевода лягушки. Под действием распыленных водных растворов (аэрозолей) пенициллина, новокаина и других препаратов активность мерцательного эпителия изолированного пищевода лягушки понижается. Отрицательные электроаэрозоли этих же препаратов увеличивают активность мерцательного эпителия. Поэтому в нашей клинике применяются только электроаэрозольтерапия. Эти наши наблюдения совпали с данными американских ученых Крюгера и Смита. Обе работы опубликованы одновременно в 1957 г.

Ингаляция водного аэрозоля в среде отрицательно ионизированного кислорода повышает содержание оксигемоглобина в крови больше, чем вдыхание этого же аэрозоля в среде неионизированного кислорода.

Применение отрицательной аэроионизации при хроническом воспалении (гайморите) и особенно при аллергической ринопатии приводит к сужению сосудов слизистой оболочки носа. При озене и атрофическом рините применение отрицательной ионизации вызывает расширение сосудов.

При озене под влиянием ионизации температура слизистой оболочки носа повышается, при аллергической ринопатии понижается.

Отрицательная аэроионизация изменяет pH отделяемого из носа в нейтральную сторону. При лечении она дает наилучший эффект в случае аллергической ринопатии. Применение ионизации при лечении бронхиальной астмы, сопряженной с воспалением околоносовых пазух, обладает десенсибилизирующим действием.

Под влиянием отрицательных электроаэрозолей повышается оксигемоглобин в крови, расширенные сосуды воспаленной сли-

зистой оболочки носа сужаются, при атрофических состояниях сосуды расширяются, повышается чувствительность рецепторов слизистой оболочки носа, у больных аллергической ринопатией нормализуется pH отделяемого из носа и улучшается носовое дыхание, а также уменьшаются явления ацидоза в крови.

Исследования люминесцентным методом показали, что частицы аэрозоля и электроаэрозоля попадают в организм не только через дыхательные пути, но и через пищеварительный тракт и задерживаются на патологической слизистой оболочке дольше, чем на нормальной.

Нагретый (+29°C) электроаэрозоль лизоцима обладает хорошим лечебным эффектом при острых и хронических воспалениях верхних дыхательных путей.

Под влиянием отрицательной электроаэрозольтерапии эфирным маслом ромашки (Э.Х. Арак) отмечается некоторое уменьшение патогенной микрофлоры и тенденция к увеличению непатогенных штаммов на слизистой оболочке носоглотки.

Определялась эффективность лечения тугоухости отрицательными кислородными электроаэрозолями. В результате лечения слух улучшился в 50% случаев.

В отделении болезней уха, горла и носа Тартуской клинической больницы с 1965 г. по настоящее время амбулаторно и стационарно лечилось аэроионами или электроаэрозолями свыше 25 000 больных с различными заболеваниями верхних дыхательных путей и уха. Лечение электроаэрозолями дистиллированной воды или бронхолитического раствора является доминирующим; в течение 5-минутного сеанса ингаляции больной вдыхает от 1 до 1,5 миллиардов отрицательных элементарных зарядов. Курс лечения - 10-15 сеансов.

На кафедре неврологии ТГУ применяется сконструированное Я.Ю. Рейнетом и Э.И. Таммом электроаэрозольное устройство, включаемое в систему аппарата искусственного дыхания. По данным Э.И. Раудамы, применение этого аппарата у трахеотомированных больных снизило смертность с 50% до 11%.

По данным Х.Т. Вахтера, аэроионотерапия оказывает благоприятное действие при лечении экземы и нейродермита.

П.К. Прюллер и Я.Я. Рийв исследовали влияние атмосферной ионизации и других метеорологических факторов на заболеваемость и смертность. Неблагоприятное действие оказывали в первую очередь такие факторы, как интенсивная циклональная деятельность, резкое падение атмосферного давления, сильные ветры, большие изменения ионизации воздуха.

Тартуские ученые принимали активное участие на Всесоюзной конференции по аэрозолям и гидроионизации в Ташкенте (1960), на конференции "Аэроионизация в гигиене труда" в Ленинграде (1963), на УП эстонской республиканской конференции по курортологии и физиотерапии (1966), на научно-технической конференции по применению аэрозолей в народном хозяйстве в Москве (1967), на VI съезде оториноларингологов СССР в Ереване (1968) на научно-техническом совещании по проблемам электроаэрозолей в Тарту (1969), на IV съезде оториноларингологов Украинской ССР (1971).

В материалах медицинской секции и секции "Аэрозольные баллоны" II Всесоюзной конференции по аэрозолям, состоявшейся в сентябре 1972 г. в Одессе, и Всесоюзного научно-технического симпозиума по физико-математическим и биологическим проблемам действия электромагнитных полей и ионизации воздуха, проходившего в ноябре 1975 г. в Ялте, также представлены работы тартуских ученых.

Обзор деятельности физиков в этой области представлен в сборнике "Роль Тартуского университета в развитии отечественной науки и в подготовке научно-педагогических кадров", изданном в Тарту в 1977 г. Тезисы всесоюзной конференции "Применение ингаляционной терапии в комплексе санитарно-курортного лечения", проводившейся в октябре 1976 г. в Пятигорске, также содержат доклады исследователей из Тарту. На IX эстонской республиканской научной конференции по курортологии и физиотерапии в октябре 1981 г. в Пярну были сделаны доклады и по вопросам электроаэрозольтерапии. Кроме того, результаты работы по данной тематике неоднократно докладывались на конференциях и совещаниях Эстонской ССР. Во многих всесоюзных изданиях цитируются тартуские авторы.

У нас имеется тесный контакт со многими научными учреждениями мира, в том числе с такими, как American Institute of Medical Climatology (prof. I. Kornblush, A. Wehner; USA); Wiener Medizinische Akademie (prof. H. Nauk; Austria); Forschungsinstitut für Tuberkulose & Lungenkrankheiten Berlin-Buch (prof. G. Pickroth; DDR); Intern. Society for Aerosols in Medicine (prof. J. Rudnik; Poland); Université de Pau (prof. G. Schreiber; France); Biometeorological Research Centre (Leiden; prof. W. Tromp) и другие.

Исследования сотрудников кафедры оториноларингологии ТГУ опубликованы в зарубежной периодике и в сборниках материалов различных съездов и конференций: Франция - 1961, 1963 г.; Швейцария - 1969 г.; Голландия - 1972 г.; ВНР - 1972 г.; Австрия - 1973 г.; ГДР - 1974 г.; США - 1975 г.; ФРГ - 1975, 1976 гг.; ПНР - 1977 г.; Израиль - 1979 г.; Италия - 1980 г.; СССР - 1982 г.; Швеция - 1984 г.

При сравнении результатов, полученных в Тарту, с данными других литературных источников обнаруживается много общего. Среди наших трудов имеются исследования по весьма оригинальным проблемам, а именно локальное действие ионов, ионизация кислорода, выяснение преимущества электроаэрозолей перед аэрозолями, установление связей между заболеваемостью и метеорологическими факторами, в частности атмосферной ионизацией.

Л и т е р а т у р а

Сийрде Э. О трудах по аэроионизации, аэрозолям и электроаэрозолям, выполненных на медицинском факультете Тартуского государственного университета. - В кн.: Итоги научной работы по медицине в Тартуском государственном университете за 1940-1965 гг. Тарту, 1966, с. 234-254.

НАУЧНЫЕ СВЯЗИ ТАРТУСКОГО УНИВЕРСИТЕТА В ОБЛАСТИ
ОФТАЛЬМОЛОГИИ (ИСТОРИЧЕСКИЙ ОБЗОР)

Л.Х. Шоттер, В.В. Калнин, А.В. Панов, Н.М. Мандель

В истории офтальмологии Тартуского университета отражаются научные связи и контакты с другими научными центрами России и Западной Европы, причем Тартуский университет стоял часто посредником между русской и западно-европейской офтальмологией.

В первой половине XIX в. среди хирургов, преподававших тогда одновременно и офтальмологию, были выходцы из Германии, воспитанники немецких университетов. Первый профессор хирургии М.Э. Кауцман (1805–1810) являлся воспитанником Эрлангенского университета, Г. Адельман (1841–1871) – Марбургского университета, Э. Карус (1844–1855) – воспитанником Лейпцигского университета /1/. Причем по просьбе Тартуского университета в качестве кандидата на кафедру хирургии вместо перешедшего в Петербург Н.И. Пирогова на Г. Адельмана указал известный немецкий хирург из Гейдельберга М. Хелиус /8/.

В свою очередь уроженцы Эстонии кроме занятий в Тартуском университете изучали медицину и в зарубежных университетах. Так, доцент хирургии И.Л. Йохман (1811–1814) занимался в Вюрцбургском университете, а профессор И.Ф. Мойер (1814–1836) изучал медицину в Германии и Италии, в частности у знаменитого хирурга А. Скарпы /1/. Н.И. Пирогов, являясь воспитанником Московского университета, был слушателем Профессорского института при Тартуском университете (1828–1832), а затем заведовал кафедрой хирургии в Тарту (1836–1841). Во время своих командировок за границу Н.И. Пирогов посещал известные клиники, в том числе клинику А. Грефе. Лекции читались тогда в Тартуском университете часто по руководствам зарубежных авторов (М. Хелиус, А. Вельبو и др.) /19/.

Небезынтересно отметить, что Н.И. Пирогов, находясь уже в Петербурге, в своем письме Временному медицинскому комитету при Министерстве народного просвещения от 10 февраля

1843 г. предлагал в качестве кандидата для вновь учреждаемой параллельной кафедры хирургии при Тартуском университете своего ученика О.Г. Цильхерта. Н.И. Пирогов охарактеризовал его как одаренного, отличающегося ловкостью в производстве операций ученого, наделенного обширными хирургическими и анатомическими сведениями /9/. О.Г.Цильхерт преподавал в качестве приват-доцента в Тартуском университете некоторое время и офтальмологию (в 1845). В 1846 г. он получил назначение профессором хирургии и офтальмологии в Киевском университете /1/.

В это время в Тарту хирурго-офтальмологическую клинику вели по очереди Г. Адельман и Э. Карус, чередуясь в заведывании клиникой ежегодно или по семестрам. Попеременно они читали и теоретический курс офтальмологии /12/. Ассистент Г. Адельмана Ю.К. Шшмановский (уроженец Риги, воспитанник Тартуского университета) преподавал также офтальмологию в 1858 г. В указанном году он сделал 3 операции искусственного образования зрачка, 2 операции катаракты и извлечение инородного тела из глаза /10/. В 1858 г. Шшмановский был назначен экстраординарным профессором в Гельсингфорский университет, а в 1861 г. — избран профессором хирургии Киевского университета /1/.

Первый директор глазной клиники (с 1868 г.) и первый заведующий кафедрой офтальмологии (с 1871 г.) Г. Эттинген происходил из Лифляндской губернии. После окончания Тартуского университета он продолжал свои научные занятия в Берлине, Праге, Вене, Париже и Англии, посетил также Северную Америку. Г. Эттинген, по-видимому, первым привез в Тарту офтальмоскоп. Затем кафедрой офтальмологии с 1879 по 1900 г. заведовал выходец из Германии, воспитанник Вюрцбургского и Галлеского университетов, приват-доцент Страсбургского университета Э.Рельман, создавший в Тарту свою оригинальную офтальмологическую школу /1, 12/.

Во время университетской реформы и в годы, последовавшие за ней, профессорами офтальмологии в Тартуском университете назначались представители московской офтальмологической школы. С 1900 г. на эту должность был назначен Ф.О. Евецкий, который изучал медицину в Петербурге, Цюрихе, Гейдельберге, Вене и Галле. Экзамены на степень доктора медицины он сдал в 1880 г. в Тарту, а в 1886 г. защитил здесь и докторскую диссертацию. После этого Ф.О. Евецкий работал в Москве под руководством А.Н. Маклакова, а затем совместно с А.А.Крыковым

Г. Стунгин (1824-1916)

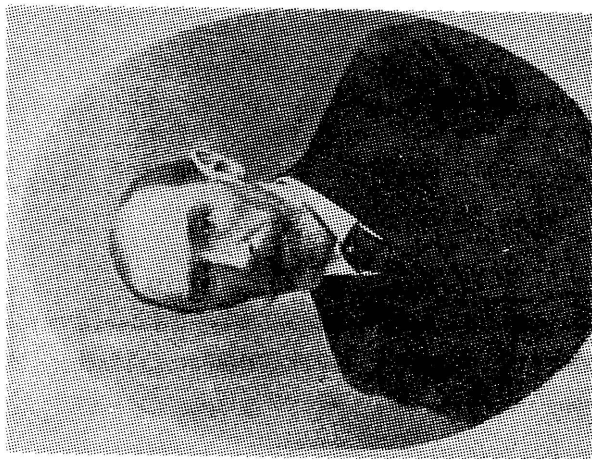
Э. Рельман (1848-1917)

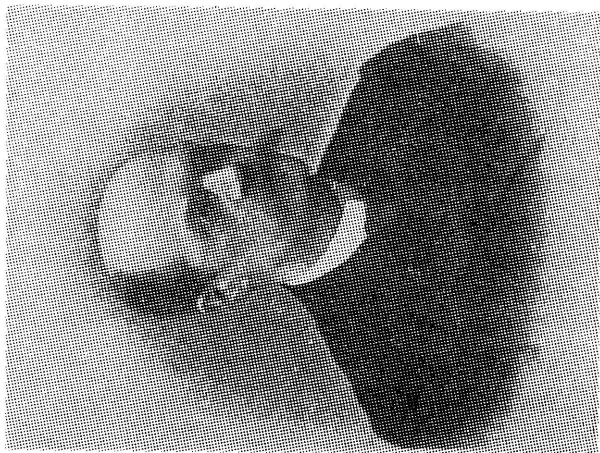
Р. Блессинг (1830-1878)

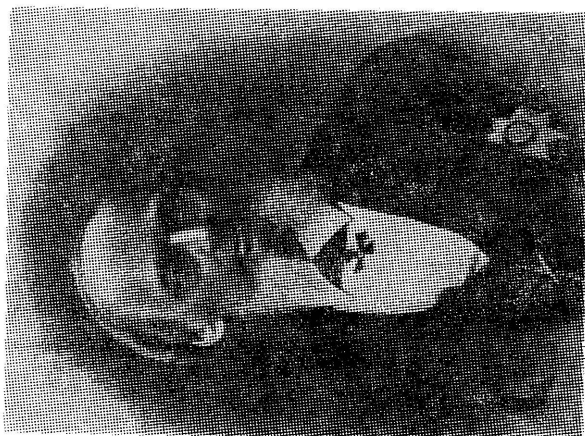
В. Лерхе-старший (1791-1847)

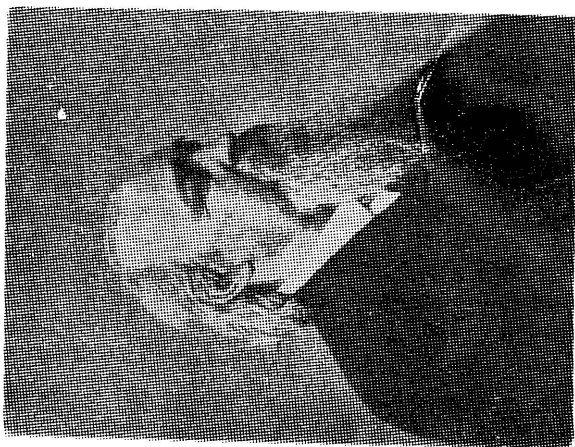
И. Маравич (1831-1904)

Ф. Ю. Шрёдер (1853-1903)

В. Фребелус (1812-1886)

М.Е. Манцельштам (1839-1912)

В качестве экстраординарного профессора /I, I2, I9/. В Тартуском университете он заведовал кафедрой до своей смерти в 1909 г. Он служил своего рода связующим звеном между русской и западно-европейской офтальмологией, публикуя в русских журналах обзоры о зарубежной офтальмологии и в зарубежных журналах о русских офтальмологических работах.

После смерти Ф.О. Евецкого на кафедру офтальмологии в Тарту избирался (в 1910 г.) воспитанник и приват-доцент Казанского университета В.В. Чирковский (1974—1956), но не был утвержден реакционным министром Кассо. В.В. Чирковский стал профессором офтальмологии Казанского университета, затем с 1929 г. I Ленинградского медицинского института /2/. Профессором офтальмологии в Тарту в 1911 г. был назначен А.Г. Люткевич, который прибыл из Москвы, где работал ассистентом и доцентом глазной клиники, а после смерти А.А. Крюкова в 1908 г. временно исполнял обязанности профессора. А.Г. Люткевичем был в Тарту отредактирован и дополнен учебник А.А. Крюкова по глазным болезням. После эвакуации Тартуского университета и глазной клиники в 1918 г. в Воронеж, А.Г. Люткевич организовал там глазную клинику, которой руководил до своей смерти в 1928 г. /6, I9/.

Некоторые из окончивших Тартуский университет (кроме уже отмеченных выше Цильхерта и Шимановского) работали впоследствии известными офтальмологами в России и за границей. Так, В.В. Лерхе заведовал Петербургской глазной лечебницей с 1816 г. и возглавил ее, когда лечебница вновь открылась после короткого перерыва 1 мая 1825 г. и руководил ею до самой смерти (1847). Затем директором этой лечебницы стал К.Ф. Штраух. С 1863 по 1878 г. директором являлся Р. Блессиг, с успехом выступавший на международных съездах. Затем до 1900 г. директором этой, самой крупной в России и лучшей по своему оборудованию глазной лечебницы был И.Х. Магавли. Он явился организатором курсов для земских и частных врачей, желавших специализироваться по глазным болезням и, таким образом, был учителем многих русских окулистов. Преемником Магавли на посту директора стоял с 1900 г. до своей смерти (в 1903 г.) Ф.Ю. Шредер. С 1906 по 1920 г. директором этой лечебницы был также воспитанник Тартуского университета Э. Блессиг /12/.

Ученик Н.И. Пирогова во время его Тартуского периода Е.Б. Еще работал в 1842—1844 гг. в Петербурге, где разработал методику пластики века при энтропионе. Предложенный Еще

метод лечения энтропиона получил распространение в модификации видного немецкого окулиста Ф. Арльта и был описан в учебниках как "операция Еше-Арльта". Е.Б. Еше работал затем хирургом в Минске, Саранске, Пензе и Нижнем Новгороде /3/. Одним из первых доставил из Германии глазное зеркало в Петербург питомец Тартуского университета В. Фребелиус и уже в 1852 г. описал свое видоизменение глазного зеркала /12/.

В 1875–1878 гг. ассистентом и в 1878–1890 гг. старшим врачом Петербургской глазной лечебницы был воспитанник Тартуского университета Г.А. Донберг /16/. Он уже с самого начала существования Клинического института для усовершенствования врачей (ныне Ленинградский ГИДУВ) – с 1885 г. был приглашен в качестве доцента организовать курсы по глазным болезням. Занятия с курсантами он вел безвозмездно до 1896 г., когда стал ординарным профессором. В 1890 г. в глазном здании института на хирургической половине для стационара глазной клиники были сначала выделены 4 койки, а в 1891 г. их насчитывалось уже 23. Г.А. Донберг по праву считается основателем глазной кафедры в институте. Он заведовал этой кафедрой до своей смерти в 1900 г. /7/.

Под руководством Г.А. Донберга в Клиническом институте с 1896 г. начал работать Г.Е. Выгодский. Он являлся видным ученым, клиницистом и хорошим хирургом. Затем Выгодский работал приват-доцентом Военно-медицинской академии, с 1926 г. по день смерти в 1937 г. заведовал кафедрой офтальмологии в Ленинградском ГИДУВ /7/.

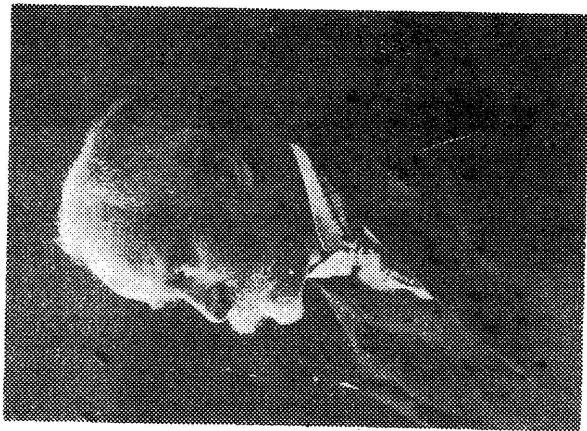
В Москве инициатором открытия в 1826 г. старейшей и образцовой по тем временам глазной лечебницы явился воспитанник Тартуского университета П.Ф. Броссе. С 1846 г. лечебница стала госпитальной глазной клиникой Московского университета. Профессор Броссе состоял главным врачом лечебницы в течение 30 лет до самой смерти (1857). Известным окулистом в Москве стал также другой воспитанник Тартуского университета А. Натансон, успешно представлявший отечественную офтальмологию на международных съездах /13/.

В Одессе первое специализированное глазное отделение в 1865 г. организовал Г.Х. Шмидт, впоследствии преобразованное в самостоятельную глазную лечебницу. В Киевском университете до открытия самостоятельной кафедры офтальмологии (1869) эту дисциплину преподавали выпускники Тартуского университета, известные хирурги В.А. Караваев, Г. Бейкер и О.Г. Цильхерт, а с 1860 г. – Х.Я. Губбенет. В 1862 г. Губбенет привез в

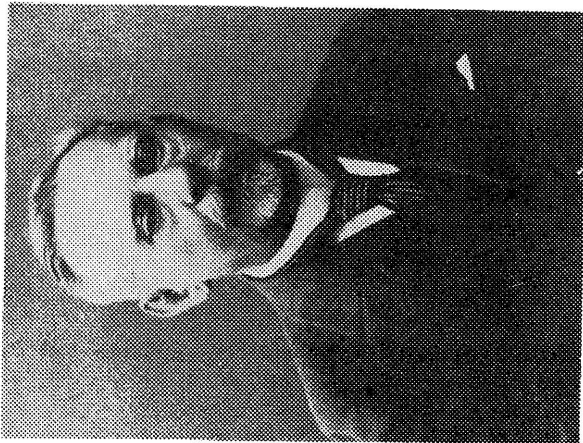
Россию только-что изобретенный в 1851 г. Г. Гельмгольцем офтальмоскоп. В 1875–1880 гг. доцентом кафедры офтальмологии в Киеве был питомец Тартуского университета М.Е. Мандельштам, популярнейший в то время врач, автор ряда ценных работ и учебника по офтальмологии /12/. В Харьковском университете с 1837 по 1862 г. работал адъюнкт-профессором, а затем ординарным профессором хирургии и офтальмологии воспитанник Тартуского университета А.К. Струве. На Украине работал так же латыш Я. Руберт, который основал в 1904 г. глазную лечебницу в Звенигородке, в 1908 г. перешел в Киевский университет, где был приват-доцентом и 1918–1921 гг. профессором, заведующим кафедрой офтальмологии, а в 1923–1934 гг. на такой же должности в Риге, где организовал глазную клинику и был в 1923–1925 гг. ректором Латвийского университета /18/.

Питомцами Тартуского университета являлись также латышские офтальмологи Г. Рейнгард (заведующий кафедрой офтальмологии в Риге в 1923 г.), Э. Янсон (заведующий этой же кафедрой в 1934–1940 и 1941–1944 гг.) и видный литовский офтальмолог П. Авижонис, ставший организатором медицинского факультета Каунасского университета и глазной клиники при нем. В 1897 г. окончил Тартуский университет А.Н. Шатилов, который стал создателем целой школы грузинских окулистов, с 1933 г. до конца своей жизни был профессором и заведовал кафедрой офтальмологии в Тбилисском медицинском институте /12/. Еще в 1867–1879 гг. в Тбилиси офтальмологией занимался эстонец П. Бломберг, который в годы учебы в Тарту изучал офтальмологию в Берлине у Грефе /4/. В Саратове первую глазную лечебницу в 1873 г. открыл Э. Бонвеч, которая стала фактически центром глазной помощи для всего населения Нижнего Поволжья /13/. Другой выпускник Тартуского университета – А.К. Мольтрехт успешно работал глазным врачом с 1902 по 1930 г. на Дальнем Востоке. Он сыграл в то же время важную роль в изучении этого края и народов региона Тихого океана /11/.

За границей Г. Шелер занял должность профессора офтальмологии в Берлинском университете. Он и Л. Мандельштам заложили в 1872 г. основы офтальмометрии, производя в лаборатории Г. Гельмгольца первые исследования оптических показателей глаза. С. Яниковский и И. Барановский преподавали одновременно хирургию и офтальмологию, первый в Краковском, второй в Варшавском университете. В. Наркевич-Йодко занимал в последнем в 60–е годы XIX в. уже отдельную кафедру офтальмологии /12/.

Ф.О. Евецкий (1851-1909)

Э. Елесов (1859-1940)

В буржуазный период выделяются особенно связи между офтальмологами Прибалтики. В декабре 1920 г. на должность директора глазной клиники и профессором офтальмологии Тартуского университета был приглашен из Петрограда Э. Блессиг. В Тарту Э. Блессиг издал в 1922 г. первую "Русскую офтальмологическую библиографию", которая охватывала 1870-1920 гг. В 1925 г. им издано еще дополнение к указанной библиографии, а в 1933 г. - "Индекс прибалтийской офтальмологии" /19/. В 1924 г. Э. Блессиг знакомился в Ленинграде с офтальмологическими учреждениями и с преподаванием этого предмета, а в 1928 г. принимал участие во Всесоюзном съезде офтальмологов /20/. В апреле 1928 г. по инициативе Э. Блессига на квартире профессора Я. Руберта в Риге состоялась первая встреча офтальмологов Прибалтики. Среди приглашенных находился также П. Авижонис из Каунаса. В сентябре того же года в Риге состоялся II съезд врачей Латвии, на котором работала и офтальмологическая секция. По предложению Э. Блессига было создано Прибалтийское общество офтальмологов и принято решение считать заседание указанной секции первой конференцией объединения. Всего состоялось 5 конференций: в 1928 г. в Риге, в 1930 г. - в Тарту, в 1932 г. - в Каунасе, в 1934 г. - Риге и в 1938 г. - в Тарту. Тематика докладов отличалась разнообразием, наибольшее внимание уделялось офтальмохирургии /5/.

После выхода Э. Блессига в отставку в 1930 г. его место занял Я. Уудельт, участвовавший в организации конференций офтальмологов Прибалтики. Я. Уудельт неоднократно бывал за границей с целью усовершенствования, а в 1938 г. он был избран членом-корреспондентом Общества финляндских врачей "Duodecim" /17/. Ассистенты кафедры (О. Курикс, С. Вооремаа, Ю. Сууркюла, В. Сави и др.) также ездили с целью усовершенствования в Германию, Финляндию и др. страны.

В послевоенном периоде укрепились научные связи тартуских офтальмологов с учеными Москвы, Ленинграда, Одессы и др. Так, во время работы над кандидатской диссертацией, посвященной эпидемиологии трахома в Эстонии, заведующий кафедрой В.А. Сави контактировал с главным окулистом Министерства здравоохранения СССР проф. А.С. Саввоитовым. Кандидатской диссертацией заведующего глазным отделением И.Л. Кропмана, посвященной вопросам корреспонденции сетчаток при содружественном косоглазии, руководил с.н.с. Московского НИИ глазных болезней им. Гельмгольца Е.М. Белостоцкий. Научным консультантом Л.Х. Шоттера при работе над докторской диссертацией

по вопросам магнитной хирургии глаза была профессор Н.А. Плетнева, заведующая кафедрой глазных болезней I Московского медицинского института. Диссертационная работа ассистента кафедры А.В. Панова завершается на материалах травматологического отделения Московского НИИ глазных болезней им. Гельмгольца под руководством проф. Р.А. Гундоровой. Научным руководителем аспиранта Л.Л. Шоттера по теме оперативного лечения близорукости является профессор В.С. Беляев, заведующий кафедрой глазных болезней университета Дружбы народов им. П. Лумумбы.

Кроме того, возникли научные связи и личные контакты с учеными других учреждений и городов во время пребывания тартуских офтальмологов на курсах усовершенствования, при участии в работе органов правления Всесоюзного общества офтальмологов и других организаций, во время съездов, конференций и семинаров (Москва, Ленинград, Одесса, Киев, Ташкент, Алма-Ата, Каунас, Кёльн, Дубровник и др.). Наладились также научные связи с некоторыми зарубежными офтальмологами (Х.-Г. Гийсман - ГДР, Х. Неубауер - ФРГ, К. Дикхоф - Финляндия). Разработанные в Тарту (Л.Х. Шоттер с соавт.) оперативные методы и инструменты применяются не только в республике, но и за ее пределами, выпускаются медицинской промышленностью, демонстрировались на международных конференциях и выставках (Одесса, Токио, Алжир).

В течение послевоенного периода офтальмологами Эстонской ССР проведено значительное количество научно-практических семинаров и 6 конференций, посвященных актуальным вопросам современной офтальмологии, издано 3 сборника научных работ. Наиболее углубленные исследования ведутся по вопросам близорукости (Н.М. Мандель, С.А. Янес, Р.В. Куйв, Л.Х. Шоттер, Л.Л. Шоттер) и травматизма (Л.Х. Шоттер, А.В. Панов, А.В. Герасимова /14, 15/.

В работе республиканских конференций принимали активное участие также ведущие офтальмологи из других республик.

Л и т е р а т у р а и и с т о ч н и к и

- I. Биографический словарь профессоров и преподавателей Юрьевского (б. Дерптского) университета за сто лет его существования (1802-1902) /Под ред. Г.В. Левицкого. Юрьев, 1903, т. II, с. I-XVI, I-326.

2. Биографический словарь профессоров I-го Ленинградского, бывшего Женского медицинского института им. И.П.Павлова за 50 лет (1897-1947) /Под ред. Ю.Ю. Джанелидзе и С.Я. Фрейдлина. Л., 1947, с. 137.
3. Грицкевич В.П. Воспитанник Тартуского университета врач Е.Б. Еше (К 100-летию со дня смерти). - Вопросы истории Тартуского университета. Тарту, 1977, т. VI. с. 62-69.
4. Калнин В.В., Лайгу Р.А., П.М.Блумберг - первый эстонский врач-офтальмолог. - Материалы конференции, посвященной 100-летию глазной клиники и кафедры офтальмологии Тартуского университета. Тарту, 1968, с. 21-24.
5. Магильницкий С.Г. Конференция офтальмологов Прибалтики в 1928-1938 гг. - Вопросы медицины и биологии в Прибалтике: Тез. докл. XII Прибалтийской конф. по истории науки и техники. Вильнюс, 1979, с. 50-52.
6. Покровский А.И. Профессор А.Г. Люткевич: Некролог. - Архив офтальмологии, 1928, 4, 3, с. 308-311.
7. 75 лет Ленинградского государственного ордена Ленина института усовершенствования врачей им. С.М. Кирова (1885-1960). Л., с. 280-282.
8. ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 57, ед.хр. 152, л. 1-3.
9. ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 99, ед.хр. 713, л. 41-42.
10. ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 57, ед.хр. 667, л. 51.
11. Чигринский М. Воспитанник Тартуского университета врач А.К. Мольтрехт - исследователь Дальнего Востока. - Вопросы истории Тартуского университета. Тарту, 1983, т. XV, с. 143-152.
12. Шоттер Л.Х., Калнин В.В. Выдающиеся офтальмологи, вышедшие из Тартуского университета в XIX и в начале XX в. - Вопросы медицины и биологии: Тез. докл. XI Прибалтийской конф. по истории науки и техники. Тарту, 1977, с. 143-147.
13. Шепетова Г.А., Калнин В.В. Медицинская и общественная деятельность воспитанников Тартуского университета в Саратовской губернии. - Вопросы истории Тартуского университета. Тарту, 1979, т. XII, с. 23-36.
14. Материалы конференции, посвященной 100-летию глазной клиники и кафедры офтальмологии Тартуского университета, Тарту, 1968.
15. Сборник материалов VI конференции офтальмологов Эстонской ССР. Тарту, 1977.

16. Deutschbaltisches biographisches Lexikon 1710-1960.-Köln-Wien: Böhlau Verlag, 1970, S. 172-173.
17. Eesti Biograafilise Leksikoni täiendusköide. Tartu-Tallinn, 1940, lk. 354.
18. Latvijas PSR Maza Enciklopēdija (LME). Riga, 1970, III s, p. 245.
19. Schotter L., Kalnin V. Oftalmoloogia areng Tartu Ülikoolis. - Nõukogude Eesti Tervishoid, 1969, nr. 2, lk. 134-139.
20. ENSV RAKA, f. 2100, nim. 2, s. 67, l. 79-81, 92-103.

СВЯЗИ ПЕТЕРБУРГА И ДЕРПТА В ОБЛАСТИ ПЕДИАТРИИ

Г.Л. Микиртчян

Связи Петербурга и Дерпта в области педиатрии прослеживаются с начала возобновления деятельности Тартуского университета в 1802 г. Среди многообразных связей между этими двумя центрами можно выделить три основные:

1. Ученые, получившие подготовку в высших медицинских учебных заведениях Петербурга, работали на кафедрах Тартуского университета и развивали основные направления петербургской школы педиатров. Так, с 1908 г. впервые в истории Тартуского университета преподавание педиатрии на кафедре акушерства, женских и детских болезней вел специалист, известный петербургский педиатр, ученик Н.И. Быстрова В.П. Жуковский. Благодаря его усилиям, была создана специальная детская амбулатория, где проводились занятия со студентами, организована хорошо оборудованная лаборатория, улучшена наглядность преподавания.

Кратковременно на кафедре детских болезней Тартуского (Юрьевского) университета работал ученик И.П. Павлова Н.И. Красногорский.

2. Близок к предыдущему второй тип связи. Выпускники и сотрудники Тартуского университета, пройдя специализацию в научных педиатрических центрах Петербурга, возвращались в свой университет и внедряли все ценное, передовое в клиническую, организационную и преподавательскую деятельность. Примером этого типа связи служит деятельность К.К. Дегио. То, что К.К. Дегио прошел четырехлетнюю специализацию в крупнейшей детской больнице Петербурга под руководством известного педиатра К.А. Раухфуса, во многом определило решение Совета Тартуского университета об избрании К.К. Дегио заведующим кафедрой специальной патологии и терапии внутренних болезней. К.К. Дегио читал лекции по педиатрии, острым детским инфекциям, ларингоскопии, вел со студентами прием больных детей в университетской поликлинике. Его заслуга состоит также в улучшении медицинской помощи детям в Тарту. Во всей деятельности К.К. Дегио прослеживается влияние К.А. Раухфу-

са, который очень тепло относился к нему, принимал непосредственное участие в его судьбе, в частности настойчиво рекомендовал К.К. Дегю на вакантную кафедру специальной патологии и терапии внутренних болезней /1/.

3. Выпускники Тартуского университета работали в детских медицинских учреждениях Петербурга и полученные в университете знания с успехом использовали на занимаемых должностях. При изучении архивных документов, связанных с историей первой детской больницы в России, открытой в 1834 г. в Петербурге, выяснилось, что 4 первых директора и главных врача этой больницы были выпускниками Тартуского университета, трое из них учились в университете в период, когда там читался специальный курс лекций по детским болезням.

Инициатором организации первой детской больницы в России наряду с сенатором А.И. Апраксиным и лейб-медиком Н.Ф. Арендтом был Карл Иванович Фридебург (1786-1835), ставший ее первым директором и главным врачом. К.И. Фридебург - уроженец Кенигсберга. В 1808 г. он окончил Тартуский университет. В годы учебы слушал лекции по детским болезням, которые впервые в 1806 г. были включены в план лекций кафедры акушерства и ветеринарии (с 1820 г. - кафедры акушерства, женских и детских болезней) /2/. Читал лекции основоположников кафедры профессор Х.Ф. Дейч. После окончания университета К.И. Фридебург в течение нескольких месяцев работал лекарем в Обуховской больнице в Петербурге и в продолжение года на Адриано-польских минеральных водах. В 1811 г. после сдачи экзамена в Медико-хирургической академии в Петербурге был удостоен звания инспектора врачебной управы и определен в Кексгольмский пехотный полк старшим лекарем. Участвовал в войне 1812 г., "за примерное усердие к службе в подавании помощи больным и раненым" ему был пожалован орден Святого Владимира. После войны работал уездным врачом в Москве, инспектором в Виленской Врачебной управе, состоял членом Виленского медицинского общества. В 1827 г. перевелся в Петербургский физикат. За разработку "способа вылечивать людей от заикания" ему было выдано в 1829 г. вознаграждение 10 тыс. рублей. Это свое умение он использовал в возглавленной им детской больнице, где раз в неделю принимал больных заиканием /3/. Разработка устава и организация первого года деятельности больницы полностью связаны с именем К.И. Фридебурга. Первоначально больница располагала 60 койками, в 1835 г. их число было доведено до 100. В первые годы дети в больнице размеща-

лись без учета этиологии заболевания, отделялись лишь дети с так называемыми прилипчивыми болезнями. Кроме того, существовало разделение больных по полу. За пребывание в больнице взималась плата в размере 15 рублей в месяц, дети бедных родителей могли получать бесплатное лечение. Ежедневно в течение двух часов принимались амбулаторные больные, больным детям помощь оказывалась и на дому /4/.

С 1835 по 1860 г. Петербургскую Николаевскую детскую больницу возглавлял Федор Иванович Вейссе (1790 – после 1860 г.). Тартуский университет он окончил в 1811 г., то есть учился в те годы, когда профессор Х.Ф. Дейч начал читать отдельный курс лекций по детским болезням (с 1809 по 1833 г.), Дейч также читал болезни новорожденных в курсе акушерства. После окончания университета Ф.И. Вейссе получил степень доктора медицины. В период с 1815 по 1819 г. он путешествовал по Германии, Голландии, Франции и Англии с целью усовершенствования знаний. С 1820 по 1844 г. он служил в Тюремном ведомстве. Одновременно, с 1821 г. служил врачом при Благородном пансионе Петербургского университета и с 1822 г. – при вновь созданном Петербургском Высшем училище (преобразованном в 1831 г. в губернскую гимназию), эти должности он оставил в 1857 г. Под руководством Ф.И. Вейссе Николаевская детская больница получила известность не только в России, но и в других странах. Ф.И. Вейссе пользовался огромной популярностью как сведущий и искусный детский врач. Он был человеком разносторонних интересов, состоял действительным членом Московского общества испытателей природы, членом-корреспондентом Российской Академии наук, Курляндского исторического общества в Митаве, Эстляндского литературного общества в Ревеле, Рижского естествоиспытательного общества, а также почетным членом Гамбургского врачебного общества и Дрезденского общества естественных и медицинских наук. Уйдя с поста главного врача, Ф.И. Вейссе оставался почетным членом Комитета больницы /5/.

После Ф.И. Вейссе до 1871 г. больницу возглавлял Владимир Егорович Гейдеке (1809 – после 1871 г.). Он окончил Тартуский университет в 1832 г., получив степень доктора медицины. Во время обучения он также слушал специальные лекции по детским болезням профессора Х.Ф. Дейча. Затем В.Е. Гейдеке 7 месяцев работал сверхштатным ординатором в Обуховской больнице в Петербурге. В 1838 г. он поступил в Петербургскую Николаевскую детскую больницу ординатором. В.Е. Гейдеке про-

изводил хирургические операции, "требующие особенных способностей и трудов" /6/. Во время отпусков директора исполнял его обязанности. Став директором больницы, главное внимание уделял тому, чтобы дети без промедления получали медицинскую помощь, следил за ходом болезни и лечением детей, постоянно консультировал врачей в сложных случаях не только в отделениях, но и в амбулатории. Л.И. Томашевский, главный врач больницы с 1876 по 1900 г., писал о В.Е. Гейдеке: "Утонченная вежливость его в обращении с больными и подчиненными оставили хорошее воспоминание о времени управления им больницей" /7/.

За время руководства больницей В.Е. Гейдеке сделал немало полезных преобразований. Было построено отдельное здание для заразных больных, расширено амбулаторное отделение, была учреждена должность прозектора, проведено газовое освещение всех помещений и дворов, налажено водоснабжение из Невы. Конечно, эти изменения нельзя назвать радикальными, но в условиях отсутствия фиксированного бюджета и государственной субсидии (больница была устроена и в дальнейшем существовала, в соответствии с уставом, только за счет частных, благотворительных средств) серьезные перестройки были невозможны. В 1862 г. В.Е. Гейдеке добился от Городской Думы ежегодного пособия для больницы в размере 2 000 рублей в год, что, безусловно, было слишком малой суммой для покрытия хотя бы части возрастающих расходов больницы. Число пользовавшихся больных в этот период значительно увеличилось. В 1871 г. В.Е. Гейдеке подал прошение об увольнении его в связи с болезнью.

Его место занял Павел Александрович Вульфius (1830 — после 1896 г.). По окончании полного курса наук в Тартуском университете, где находился на казенном иждивении, в 1855 г. был удостоен звания доктора медицины. П.А. Вульфius слушал в университете лекции ученика профессора Х.Ф. Дейча П.У.Ф. Вальтера, прослывшего как искусный женский и детский врач. Профессор П.У.Ф. Вальтер возглавлял кафедру акушерства, женских и детских болезней с 1834 по 1859 г., организовал амбулаторное отделение детской клиники, большое внимание уделял оспопрививанию.

П.А. Вульфius был определен на службу в Морское ведомство и прикомандирован к Кронштадтскому морскому госпиталю младшим ординатором. Участвовал в Крымской войне в качестве военно-морского врача на фрегате "Олаф". Служил на корвете

"Боярин", на котором совершили кругосветное плавание к устьям реки Амур, затем был перемещен на корвет "Воевода". С 1859 по 1862 г. П.А. Вульфгус был приписан к Николаевскому на реке Амуре порту, плавал на корвете "Гриден". В 1862 г. прибыл на Кронштадтский рейд и до 1870 г. служил на паровой яхте "Александрия", в составе экипажа которой неоднократно участвовал в учебных плаваниях. С 1871 г. после выхода в отставку и до 1876 г. он возглавлял Николаевскую детскую больницу /8/.

Первые преобразования П.А. Вульфгуса на посту директора детской больницы были связаны с организацией новых отделений для детей. Он создал по роду заболеваний терапевтическое, хирургическое, скарлатинозное, оспенное, коревое и дифтеритное отделения. В эти годы перестроили аптеку и лабораторию, в амбулатории был введен прием по хирургическим, ушным, глазным болезням. Во время эпидемии оспы и холеры в больнице открывались специальные отделения для детей младшего возраста. Только за 1872 г. через больницу прошло 1255 детей больных оспой. Однако все эти нововведения осуществлялись ценой огромных усилий. Энергичный по своему характеру П.А. Вульфгус пытался улучшить финансовое положение больницы. Он разработал новый устав, приняв за основу устав детской больницы П. Ольденбургского в Петербурге. Но выполнение нового устава затруднялось ограниченностью средств Николаевской детской больницы по сравнению с "богатейшей и роскошно одаренной средствами" больницей П. Ольденбургского. Несмотря на все трудности, персонал больницы под руководством П.А. Вульфгуса работал и вносил свой вклад в дело оздоровления детского населения.

В 1876 г. П.А. Вульфгус принял приглашение Совета детской больницы Св. Владимира в Москве занять должность директора и состоял в этой должности до 1896 г.

Таким образом, в течение 42 лет первой детской больницей в России руководили выпускники Тартуского университета.

Л и т е р а т у р а и и с т о ч н и к и

1. ЦИА СССР, ф. 733, оп. 149, д. 778, лл. 184-189.
2. Керес Л. О преподавании детских болезней и о научных исследованиях по педиатрии в Тартуском университете в период 1802-1971 гг. - Учен. зап. Тарт. ун-та, 1972, вып. 295, с. 9.

3. Ленинградский государственный исторический архив, ф. 200, оп. I, д. II, лл. 28об.-29.
4. ЛГИА, ф. 204, оп. I, д. 30, л. 2.
5. ЛГИА, ф. 200, оп. I, д. II, лл. I-4; д. 54, лл. 8-9, 46-49; д. 79, лл. 22, 26.
6. ЛГИА, ф. 200, оп. I, д. I9, лл. I, 6, 30, I22, I23.
7. Томашевский Л.И. Исторический очерк пятидесятилетнего существования С.-Петербургской Николаевской детской больницы. Спб., 1884, с. 24.
8. ЛГИА, ф. 200, оп. I, д. I85, лл. 3-I5, 43, 95.

ВЛИЯНИЕ НАУЧНОЙ ШКОЛЫ А.А. ЛИМБЕРГА НА РАЗВИТИЕ СТОМАТОЛОГИИ В ТАРТУСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

М.О. Лыви-Калнин

В формировании челюстно-лицевой хирургии в обособленный раздел хирургии немаловажную роль сыграла научная школа А.А. Лимберга (1894–1974), члена-корреспондента АМН СССР, заслуженного деятеля науки РСФСР, профессора и заведующего кафедрой челюстно-лицевой хирургии Ленинградского ГИДУВ (государственный институт для усовершенствования врачей) им. С.М. Кирова с 1935 по 1974 г. Основной клинической базой этой кафедры стало челюстно-лицевое отделение ЛНИИТО (Ленинградский научно-исследовательский институт травматологии и ортопедии) им. Р.Р. Вредена, работой которого также руководил А.А. Лимберг. Организованная кафедра челюстно-лицевой хирургии сыграла ведущую роль в создании в СССР новой специальности, которой не существовало в дореволюционной России. На этой кафедре получили подготовку многие хирурги-стоматологи Советского Союза, в том числе и Эстонской ССР (И.А. Каск, Э.И. Кяспер, А.Э. Илус – ординаторы из Тартуской клинической больницы, А.Э. Стамберг – ординатор из Таллинской больницы скорой помощи и др.). На этой кафедре было подготовлено свыше 15 тысяч врачей-курсантов[‡].

С 1946 по 1956 г. А.А. Лимберг руководил также кафедрой хирургической стоматологии Ленинградского стоматологического института, а в 1943–1945 гг. был профессором кафедры челюстно-лицевой хирургии и стоматологии Ленинградского педиатрического института /14/. А.А. Лимберг является учеником одного из основателей стоматологии с хирургическим уклоном в России Ф.А. Звержовского и своего отца А.К. Лимберга, выходца из Эстонии и первого профессора, заведующего кафедрами одонтологии в Клиническом институте усовершенствования врачей и на Высших женских медицинских курсах в Петербурге.

[‡] Из доклада В.А. Козлова на заседании Научного общества стоматологов Ленинграда и области 28 ноября 1983 г., посвященном 90-летию со дня рождения профессора Александра Александровича Лимберга.

Профессор А.А. Лимберг (1894-1974)

Это, безусловно, сыграло значительную роль в становлении А.А. Лимберга крупнейшим специалистом нашей страны в области пластической и реконструктивной хирургии лица.

Из научной школы А.А. Лимберга вышла целая плеяда ученых и преподавателей хирургической стоматологии, работающих в разных вузах и клиниках челюстно-лицевой хирургии научно-исследовательских институтов Советского Союза (в том числе Прибалтики): В.А. Дунаевский, А.Т. Титова, Алла А. Лимберг, В.А. Козлов, В.И. Знаменский, Н.И. Ярчук, Э.И. Часовская,

К. В. Тихалов, И. С. Рубежова, Г. А. Котов (Ленинград), Э. А. Александрова (Киев). П. В. Наумов и Р. Д. Новоселов (Калинин), М. М. Мусинов (Самарканд), А. Ю. Муснекене (Вильнюс), М. О. Ливи-Калнин (Тарту) и др. Его ученик В. С. Йончев работает профессором в Софии (Болгария). А. А. Лимберг написал свыше 150 научных работ по стоматологии. Его научные труды охватывают различные разделы челюстно-лицевой хирургии (одонтогенные воспаления, травмы челюстно-лицевой области, врожденные расщелины лица, остеопластика, пластика встречными треугольными лоскутами и стебельчатым лоскутом и др.). Его многочисленные ученики в настоящее время продолжают изучение этих вопросов.

В 1927 г. в руководстве проф. А. А. Поленова "Основы практической травматологии" впервые описана А. А. Лимбергом система гнутых проволочных шин для лечения переломов челюстей, применяемых до настоящего времени. В 1938 и 1939 г. в двух изданиях вышедшего учебника по хирургической стоматологии, написанного вместе с П. П. Львовым и явившегося вообще одним из первых учебных пособий по этой дисциплине, отдельная глава посвящалась повреждениям челюстно-лицевой области. Среди различных аппаратов и шин, применяемых при лечении повреждений челюстно-лицевой области, в учебнике были описаны предложенные А. А. Лимбергом специальный крючок и шипцы для репонирования скуловой кости /9/. Специальный крючок Лимберга для вправления отломков скуловой кости и гнутые шины из алюминиевой проволоки находят широкое применение и в отделении хирургической стоматологии Тартуской клинической больницы (клинической базы ТГУ), где гнутыми проволочными шинами лечат более 75% из всех переломов челюстей /13/. В арсенале транспортных шин на кафедре стоматологии ТГУ имеются также предложенные А. А. Лимбергом деревянная шина-дощечка и стандартная металлическая шина-ложка с внеротовыми стержнями для иммобилизации переломов верхней челюсти /9/. Эти шины, а также таблицы с различными видами шин, составленными А. А. Лимбергом и его сотрудниками, служат наглядным пособием для студентов на практических занятиях.

А. А. Лимберг разработал стройную систему местнопластических восстановительных операций, прежде всего методику пластики с помощью встречных треугольных лоскутов, основываясь при этом на точных математических расчетах. В 1946 г. он издал монографию "Математические основы местной пластики на поверхности тела", за которую ему была присуждена Государственная премия /14/. Дополненный вариант монографии "Планирование местнопластических операций", который был переве-

ден и на немецкий язык, вышел в 1963 г. Многие предложения и методики пластических восстановительных операций, описанных в монографиях А.А. Лимберга, получили широкое распространение в других специализированных клиниках страны, в том числе и Тартуской клинической больницы, а также за рубежом.

При врожденных расщелинах губы и неба А.А. Лимбергом были предложены новые и оригинальные для того времени (20-30-х гг. XX в.) приемы. Он усовершенствовал рациональными деталями как хейлопластику, так и методику уранопластики в хирургическом лечении расщелин губы и неба. Первая операция была дополнена образованием перекидного треугольного лоскута из наружной части губы для образования дна носового отверстия, повязку-узел и др., а вторая - такими новыми вмешательствами, как межпластиночное рассечение крыловидного отростка основной кости и резекцией задней стенки большого небного отверстия /9/. Деятельность А.А. Лимберга и его сотрудников была направлена на разработку комплексного метода (хирургического, ортопедического, ортодонтического, логопедического) лечения больных с врожденными расщелинами губы и неба. В клинике челюстно-лицевой хирургии ЛНИИТО им.Р.Р. Вредена по предложению А.А. Лимберга у грудных детей с расщелинами неба стали применять пластмассовый, т.н. плавающий obturator, отделяющий ротовую полость от носовой, что значительно улучшало питание ребенка, а позже - приобретение речевых навыков. Опыт клиники по лечению врожденных расщелин губы и неба описан в ряде диссертационных работ, выполненных под руководством А.А. Лимберга: в докторской диссертации М.Д. Дубова в 1954 г., которая легла в основу его общеизвестной монографии "Врожденные расщелины неба" (1960), в кандидатских диссертациях Т.С. Вахер в 1947 г. /4/, З.И. Часовской в 1960 г. /19/ и М.М. Мушинова в 1965 г. /12/. Идеи А.А. Лимберга, касающиеся проблемы врожденных расщелин лица, в частности хирургического лечения расщелин неба, легли также в основу докторской диссертации его ученицы, бывшего аспиранта (1960-1963 г.) кафедры челюстно-лицевой хирургии ГИДУВ М.О. Лыби-Калнин /11/, которая под руководством А.А. Лимберга в 1963 г. написала кандидатскую диссертацию "Остеомиелизис челюстей у детей". Будучи преподавателем кафедры стоматологии ТГУ М.О. Лыби-Калнин в своей педагогической и научно-практической деятельности руководствовалась высказываниями, идеями и трудами А.А. Лимберга. Принимая во внимание высказывание А.А. Лимберга о необходимости внедрения диспан-

серного метода с целью всестороннего лечения больных с врожденными расщелинами лица /8/, М.О. Лыви-Калнин проявила инициативу в создании в 1964 г. при Тартуской клинической больнице республиканского диспансерного центра для детей с расщелинами губы и неба, существующего до настоящего времени. Хейлопластику и уранопластику при расщелинах губы и неба проводили в Тартуской клинической больнице до 1977 г. в основном по методике А.А. Лимберга (радикальная уранопластика). С самого начала создания диспансерного центра в Эстонской ССР среди различных лечебных мероприятий (хирургических, ортодонтических и др.) детям грудного возраста с расщелинами неба готовили плавающий obturator по методике, разработанной в клинике А.А. Лимберга /6/. С целью лучшего ознакомления с методикой изготовления протеза неба доцент кафедры стоматологии ТГУ А.М. Кыдар в 60-х годах посетила челюстно-лицевое отделение ЛНИИТО им. Р.Р. Вредена и поликлиническую базу кафедры челюстно-лицевой хирургии и ортопедии ГИЦУВ им. С.М. Кирова, из которых в первой работала специалист по obturatorам З.И. Часовская /19/, а во-второй - доцент И.С. Рубежова /15/.

Влияние научной школы А.А. Лимберга сказалось также на развитии стоматологии в братских Прибалтийских республиках. В Латвийской ССР внедряли комплексное лечение и диспансеризацию детей с врожденными расщелинами лица согласно положениям А.А. Лимберга, о чем свидетельствует докторская диссертация И.П. Бакулиса о хирургическом лечении сквозных расщелин губы и неба /3/. А.А. Лимберг был хорошо знаком с этой работой.

В 1962 г. была представлена к защите кандидатская диссертация ученицы А.А. Лимберга, уроженки Литовской ССР А.Ю. Окневичуте (ныне Муснецкене), доцента стоматологии Вильнюсского государственного университета им. В. Капсукаса, посвященная хирургическому лечению микрогении и анкилоза височно-челюстного сустава в детском возрасте /20/. Опыт клиники А.А. Лимберга по лечению анкилоза нижнечелюстного сустава был описан и в докторской диссертации А.Т. Титовой в 1967 г. /17/, ныне профессора и проректора по научной работе ЛНИИТО им. Р.Р. Вредена. В диссертации рассматривался также новый способ лечения вторичных деформаций челюстей с применением операции компактостеотомии, разработанной в челюстно-лицевом отделении института в 1958 г. под предводительством А.А. Лимберга. Вопросу компактостеотомии на челюстях при лечении их деформаций была посвящена и кандидатская диссертация бывшего

аспиранта кафедры, ныне доцента К.В. Токалова, представленной к защите в 1968 г. /18/. Методика хирургического лечения с применением компактостестомии с последующим ортодонтическим воздействием на челюсть внедрена в различных клиниках страны, также в Тартуской клинической больнице.

Много научных исследований, выполненных сотрудниками кафедры челюстно-лицевой хирургии ГИДУВ им С.М. Кирова под руководством А.А. Лимберга, посвящено проблеме пересадки различных тканей при восстановительных операциях в области лица. Проблема свободной пересадки кости, взятой из ребра, например, представлена в докторских диссертациях А.А. Кьяндского в 1937 г. /7/, профессора и бывшего заведующего кафедрой хирургической стоматологии I ЛМИ им. акад. И.П. Павлова и в работе Э.А.Александровой в 1956 г. /1/, которая работала до выхода на пенсию профессором Киевского института усовершенствования врачей. Пластика облепленным трансплантатом из наружной кортикальной пластинки ребра т.н. расщепленным ребром применяется по примеру клиники челюстно-лицевой хирургии А.А. Лимберга и в отделении хирургической стоматологии Тартуской клинической больницы, где эту операцию начал производить профессор В.Я. Хийе. Он заведовал кафедрой стоматологии Тартуского государственного университета с 1940 по 1963 г. Профессор В.Я. Хийе совершенствовался в 1947 и 1948 году в клинике челюстно-лицевой хирургии в ДНИИТО им. Р.Р. Вредена у профессора А.А. Лимберга /2/. Последний в свою очередь неоднократно посещал Тарту, иногда вместе с супругой Е.В. Лимберг и гостил у В.Я. Хийе. Последний раз А.А. Лимберг пребывал в Тарту вместе с профессором В.А. Дунаевским в октябре 1965 г. 23-24 октября 1965 г. в Таллине состоялись VIII Пленум Всесоюзного научного общества стоматологов и 3-я внездная сессия ЦНИИС (Центральный научно-исследовательский институт стоматологии), посвященные проблеме онкологии, в работе которых А.А. Лимберг принимал участие. Профессор В.Я. Хийе и его сотрудники по кафедре стоматологии ТГУ того периода ассистенты М. Гросталь и Л. Тигас были хорошо знакомы с методиками других восстановительных операций на лице и челюстях, предложенных А.А. Лимбергом, особенно с радикальной уранопластикой /16/. В.Я. Хийе перенимал также опыт клиники А.А. Лимберга по пластике на лице при помощи стебельчатого лоскута, который он применял неоднократно при различных восстановительных челюстно-лицевых операциях.

Применение стебельчатого лоскута описано также в пред-

ставленной в 1962 г. к защите кандидатской диссертации ученика и последователя А.А. Лимберга, ныне доцента кафедры челюстно-лицевой хирургии и ортопедии ГИДУВ им. С.М.Кирова В.И. Знаменского /5/, работающего в клинической базе института — детской больнице им. К.А. Раухфуса. Кандидатская диссертация М.О. Лыви (Калнин) выполнялась в той же больнице, причем работой, кроме А.А. Лимберга, руководил также В.И. Знаменский.

Свободная пересадка кожи на лице рассматривалась в кандидатской диссертации доцента кафедры челюстно-лицевой хирургии и ортопедии ГИДУВ Н.И. Ярчук /21/, явившейся одной из ближайших соратников и сотрудников А.А. Лимберга и проработавшей на этой кафедре и в челюстно-лицевом отделении ЛНИИТО более 30 лет. В этом отделении в 50-е годы под руководством А.А. Лимберга был разработан новый способ контурной пластики размельченным ауто- или гомохрящем, введенным в ткани при помощи иглы т.н. револьверного шприца, сконструированного специально для этой цели. Эта проблема отражена в докторской диссертации дочери профессора А.А. Лимберга Алены А. Лимберг в 1975 г. /10/, являющейся в настоящее время заведующей челюстно-лицевым отделением ЛНИИТО им. Р.Р. Вредена. Методика контурной пластики размельченным хрящем при помощи револьверного шприца внедрена во многих клиниках челюстно-лицевой хирургии нашей страны, в том числе и Тартуской клинической больнице.

Под руководством А.А. Лимберга выполнено 36 кандидатских и 9 докторских диссертаций (А.А. Кьяндского, М.М. Великановой, М.Д. Дубова, Э.А. Александровой, Е.Е. Петровской-Бабицкой, В.С. Ковчева, В.А. Дунаевского, А.Т. Титовой, В.А. Козлова). Влияние научной школы А.А. Лимберга на развитие стоматологии в Советской Прибалтике, а также СССР велико и продолжается до настоящего времени в виде научных связей с его учениками и между ними. Так, его ученик В.А. Дунаевский, в настоящем профессор, заведующий кафедрой хирургической стоматологии I Ленинградского медицинского института (ЛМИ) им. акад. И.П. Павлова, почти ежегодно с 1977 г. посещает ТТУ, находясь здесь по 10-14 дней. Он читает лекции студентам IV и V курсов стоматологического отделения ТТУ и врачам-стоматологам из цикла усовершенствования по проблеме онкологии и восстановительной хирургии челюстно-лицевой области, принимает участие в лечебной работе (консультирует, оперирует больных) и работе республиканских конференций стоматологов. Он является также куратором Научного общества стоматоло-

логов Эстонской ССР. Второй ученик А.А. Лимберга профессор В.А. Козлов, ставший его преемником и заведующим кафедрой после ухода А.А. Лимберга в июле 1974 г. на пенсию, посетил Таллин в 1979 г., читал лекции на выездном цикле усовершенствования врачей-стоматологов, проводимом ТГУ.

Преподаватели ТГУ в свою очередь пополняют свои знания в клинических базах институтов Ленинграда, где работают ученики профессора А.А. Лимберга, и направляют туда для консультации и лечения больных с более сложным диагнозом. Выполнение докторской диссертации М.О. Лыви-Калнин в период 1976-1978 гг. было отчасти запланировано в I ЛМИ им. акад. И.П. Павлова; защита диссертации проходила в специализированном совете этого института 19 декабря 1983 г. /II/. В начале 1983 г. в отделении челюстно-лицевой хирургии клиники I ЛМИ стажировался ординатор отделения хирургической стоматологии Тартуской клинической больницы П.А. Мюрсесш. В настоящем в I ЛМИ проходит целевую аспирантуру ассистент-ортопед кафедры стоматологии ТГУ Л.Х. Сийак, руководителем-консультантом которого является проф. В.А. Дунаевский.

Литература

1. Александрова Э.А. Костная пластика нижней челюсти отрезком расщепленного ребра: Дис. ... д-ра мед. наук. Л., 1956.
2. Архив ТГУ, оп. I/67, ед. хр. 29 (на эст. языке).
3. Бакулис И.П. Результаты операций при сквозных расщелинах лица: Автореф. дис. ... д-ра мед. наук. Рига, 1966.
4. Вахер Т.С. Врожденные расщелины верхней губы и их лечение: Дис. ... канд. мед. наук. Л., 1947. - 151 с.
5. Знаменский В.И. Применение стебельчатого лоскута Филатова в восстановительной хирургии лица и способы его использования в области щек, губ и подбородка: Автореф. дис. ... канд. мед. наук. Л., 1962. - 24 с.
6. Кыдар А.М., Лыви М.О. Совместное хирургическое лечение детей с врожденными расщелинами губы и неба до уранопластики. - В кн.: Вопросы стоматологии детского возраста. Рига, 1968, 181-183.
7. Кьяндский А.А. Остеопластическое восстановление травматических дефектов нижней челюсти: Дис. ... д-ра мед. наук. Л., 1937.

8. Лимберг А.А. Задача лечебной и научно-исследовательской деятельности в организации комплексной специализированной помощи при врожденных расщелинах губы и неба. – В кн.: Врожденные расщелины верхней губы и неба. М., 1964, II–I7.
9. Лимберг А.А., Львов П.П. Учебник хирургической стоматологии. М.–Л., 1939. – 448 с.
10. Лимберг Алла А. Теоретические аспекты свободной пересадки размельченных хрящевой и костной тканей в восстановительной хирургии лица: Автореф. дис. ... д-ра мед. наук. Л., 1975. – 28 с.
11. Лыви-Калнин М.О. Основные вопросы этиологии и хирургического лечения у больных с врожденными расщелинами (губы) неба в Эстонской ССР: Автореф. дис. ... д-ра мед. наук. Л., 1983. – 32 с.
12. Мусинов М.М. Возрастные показания к пластическим операциям расщелины губы и неба в общем плане диспансерного обслуживания: Автореф. дис. ... канд. мед. наук. Л., 1965.
13. Никопенсиус Э., Пуук А., Ламесоо Л. Переломы челюстно-лицевых костей по материалам Тартуской клинической больницы за период 1977–1983 гг. – Тез. докл. конф. СНО. Тарту, 1984, с. 56–57.
14. Памяти профессора Александра Александровича Лимберга. (Некролог). – Стоматология, 1975, № 3, с. 99.
15. Рубежова И.С. Применение плавающего obturator неба в раннем детском возрасте и оценка способа формирования его носоглоточной части. – Стоматология, 1966, № 2, с. 75–77.
16. Тигас Л. Результаты оперативного лечения расщелин неба радикальной уранопластикой. – В кн.: Учен. зап. Тарт. ун-та, 1961, вып. II2, с. 19–22. (Тр. по медицине, т. IV).
17. Титова А.Т. Хирургическое лечение одностороннего недоразвития нижней челюсти (микрогении): Автореф. дис. ... д-ра мед. наук. Л., 1967. – 22 с.
18. Токалов К.В. Операция предварительной компактостеотомии при ортодонтическом лечении зубочелюстных деформаций постоянного прикуса: Автореф. дис. ... канд. мед. наук. Л., 1968.

19. Часовская З.И. Применение плавающего obtуратора при врожденных расщелинах неба в период, предшествующий операции: Автореф. дис. ... канд. мед. наук. Л., 1960.
20. Юкневичуте А.Ю. Раннее и одновременное лечение микрогении и анкилоза височно-челюстного сустава в детском возрасте: Автореф. дис. ... канд. мед. наук. Л., 1961.
21. Ярчук Н.И. Свободная пересадка кожи на лице: Дис. ... канд. мед. наук. Л., 1953.

ВКЛАД ПРОФЕССОРА Д. А. КАЛВЕЛИСА В РАЗВИТИЕ СТОМАТОЛОГИИ В ЭСТОНСКОЙ ССР

А. М. Кыдар

Заслуженный деятель науки, заслуженный врач Латвийской ССР, доктор медицинских наук, профессор Доминик Антонович Калвелис имеет большие заслуги в развитии стоматологии, в частности ортопедической стоматологии в нашей стране, в том числе и в ЭССР. Профессор Д. А. Калвелис является руководителем 18 кандидатских и консультантом 4 докторских диссертаций. Результаты научной, педагогической, клинической, организационной и общественной деятельности Д. А. Калвелиса заслуживают признания как среди его учеников, так и специалистов по стоматологии.

Ниже сделана попытка дать краткий обзор научных исследований Д. А. Калвелиса и показать его роль в воспитании научных стоматологических кадров в Эстонской ССР.

Основным направлением его научной деятельности является изучение биоморфологических изменений зубочелюстной системы. Работа ведется в двух направлениях: 1) исследование биоморфологических изменений при лечении зубочелюстных аномалий и 2) изучение значения морфологии при изготовлении отдельных видов зубных протезов.

Первая серия опытов по изучению тканевых преобразований при ортодонтической нагрузке, проведенная в 1936–1938 гг., касается вопроса открытия срединного небного шва у подопытных собак с помощью сильнодействующего винтового аппарата и установления патогистологических изменений в пародонте опорных зубов аппарата /1/.

Вторую серию опытов Д. А. Калвелис проводит на собаках в 1954 и 1958 г. В них изучаются тканевые преобразования: 1) при ортодонтическом перемещении зубов; 2) в области срединного небного шва; 3) трансформация челюстной кости; 4) тканевые преобразования при сагиттальном перемещении зубных рядов и челюстей /1/.

Согласно полученным Д. А. Калвелисом данным ход и результаты ортодонтического лечения зависят от двух основных фак-

торов — от общей пластической реактивности организма, возраста, общей конституции и состояния здоровья индивида и от характера величины и продолжительности действующей силы.

Исходя из морфологической и функциональной патологии при горизонтальной нагрузке зубов Д.А. Калвелис различает четыре степени характера и тяжести тканевых изменений. В комплексе ортодонтического перемещения зубов Д.А. Калвелис изучает групповое, вертикальное перемещение зубов, а также поворот вокруг продольной оси зуба. Эксперименты Д.А. Калвелиса показывают, что при воздействии на отдельные зубы в мезиальном направлении зубы, расположенные дистально от них, перемещаются вслед за первыми. Этот вид перемещений он называет цепным.

При вертикальном перемещении зубов и при повороте вокруг продольной оси Д.А. Калвелис устанавливает, что в отношении биоморфологических явлений применимы те же законы, что и при горизонтальном перемещении зубов, т.е. в зонах давления происходит резорбция внутренней стенки альвеолы, а в зонах тяги — новообразование кости.

Тканевые преобразования в области срединного небного шва экспериментально изучаются Д.А. Калвелисом в случае применения прерывно и непрерывно действующих аппаратов. В случаях бурного раскрытия шва обнаруживаются тяжелые травматические повреждения — разрыв соединительнотканых волокон шва, кровоизлияния. После определенного ретенционного периода шов зарубцовывается костной тканью, теряя нормальную структуру.

При медленном раскрытии шва уже с самого начала действия аппарата происходит интенсивное костеобразование на краях шва и в основном сохраняется нормальная структура небного шва.

Д.А. Калвелис на своем морфологическом материале пытается установить изменения внутренней костной структуры под действием натяжения кости. Определение изменения морфологической структуры в процессе трансформации кости оказывается сложным.

Результаты своих многолетних исследований Д.А. Калвелис обобщает в виде монографии /5/, а также в учебниках и руководствах по ортопедической стоматологии /2, 9 и др./.

Клинико-морфологические исследования Д.А. Калвелиса в области протезной стоматологии охватывают вопросы изготовления точных рациональных искусственных зубных коронок. Решающим, по мнению Д.А. Калвелиса, является здесь знание и соб-

людение особенностей строения маргинального пародонта. Автор на фактическом материале наглядно показывает, что десневой карман представляет собой лишь неглубокую бороздку. При определении физиологического или патологического десневого кармана Д.А. Калвелис опирается на состояние эпителиального покрова, который, прилегая к эмали, образует десневой карман. Рациональными следует признать искусственные коронки, край которых введен в незначительной мере под десну — в десневую бороздку /4/.

На основании изучения характера тяжести тканевой перестройки пародонта в зависимости от степени нагрузки зуба Д.А. Калвелис подчеркивает необходимость уделять максимальное внимание точности изготовления мостовидных протезов /1/.

Занимаясь вопросами диагностики в зубочелюстной ортопедии /3, 6, 8/, Д.А. Калвелис из большого количества признаков зубочелюстных аномалий считает необходимым выделить группу практически важных признаков, поддающихся лечению. Он указывает, что при постановке диагноза зубочелюстных аномалий необходимы система, точность и последовательность в обследовании больного, чтобы не упустить из виду существенно важные признаки. В основу своей классификации зубочелюстных аномалий Д.А. Калвелис берет морфологические изменения зубов, зубных рядов и всего прикуса в целом, с учетом этиологии и значения их отклонения для функции и эстетики. Эта классификация получила всеобщее одобрение и приводится в учебниках ортопедической стоматологии /2, 10/ и руководствах по ортодонтии /16/.

Д.А. Калвелисом разработаны и внедрены оригинальные съемные ортодонтические аппараты с рукообразными пружинами из нержавеющей стали диаметром 0,6 мм. Эти аппараты широко и с успехом используют как врачи ортодонты, так и детские врачи-стоматологи /7, 8/.

Кроме ортодонтии в ортопедической стоматологии Д.А. Калвелис занимается и основными вопросами поражений зубочелюстной системы, возникающими в результате дефектов зубных коронок, зубных рядов и челюстно-лицевой области. Деформация прикуса вследствие этих дефектов является вторичным явлением. Автор дает оригинальное объяснение зубо-альвеолярному удлинению, возникающему после потери зубов-антагонистов /2/.

Д.А. Калвелис обращает внимание на то, что в ортопедической стоматологии разработано только лечение, т.е. зубопротезирование, в то время как диагностике, этиологии и профи-

Проф. Д.А. Калвелис в 1983 г.,
когда отмечали его 80-летие

лактике поражений жевательного органа уделено недостаточно внимания /1/.

Д.А. Калвелис разработал подробную классификацию поражений зубочелюстной системы с учетом их этиологии, лечения и профилактики, так как ортопедическая стоматология является по-прежнему клинично-биологической дисциплиной /1/.

Автор данной статьи в период целевой аспирантуры (при Рижском медицинском институте по ортопедической стоматологии) в 1958 и 1959 г. работала под научным руководством профессора Д.А. Калвелиса. Кроме заведывания кафедрой ортопедической стоматологии Д.А. Калвелис являлся деканом стоматологического факультета Рижского медицинского института, главным стоматологом Латв. ССР и председателем Научного медицинского общества стоматологов Латв. ССР. Кафедра ортопедической стоматологии Рижского медицинского института представляет собой высококвалифицированный сплоченный и трудолюбивый коллектив. Под его руководством воспитались и работают: доц. канд. мед. наук Х.А. Андерсон (ныне покойный), доц. канд.

мед. наук Э.П. Ширака, проф. докт. мед. наук Л.Б. Треймане, доц. канд. мед. наук А.Я. Лагановский (ныне покойный), доц. канд. мед. наук, И.К. Иргенсон, проф. докт. мед. наук Г.Ю. Пакалис - в настоящее время он является заведующим кафедрой. Кроме того, на кафедре работает ряд талантливой молодежи, среди которой выделяется особенно при изготовлении аппаратов в экспериментальных работах лаборант - зубной техник В.К. Загерт. Профессор Д.А. Калвелис в настоящее время является профессором-консультантом и служит для всех большим примером. Он ежедневно читает лекции студентам, проводит консультации больных в отделении ортопедической стоматологии поликлиники, беседует с сотрудниками и руководит педагогической и научной работой, занимается организационными вопросами как на кафедре, так и в масштабах всех стоматологов республики. Одновременно он лично руководит работой аспирантов и сотрудников в виварии и сам активно проводит эксперименты. Именно эти годы в научной деятельности Д.А. Калвелиса стали самыми творческими. Результаты экспериментов приведены в его монографии по оксиморфологии /5/.

Лекции профессора Д.А. Калвелиса по ортопедической стоматологии всегда интересные, понятные, хорошо иллюстрированы, содержат новейшие данные, особенно в области ортодонтии. Материалы его лекций по зубочелюстной ортопедии приведены в монографии "Ортодонтия" /8/.

Все знания и опыт, приобретенные под руководством профессора Д.А. Калвелиса в годы аспирантуры, используются автором статьи при чтении лекций и проведении практических занятий со студентами по ортопедической стоматологии и находят применение в работе кафедры стоматологии Тартуского государственного университета.

В своей работе мы пользуемся искусственными зубными коронками, доведенными до края десны или введенными в незначительной мере под десну, используем классификацию зубочелюстных аномалий Д.А. Калвелиса. При обследовании больных обращаем большое внимание на этиологию аномалий и функциональные нарушения у детей. Применяются также предложенные им методы лечения аномалий прикуса.

Следовательно, все студенты стоматологического отделения и врачи-стоматологи, окончившие Тартуский государственный университет, начиная с 1960 года как бы косвенно являются учениками Д.А. Калвелиса.

Профессор Д.А. Калвелис оказывает определенное влияние и

на научную работу, проводимую на кафедре стоматологии ТГУ, как в области эксперимента /14/ (метод наркоза и метод получения слепков челюстей подопытных собак), так и в клинических исследованиях /12, 15/ (применение биометрических методов изучения и методы лечения зубочелюстных аномалий). Д.А. Калвелис назначался научным руководителем кандидатских диссертация А.М. Кыдар /11/, С.А. Руссак /17/, а также официальным оппонентом кандидатской диссертации Э.Э. Лейбур /13/. (Все упомянутые диссертации защищены в Рижском медицинском институте). В конце 1960 и в начале 1970 г. профессор Д.А. Калвелис являлся куратором по стоматологии в Эстонской ССР. И по сей день проф. Д.А. Калвелис никогда не отказывает в советах и научных консультациях сотрудникам кафедры стоматологии ТГУ.

Л и т е р а т у р а

1. Андерсон Х.А., Ширака Э.П., Треймане Л.Б., Накалис Г.Ю. Основные черты творческой научной деятельности проф. Д.А. Калвелиса. - В кн.: Клиническая и экспериментальная стоматология. Рига, 1963, с. 5-30.
2. Гаврилов Е.И., Оксман И.М. Ортопедическая стоматология. - М.: Медицина, 1978. - 464 с.
3. Калвелис Д.А. Опыт диагностики зубочелюстных аномалий. Рига, 1957. - 75 с.
4. Калвелис Д.А. Морфология десневого кармана и ее значение при изготовлении искусственных коронок. - Стоматология, 1959, № 4, с. 58-61.
5. Калвелис Д.А. Биоморфологические основы ортодонтического лечения. Рига, 1961. - 220 с.
6. Калвелис Д.А. Основные вопросы диагностики зубочелюстных аномалий. - В кн.: Вопросы ортодонтии: Сб. науч. работ. Рига, 1961, вып. X, с. 7-30.
7. Калвелис Д.А. Основные вопросы лечения зубочелюстных аномалий. - В кн.: Вопросы ортодонтии. Рига, 1961, вып. X, с. 145-168.
8. Калвелис Д.А. Ортодонтия. - Л.: Медицина, 1964. - 238 с.
9. Калвелис Д.А. Биоморфологические изменения при ортодонтическом лечении зубочелюстных аномалий. - В кн.: Руководство по ортопедической стоматологии / Под ред. А.И. Евдокимова. Редактор тома Л.В. Илвина-Маркосян. М.: Медицина, 1974. - 568 с.

10. Курляндский В.Ю. Ортопедическая стоматология. - М.: Медицина, 1977. - 488 с.
11. Кыдар А.М. Аномалийное положение фронтальных зубов верхней челюсти в клинике и в эксперименте: Автореф. дис. ... канд. мед. наук. Рига, 1964. - 20 с.
12. Кыдар А.М., Лыви М.О. Отдаленные результаты уранопластики в зависимости от срока операции и применения ортодонтического лечения. - Учен. зап. Тарт. ун-та, 1975, вып. 373, с. 312-320.
13. Лейбур Э.Э. Лечение пульпита антибиотиками в комбинации с глюкокортикоидами и гидроокисью кальция: Автореф. дис. ... канд. мед. наук. Тарту, 1973. - 25 с.
14. Лыви М.О., Кыдар А.М., Лалл Л.Э. Изменения формы верхней челюсти вследствие хирургического и хирургическо-ортодонтического вмешательства в эксперименте. - Учен. зап. Тарт. ун-та, 1978, вып. 478, с. 16-24.
15. Лыви М.О., Кыдар А.М. О динамике размеров зубных рядов у детей нормальной популяции и больных с врожденными расщелинами губы и неба. - Учен. зап. Тарт. ун-та, 1978, вып. 478, с. 116-123.
16. Руководство по ортодонтии /Под ред. Ф.Я. Хорошилкиной. - М.: Медицина, 1982. - 464 с.
17. Руссак С.А. Распространение кариеса зубов и его связь с изменением гормонального состояния организма и некоторых биохимических свойств смешанной слюны: Автореф. дис. ... канд. мед. наук. Рига, 1969. - 20 с.

ТАРТУСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ В ДНЕВНИКАХ И ВОСПОМИНАНИЯХ,
ХРАНЯЩИХСЯ В ФОНДАХ ВОЕННО-МЕДИЦИНСКОГО МУЗЕЯ
МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ СССР

В.П. Грицкевич, Е.Ф. Селиванов

В составе собрания воспоминаний и дневников отдела фондов Военно-медицинского музея Министерства обороны СССР (Ленинград) имеются материалы по истории Тартуского университета. Одним из них являются датированные 23 декабря 1946 г. воспоминания врача Н.Г. Пляшкевича (шифр отдела фондов ОФ 52807), в которых описаны обстоятельства привлечения Н.Н. Бурденко (1876-1946) профессором В.Г. Цеге фон Мантейфелем (1857-1926) на свою кафедру. Автор воспоминаний отмечал, что во время кураторства в клинике В.Г. Цеге фон Мантейфеля Н.Н. Бурденко докладывал о своем больном. Доклад сопровождался выполнением на доске рисунков с изображением тончайших анатомических деталей в области шеи. Профессор остался весьма доволен таким сообщением и привлек Н.Н. Бурденко к работе на кафедре.

Воспоминания врача А.В. Рейслера, датированные 16 марта 1949 г., рассказывают о передаче хирургической клиники профессором В.Г. Цеге фон Мантейфелем Николаю Ниловичу Бурденко (шифр ОФ 52809). Эти воспоминания приведены в письме А.В. Рейслера вдове Н.Н. Бурденко Марии Эмильевне. По свидетельству автора письма передача клиники состоялась в операционной, куда внесли больного. Шестидесятилетний профессор В.Г. Цеге фон Мантейфель сделал разрез кожи, обратился к студентам и объявил им, что в связи со старостью передает скальпель из своей дряхлящей руки своему талантливому ученику. Тот принял скальпель, больного унесли, а собравшихся стали фотографировать.

Наиболее значительным и содержательным источником данных об университете из числа хранящихся в фондах музея воспоминаний и дневников можно считать дневник профессора Александра Ивановича Ермоленко (1891-1958), завершавшего свое образование на медицинском факультете университета в 1917/1918

уч. г. А.И. Ермоленко в 1910 г. поступил в университет, но окончил его только в 1918 г., так как во время первой мировой войны был зауряд-врачом на фронтах. С 1921 по 1936 г. он работал под руководством Н.Н. Бурденко и А.В. Смирнова в Воронежском университете (позже - Воронежском медицинском институте), с 1936 г. - в госпитальной хирургической клинике во 2-м Ленинградском (ныне Ленинградском санитарно-гигиеническом) медицинском институте, где с 1947 г. был профессором. В годы Великой Отечественной войны работал в госпиталях /1/.

В фондах музея хранятся шесть тетрадей дневника А.И. Ермоленко: за 1914-1919, 1939-1940, 1941-1945 гг. /2/. События в Тарту и, в частности в Тартуском университете с 21 ноября 1917 по 26 апреля 1918 г., отражены в тетради № 4 дневника (шифр ОФ 60024/4, листы 29-44).

Автор дневника вынужден был совмещать обучение с медицинской службой в части местного гарнизона. Он описывает свое прибытие в Тарту после трехлетнего отсутствия и отмечает исчезновение с вывесок магазинов немецких слов. Среди событий, которые не могли не привлечь внимания А.И. Ермоленко, был суд над В.Г. Цеге фон Мантейфелем: "Между 15 и 20 декабря в Юрьевском военно-революционном трибунале судили проф. Цеге фон Мантейфеля за то, что он имел без разрешения целую коллекцию различного рода оружия. В зале были почти исключительно студенты и курсистки. В конце концов его оправдали. А через день в хирургической клинике происходило его прощание с клиникой и студентами. Он совсем уходит из университета".

Описываемое А.И. Ермоленко событие проливает свет на один из эпизодов биографии его учителя Н.Н. Бурденко - получение им кафедры и клиники В.Г. Цеге фон Мантейфеля. Причину этого эпизода биограф Н.Н. Бурденко С.М. Багдасарьян не объясняет /3/.

В 1917/1918 уч. г. А.И. Ермоленко сдал выпускные экзамены и получил диплом врача. Он пишет о постановлении немецких властей германизировать университет, о выезде из Тарту русских студентов и профессоров, что проливает свет на причины вынужденного переезда Н.Н. Бурденко из Тарту в Воронеж.

27 апреля 1918 г. А.И. Ермоленко покинул Тарту и уехал на родину Украину.

Перечисленные воспоминания и дневники, не являясь документальными источниками, недостаточно отражают официально излагаемые события, но позволяют уточнить приводимые в офи-

циальных источниках сведения. Этим источникам свойственны личностный характер отбора материала, оценок, освещения этого материала, непрменная индивидуальность изложения событий. Всякий другой источник может значительно глубже осветить отдельные стороны того или иного исторического явления. Однако именно в воспоминаниях и дневниках лучше отражается бытовая обстановка, в которой происходили описываемые события. Воспоминания и дневники не претендуют на полное, всестороннее, аналитическое и синтетическое описание и освещение лиц, явлений и событий, о которых они рассказывают.

Л и т е р а т у р а и и с т о ч н и к и

1. Александр Иванович Ермоленко (Некролог). - Вестник хирургии им. Грекова, 1959, т. 82, № 4, с. 159.
2. Военно-медицинский музей МО СССР, отдел фондов, шифры ОФ 60024/1-4 и 60025/1.
3. Багдасарьян С.М. Николай Нилович Бурденко. Жизнь и деятельность. - М.: Изд-во АМН СССР, 1948, с. 155; Он же. Николай Нилович Бурденко. - М.: Госмедиздат, 1954, с. 70.

ИЗ ИСТОРИИ НАУЧНЫХ СВЯЗЕЙ ТАРТУСКОГО И МОСКОВСКОГО
УНИВЕРСИТЕТОВ В ОБЛАСТИ МЕДИЦИНЫ
(XIX И НАЧАЛО XX В.)

В.В. Калнин

Связи Московского и Тартуского университетов в области медицины наблюдаются с начала возобновления деятельности последнего в 1802 г.

Так, известно, что в 1813 г. Тартуский университет послал Московскому университету книги, а затем после восстановления библиотеки Московского университета, пострадавшей от пожара, еще 77 книг /44/. В октябре 1821 г. советом Тартуского университета были разосланы по одному экземпляру "Анналы Дерптской медицинской клинической школы за 1818-1820 годы" профессора И. Эрзмана всем университетам России, в том числе Московскому, а также Московской медико-хирургической академии /35/. В "Анналах", изданных на латинском языке в 1821 г., И. Эрзман отмечает, что в клинике имеются стетоскопы Лазеннека, приобретенные в апреле 1820 г. Приводимые в книге истории болезни свидетельствуют о том, что стетоскопом пользовались и студенты при обследовании больных с болезнями легких и сердца /13/. На "Анналы" И. Эрзмана вскоре стали поступать заказы, в частности из Москвы. Так, в 1826 г. туда было отправлено согласно просьбе еще пять экземпляров, в том числе лично М.Я. Мудрову /36/. Московская медико-хирургическая академия же получила еще 10 экземпляров этого сочинения /37/. В связи с эпидемией холеры в 1830-1831 гг. Тартуский университет получил в свою очередь 20 экземпляров сочинения профессора Московского университета М.Я. Мудрова "Краткое наставление, как предохранять себя от холеры, излечивать ее и останавливать распространение оной" (1830). Правление университета переслало эти экземпляры медицинскому факультету для раздачи их студентам, которые по призыву уездного комитета по борьбе с холерой отправились добровольно в Вырусский уезд для борьбы с эпидемией /38/.

Группа ученых Тартуского университета (в том числе профессор медицинского факультета М.Г. Ратке и П.У. Вальтер)

издавала в 1833–1836 гг. журнал на немецком языке "Дерптский ежегодник литературы, статистики и искусства, особенно России". Этот журнал сыграл определенную роль связующего звена между русскими, прибалтийскими и иностранными учеными. В нем сообщались также статистические данные о питомцах отдельных университетов России, приводились обзоры лекций, читаемых также в Московском университете, сведения о речах, произнесенных на торжественном собрании Московского университета, сравнительные данные о количестве книг в университетских библиотеках страны и т.д. /15/.

Одной из форм взаимосвязи было избрание почетных членов. Так, в 1828 г. почетным членом Московского университета был избран ректор Тартуского университета Г. Эверс, в 1845 г. – воспитанник и профессор астрономии Тартуского университета В.Я. Струве, в 1855 г. – бывший воспитанник и профессор Тартуского университета Н.И. Пирогов /22, с. 57, 71, 80/. Среди приглашенных на празднование 100-летия возобновления деятельности Тартуского университета бывший профессор Тартуского университета С.Ф. Бубнов из Москвы /33/, а также профессор Московского университета И.М. Сеченов /34/, которые, однако, не смогли приехать. И.М. Сеченов был тогда избран почетным членом Тартуского университета /31/. В юбилейных празднествах принимал участие профессор Московского университета Э.Е. Лейст /22, с. 141/, известный исследователь Курской магнитной аномалии, бывший воспитанник Тартуского университета. В почетном адресе от Московского университета говорилось: "Юрьевский университет может справедливо гордиться плодотворными трудами и творческой энергией его знаменитых членов и неутомимой деятельностью его многочисленных учеников. Находясь со времени основания в особых условиях непосредственного общения с германским ученым миром, он уже внес на страницы своей вековой истории целый ряд крупных имен, известных далеко за пределами России, а в последний период своей деятельности, при общем подъеме научного соревнования среди всего русского ученого мира, вступил и в более тесное единение с прочими русскими расадниками высшего просвещения и, открыв здесь для себя новый источник научных сил и расширив свои просветительные задачи на все пределы нашего обширного отечества, обеспечил свое дальнейшее значение высокого уважения славе истекшего столетия Юрьевского университета, Совет Императорского Московского университета видит в ней прочный залог его преуспеяния и в будущем" /32/.

Из медиков, заложивших начало научным связям двух старейших университетов нашей страны — Тартуского (б. Дерптского) и Московского университетов были Н.И. Пирогов (1810—1881) и Г.И. Сокольский (1807—1886), приехавшие в Тарту в 1828 г. после окончания Московского университета. О занятиях Н.И. Пирогова в Профессорском институте (1828—1832) и научно-педагогической деятельности в качестве профессора хирургии и директора хирургической клиники Тартуского университета (1836—1841) хорошо известно, об этом имеется обширная литература /19, 20 и др./. В 1841 г. Н.И. Пирогов перешел из Тарту в Петербург профессором Медико-хирургической академии. В 1852 году Н.И. Пирогов был избран почетным членом Тартуского университета /30/.

Выдающийся русский терапевт Г.И. Сокольский, занимавшийся одновременно с Н.И. Пироговым в Профессорском институте при Тартуском университете, защитил в 1832 г. докторскую диссертацию "О дизентерии". После усовершенствования за границей, он в 1835 г. прочитал в Петербурге пробную лекцию об аускультации, в которой упоминает проведенные им в Тарту под руководством профессора Г. Замена наблюдения с помощью стетоскопа /23/. Затем он начал профессорскую деятельность в Казани, которая, однако, продолжалась всего два с половиной месяца. Но даже такое кратковременное пребывание в Казани оставило заметный след в истории медицинского факультета: он был инициатором обучения казанских студентов-медиков приемам аускультации и перкуссии /16/. После назначения профессором терапевтической клиники Казанского университета другого воспитанника Профессорского института Н.А. Скандовского (1789—1867), Г.И. Сокольский возглавил кафедру частной патологии и терапии Московского университета, где преподавал в течение 13 лет. Г.И. Сокольский написал прекрасный клинический труд "Учение о грудных болезнях" (1838), являющийся капитальным и единственным в то время, написанным на русском языке, трудом, на котором воспитывалось несколько поколений русских врачей. В диагностике легочных и сердечных заболеваний Г.И. Сокольский отводил большое место аускультации и перкуссии, был одним из пропагандистов и внедрителей в практику этих методов в России. Огромной заслугой Г.И. Сокольского является разработка вопроса о зависимости заболеваний сердца от ревматизма и установление зависимости сердечных заболеваний от ревматической инфекции. Это учение он обосновал независимо от Ж. Буйо, и поэтому истинный ревматизм называется бо-

лезню Сокольского-Буйо. Г.И. Сокольский является одним из основоположников не только кардиологии, но и фтизиатрии в России. С 1845 по 1848 г. он читал также психиатрию. В своих трудах и в лекционном материале он указывал на важное значение выяснения этиологии болезней, на изучение факторов внешней среды /24, с. 90; 27/.

Московский университет окончил также И.О. Шиховской (1800-1854), который усовершенствовался в Профессорском институте при Тартуском университете по ботанике, однако, в 1833 г. получил степень доктора медицины. Затем он работал профессором ботаники Московского университета, с 1838 г. — профессором Московской медико-хирургической академии до закрытия и присоединения последней к медицинскому факультету Московского университета в 1845 г. Профессором Московской медико-хирургической академии был также вышеупомянутый терапевт Г.И. Сокольский /23, с. 38, 108/. Преподавателями Московской медико-хирургической академии или московского отделения Петербургской медико-хирургической академии состояли и некоторые другие воспитанники Тартуского университета. Так, В. Самсон-Гиммельштирн был с 1843 г. адъюнкт-профессором при медико-хирургической академии, затем работал врачом в Таллине /46, с. 91/.

Среди первых выпускников Профессорского института находились также харьковчане А.М. Филомафитский (1807-1849) и Ф.И. Иноземцев (1802-1869), однако, оба после обучения в Тарту и усовершенствования за границей были направлены в Московский университет.

А.М. Филомафитский ввел в Московском университете при преподавании физиологии демонстрации опытов на животных. В 1836-1840 гг. он выпустил в трех частях учебник по физиологии, являвшийся первым русским оригинальным руководством по физиологии. Это замечательное руководство было удостоено в 1841 г. Академией наук Демидовской премии, причем разбор и отзыв на это руководство написал академик К.М. Бэр, бывший воспитанник Тартуского университета, считавший его лучшим учебником того времени /5, с. 514/. Учебник составлялся на основании экспериментальных исследований и не содержал натурфилософских умствований. Выдающееся значение имеет книга А.М. Филомафитского "Трактат о переливании крови", вышедшая в 1843 г. Чрезвычайно ценными в научно-практическом отношении являются экспериментальные исследования А.М. Филомафитского эфирного и хлороформного наркоза, к которым он привлек

профессоров хирургии Ф.И. Иноземцева и А.И. Поля, а также Н.И. Пирогова. А.М. Филомафитского следует считать одним из основоположников экспериментальной физиологии в России /12, с. 126/.

Ф.И. Иноземцев защитил в 1833 г. в Тартуском университете докторскую диссертацию на тему о боковом камнесечении, а в 1835-1859 гг. работал профессором практической хирургии Московского университета. Он стал выдающимся хирургом, одним из первых в России (7 апреля 1847 г.) произвел операцию под эфирным наркозом. Ф.И. Иноземцев являлся одним из предшественников учения о "нервизме", которое в дальнейшем развили его ученики И.М. Сеченов и С.П. Боткин. Много сделано Ф.И. Иноземцевым для развития высшего медицинского образования. По его инициативе при Московском университете были организованы факультетские и госпитальные хирургические и терапевтические клиники, а также преподавание оперативной хирургии и хирургической анатомии. Большое значение он придавал поликлиническому обучению студентов и врачей. По идее и при содействии Ф.И. Иноземцева в 1857 г. была создана "Московская медицинская газета", которую он и редактировал. В 1861 г. им было основано Московское общество русских врачей. Мысль об устройстве постоянных съездов русских врачей и естествоиспытателей также принадлежит ему. Ф.И. Иноземцев в своих научных трудах стремился поставить русскую медицинскую науку на прочную материалистическую базу /2; 21; 4, с. 353/.

В списке второго выпуска Профессорского института был также прибывший из Харькова И.В. Варвинский (1811-1878). Его профессорская деятельность связана с Тартуским и Московским университетами. Так, после окончания в 1838 г. Профессорского института с представлением диссертации на тему "О патологии и физиологии блуждающего нерва" И.В. Варвинский в течение трех лет читал в качестве адъюнкта на кафедре у Г.И. Сокольского в Московском университете курс лекций "О болезнях дискразических и нервных" и вел клинические занятия в терапевтической клинике. Затем он в 1841 г. уезжает в заграничную командировку. В 1844 г. он вернулся в Москву и начал читать лекции о болезнях сердца, однако, вскоре был переведен ординарным профессором в Тартуский университет по второй кафедре терапии и клиники. Здесь он прочитал в 1846 г. курс "О душевных болезнях" и специальные лекции "О болезнях органов дыхания и кровообращения в связи с учением об аускультации и перкуссии с демонстрациями и практическими занятиями

на живых и трупах". И.В. Варвинский уже во время работы над диссертацией под руководством Г. Замена в Тарту применял эти физические методы исследования больных. В 1846 г. он снова был переведен в Московский университет на должность профессора открытой там кафедры госпитальной терапевтической клиники. В своей дальнейшей деятельности И.В. Варвинский уделял большое внимание нервным болезням. Под его руководством проводилось внутреннее обставление госпитальной клиники. В то же время И.В. Варвинский явился инициатором создания кафедры патологической анатомии и специальной кафедры нервных и психических болезней, первым заведующим которой стал его ученик А.Я. Кожевников /6, с. 123; 17/.

В первой половине XIX в. кроме указанных выпускников Профессорского института еще ряд воспитанников медицинского факультета Тартуского университета занял профессорские должности в Московском университете. Так, М.В. Рихтер (1799-1870), уроженец Москвы, учившийся в Тартуском университете в 1816-1817 гг., являлся в 1828-1851 гг. профессором акушерства при Московском университете, главным акушером Повивального института и родильного госпиталя при нем /24, с. 107; 46/.

Родом из Москвы А.О. Армфельд (1806-1868) вначале учился в Тартуском университете (в 1821-1823 гг.) и завершил занятия в Московском университете, где защитил диссертацию в 1833 г. Он состоял в 1826-1830 гг. помощником директора хирургической клиники, в 1830-1837 гг. - ординатором при университетской клинике, а в 1837 г. был избран там же заведующим кафедрой судебной медицины. Он заведовал кафедрой с 1837 по 1868 г. /24, с. 83; 46/.

Выпускник Тартуского университета, уроженец Лифляндии П.Ф. Броссе (1793-1857) был инициатором открытия в 1826 г. в Москве старейшей и образцовой по тем временам глазной лечебницы. С 1846 г. лечебница стала госпитальной глазной клиникой университета, и профессор Броссе преподавал в ней студентам У курса три раза в неделю "Практическое учение о распознавании и лечении глазных болезней". Он состоял главным врачом клиники в течение 30 лет до самой смерти, показав себя искусным офтальмохирургом /24, с. 98; 50/.

В.И. Кох (1820-1884), уроженец Курляндии, изучал медицину в Тартуском университете в 1836-1841 гг., а в 1846 г. получил здесь степень доктора медицины. Затем он был адъюнктом женской клиники Московского университета, а после ухода в отставку М.В. Рихтера с 1852 г. был назначен профессором

акушерства, женских и детских болезней. Он вел преподавание до 1873 г. В.И. Кох первым стал читать лекции по акушерству на русском языке и один из первых обратил внимание на преподавание женских болезней в Московском университете /24, с. 107; 50/.

Н.Б. Анке (1803–1872), родом из Москвы, окончил Тартуский университет в 1832 г. с представлением диссертации из клиники профессора Г. Замена, касающейся наблюдений некоторых пороков сердца. В ней подчеркивается большое значение аускультации и перкуссии в диагностике пороков сердца /13/. Н.Б. Анке в 1845 г. получил место на кафедре врачебного веществословия в Московском университете, которой он руководил до 1863 г. Будучи деканом медицинского факультета (с 1850 г.) он добился для студентов значительного облегчения порядка сдачи выпускных экзаменов, а также экзаменов на получение степени доктора медицины. Основной заслугой Н.Б. Анке являются клинические наблюдения при заболеваниях холерой, сердечно-сосудистых расстройствах, ревматизме и дифтерии /24, с. 83; 46/.

Во второй половине XIX и в начале XX в. число воспитанников Тартуского университета, занявших профессорские должности в Московском университете, уменьшилось. Известно, что Антон Шмидт состоял доцентом хирургии с 1879 г. /46/, Ф.Гейденрейх – ассистентом хирургической клиники в 1881–1884 гг. /42/, М. Штраух – приват-доцентом гинекологии с 1897 г. /47/.

В 1894 г. окончил Тартуский университет Ф.О. Гаусман (1868–1944), развивавший пальпацию желудочно-кишечного тракта по В.П. Образцову и издавший в 1910–1912 гг. соответствующие монографии на немецком и русском языках. В 1914 г. он подал прошение о принятии его в число приват-доцентов медицинского факультета Московского университета. В августе 1917 г. он ходатайствовал о должности профессора диагностики с поликлиникой в Тартуском университете, однако, вскоре получил место приват-доцента в Московском университете. С 1924 по 1941 г. Ф.О. Гаусман заведовал клиникой госпитальной терапии Белорусского государственного университета, затем Минского медицинского института. В 1931 г. он стал академиком АН БССР и заслуженным деятелем науки БССР /39; 45/.

В 1890 г. окончил Тартуский университет и в 1891 г. защитил здесь свою докторскую диссертацию под руководством фармаколога-физиолога Р. Коберта А.Ф. Самойлов (тогда А.Ф. Пмуть). В 1894 г. он стал лаборантом физиологического кабинета

нета Московского университета. В 1903 г. А.Ф. Самойлов был избран профессором Казанского университета, с 1924 г. он одновременно руководил кафедрой физиологии человека и животных физико-математического факультета Московского университета. За выдающиеся заслуги в развитии электрофизиологии и электрокардиографии в 1930 г. ему была присуждена Ленинская премия /10; 18/.

Уроженец г. Тарту, воспитанник Тартуского университета И.Х. Дзирне (1860- ?) был в 1906-1909 гг. ассистентом госпитальной хирургической клиники в Москве, вскоре - приват-доцентом клинической хирургии и урологии, а с 1911 по 1917 г. профессором Московского университета и заведующим госпитальной хирургической клиникой и урологической клиникой, а потом эмигрировался. Им написаны "Руководство к малой гинекологии для земских врачей" (1897), учебники "Цистоскопия" (1909) и "Оперативная урология" (1914), а также на латышском языке "Хирургия и урология для практических врачей". Его многочисленные работы посвящены таким областям хирургии, как женские половые органы, операции кишечника, мочевого пузыря и почек, а также хирургии головного мозга. И.Х. Дзирне состоял в 1922-1923 гг. профессором Каунасского университета, а в 1926-1929 гг. - профессором хирургии и директором госпитальной хирургической клиники в Риге /24; 48; 49/.

Учившийся в 1890-1896 гг. в Тартуском университете и защитивший здесь докторскую диссертацию уроженец Риги В.М. Минц (1872-1945) был принят в 1906 г. в число приват-доцентов Московского университета, в августе 1917 г. избран профессором оперативной хирургии и топографической анатомии Высших женских курсов, в 1918 г. возглавил вновь организованную госпитальную хирургическую клинику 2-го Московского университета. Тогда же он был привлечен к лечению раненого В.И. Ленина. В 1920 г. В.М. Минц переехал в Латвию, где в 1940-1941 гг. был профессором госпитальной хирургии Латвийского университета. Умер в 1945 г. в Бухенвальдском концлагере /1/.

Воспитанник и доктор медицины Тартуского университета (1885-1892) П.-А.-Л. Йордан (1866-1945), уроженец Таллина, работал в 1909-1918 гг. ассистентом кожной клиники Высших женских курсов, затем старшим ассистентом, приват-доцентом и с 1925 г. профессором и директором клиники кожных болезней 2-го Московского университета /50/.

Необходимо также указать на Н.Н. Бурденко, выпускника Тартуского университета 1906 г. Он был здесь ассистентом,

приват-доцентом кафедры хирургии, в 1911-1917 гг. экстраординарным профессором по кафедре оперативной хирургии и топографической анатомии, в 1917-1918 гг. - ординарным профессором факультетской хирургической клиники. Он приложил немало усилий для улучшения преподавания этих предметов. Во время I-й мировой войны, занимая руководящие посты медицинской службы Красного Креста, он провел большую работу по организации медицинской помощи раненым. В свою бытность в Тарту Н.Н. Бурденко сделал 30 научных докладов и сообщений в различных обществах, на съездах хирургов, на совещаниях военных врачей и пр., опубликовал 33 работы, которые касаются главным образом клинично-экспериментальных вопросов физиологии пищеварения, полостной хирургии, бальнеологии, военно-полевой хирургии и организации военной медицины. Кроме того, при его участии в 1917 г. было издано в Тарту два сборника "Материалов по вопросам военно-полевой санитарии и хирургии". После работы в Воронежском университете в 1918-1923 гг. Н.Н. Бурденко был переведен профессором в I Московский университет, где в 1923 г. заведовал кафедрой топографической анатомии и оперативной хирургии, с 1924 г. являлся директором факультетской хирургической клиники, которой руководил до конца жизни. С 1929 г. Н.Н. Бурденко одновременно - директор неврохирургической клиники при рентгеновском институте, на базе которой в 1934 г. был учрежден Центральный нейрохирургический институт (теперь Институт нейрохирургии АМН СССР им. Н.Н.Бурденко). Хорошо известны большие заслуги Н.Н. Бурденко в развитии отечественной нейрохирургии и военно-полевой хирургии. С первых дней Великой Отечественной войны Н.Н. Бурденко - главный хирург Советской армии. В 1939 г. он был избран действительным членом АН СССР, был первым президентом АМН СССР (1944-1946), в 1943 г. получил звание Героя Социалистического труда, в 1944 г. - генерал-полковника медицинской службы /3; 51/.

Питомец Военно-медицинской академии А.И. Яроцкий (1866-1944) заведовал в Тарту клиникой госпитальной терапии (1904-1917) и клиникой факультетской терапии (1917-1918). Он пропагандировал положения И.П. Павлова в области физиологии пищеварения, составил особую диету для лечения язвы желудка, применял психотерапию. Впоследствии он стал крупным советским терапевтом, с 1924 г. профессором терапии I Московского университета /II/.

Воспитанник (1890-1896) и приват-доцент по кафедре пато-

логической анатомии (с 1901 г.) Тартуского университета Г.Р. Рубинштейн (1871-1955) стал крупным советским фтизиатром, профессором и заведовал в 1941-1950 гг. кафедрой туберкулеза в I-м Московском медицинском институте /9/.

Точки соприкосновения с Тартуским университетом имеют также выдающийся советский терапевт М.С. Вовси (1897-1960) и крупные советские гигиенисты А.В. Рейслер (1892-1953) и С.И. Каплун (1897-1943). В 1915-1918 гг. М.С. Вовси был вначале слушателем медицинского факультета Частных университетских курсов в Тарту, затем студентом медицинского факультета Тартуского университета. В конце 1917 г. он хлопотал о своем переводе в Московский университет, однако, его прошение было отклонено /40/. Московский университет он смог закончить после Октябрьской революции, в 1919 г. По возвращении из Красной Армии он с 1922 г. являлся ординатором и ассистентом факультетской терапевтической клиники Московского университета. Вскоре стал научным сотрудником, с 1935 г. - заведующим кафедрой терапии ЦИУВ, действительным членом АМН СССР (1949), заслуженным деятелем науки РСФСР (1943), генерал-майором медицинской службы, в 1941-1950 гг. - главным терапевтом Советской Армии, одним из создателей военно-полевой терапии /43/. А.В. Рейслер - выпускник Тартуского университета, в котором начал учиться в 1912 г. /41/. Затем в 1921-1923 гг. он работал на кафедре гигиены Воронежского университета, а в 1935-1953 гг. - профессором кафедры гигиены I Московского медицинского института /24; 28/. Хорошо известно его руководство "Гигиена питания". С.И. Каплун после занятий в Страсбургском университете учился некоторое время в Тартуском университете, а в 1917 г. закончил Московский университет. Он создал в 1924 г. первую кафедру гигиены труда во II-м Московском медицинском институте, а с 1926 по 1942 г. возглавлял такую же кафедру I-го Московского медицинского института. Ему принадлежит первое руководство по гигиене труда для медицинских вузов /42/.

На рубеже столетий, т.е. во время университетской реформы и в годы, последовавшие за ней, произошла почти полная смена преподавательского состава медицинского факультета Тартуского университета. 66 преподавателей (профессора и приват-доценты) были вновь назначены или избраны, из которых более половины /37/ являлись воспитанниками других русских университетов, в том числе 13 из Московского университета. Таким образом, в эти годы особенно крупную роль в развитии

медицинской науки и медицинского образования в Тартуском университете сыграли выпускники Московского университета.

Так, профессором физиологии Тартуского университета был назначен воспитанник Московского университета, ученик И.М. Сеченова В.Н. Попов, который, однако, проработал в Тарту недолго (в 1894–1895 гг.) ввиду скорой кончины /6, с. 310/. Между прочим, освободившееся после него место в Москве у И.М. Сеченова занял бывший воспитанник Тартуского университета А.Ф. Самойлов.

Кафедрой фармакологии, диететики и истории медицины в Тартуском университете стали руководить воспитанники Московского университета С.И. Чирвинский (1897–1902) и Д.М. Лавров (1902–1918). До получения должности в Тарту С.И. Чирвинский проходил усовершенствование в Страсбурге у О. Шмидеберга, работал снова при Московском университете и приобрел известность экспериментальными исследованиями по изучению физиологии и фармакологии аортальной ветви блуждающего нерва, благодаря чему удалось подтвердить существование ранее только гипотетически предполагавшегося вазодилаторного центра, а также экспериментами, подтвердившими фильтрационную теорию лимфоотделения. В Тарту С.И. Чирвинский продолжал эти работы, изучал также различия наркотического и естественного сна. В результате его пятилетней работы вышло три сборника "Трудов Юрьевского фармакологического института". С.И. Чирвинский перешел в 1902 г. из Тарту в Московский университет, где широко развил экспериментальную фармакологию /6, с. 201; 21, с. 130/. Д.М. Лавров работал до приезда в Тарту в Петербурге в Институте экспериментальной медицины у И.П. Павлова и М.В. Ненцкого. Большинство его работ посвящено изучению химизма переваривания белков и роли лецитина в механизме действия различных лекарственных веществ. Д.М. Лавров стал известным советским фармакологом, работал в Воронеже и Одессе /8/.

В 1898 г. заведывание терапевтической поликлиникой перешло к третьему профессору частной патологии и клиники, питомцу Московского университета Н.А. Савельеву. Он много сделал для дальнейшего усовершенствования поликлиники и поликлинического преподавания. Для компенсации неимения стационарного клинического материала он изготовил много стенных таблиц, схем и пр. для иллюстрации лекций и создал музей муляжей. Идею последнего он получил из дерматологической клиники Московского университета, копии тамошних экспонатов и

стали основой созданного музея при Тартуской поликлинике. Н.А. Савельев читал врачебную диагностику студентам III курса, руководил поликлиникой и практическими занятиями студентов У курса на амбулаторном приеме больных и при посещении больных на дому. Н.А. Савельев научно обобщил опыт многолетнего поликлинического преподавания и оказания помощи университетской поликлиникой бедному населению, благодаря чему поликлиника Тартуского университета стала широко известной в России /26/. В 1911 г. Н.А. Савельев был переведен в Московский университет ординарным профессором по кафедре госпитальной терапевтической клиники /29/.

На созданную в 1895 г. кафедру оперативной хирургии и топографической анатомии был назначен экстраординарным профессором воспитанник и приват-доцент Московского университета М.И. Дружинин, который работал в Тарту до 1903 г., когда по состоянию здоровья вынужден был выйти в отставку /6, с. 296/. Воспитанник Московского университета И.В. Георгиевский (1867-1964) был с 1899 г. ассистентом, в 1904-1917 гг. приват-доцентом, а в 1917-1918 гг. заведующим указанной кафедрой, но эвакуировался в Воронеж, где стал профессором такой же кафедры в Воронежском университете, затем в медицинском институте /28/.

Кафедрой офтальмологии и глазной клиникой заведовали представители в основном Московской офтальмологической школы: с 1900 по 1909 г. - Ф.О. Евецкий и с 1911 по 1918 г. - А.Г. Люткевич. Ф.О. Евецкий учился в Военно-медицинской академии и за границей, докторскую диссертацию защитил в 1886 г. в Тартуском университете. После этого работал в Москве у выдающихся русских офтальмологов А.Н. Маклакова и А.А. Крюкова, где в 1887 г. организовал офтальмологический кружок, реорганизованный в 1899 г. в Общество глазных врачей в Москве, которое является одним из первых специализированных научных обществ в мире. В Тарту Ф.О. Евецкий проявлял особый интерес к патологической анатомии и онкологии глаза /6, с. 91; 7/. Работая в Тарту, А.Г. Люткевич обращал особое внимание на клиническую лабораторию, дополнил и редактировал учебник глазных болезней А.А. Крюкова. Позднее А.Г. Люткевич работал в Воронеже, где был деканом медицинского факультета и организовал глазную клинику, которой руководил до своей смерти (1918-1923 гг.) /52/.

Кафедрой акушерства, женских и детских болезней заведовал с 1893 по 1897 г. воспитанник Московского университета,

ученик В.Ф. Снегирева А.П. Губарев. В Тарту он стал проводить полостные операции, издал в известной монографии В.Ф. Снегирева "Кровотечения матки" главу об анатомии органов женской половой сферы, и учебное пособие по акушерству. Его ученик эстонец Я. Милдендер стал впоследствии профессором акушерства и гинекологии в Тарту. А.П. Губарев вернулся обратно в Москву, где создал свою гинекологическую школу, написал классическое руководство по оперативной гинекологии, стал выдающимся советским гинекологом-хирургом /25/. В течение короткого времени (1898-1900) кафедрой акушерства в Тарту заведовал также воспитанник Московского университета А.А. Муратов, по инициативе которого была пристроена ко второму этажу женской клиники надстройка для интерната повивальной школы. Занятия в этой школе в отличие от прежнего времени стали проходить теперь на эстонском и латышском языках. А.А. Муратов перешел из Тарту в Киевский университет. Затем в 1901-1902 гг. этой кафедрой заведовал А.Н. Соловьев, питомец Казанского университета, однако, до назначения в Тарту он был приват-доцентом в Московском университете /6, с. 71-78/.

Из других имен, связывающих два вуза нашей страны, можно назвать таких гигиенистов, как С.Ф. Бубнов, Г.В. Хлопня и А.И. Раммуль. Видный русский гигиенист С.Ф. Бубнов был воспитанником Московского университета, учеником Ф.Ф. Эрисмана и М. Петтенкофера. Во время кратковременного пребывания в Тарту (1895-1896) он занимался созданием гигиенического института в помещениях новоанатомического здания, налаживал преподавание гигиены по примеру Московского университета. Из Тарту он был переведен в Московский университет, где заведовал кафедрой гигиены до своей смерти в 1909 г. Его преемником (в 1896-1903 гг.) стал воспитанник Петербургского и Московского университетов, ученик И.М. Сеченова и Ф.Ф. Эрисмана Г.В. Хлопня, один из крупнейших отечественных гигиенистов и основоположников советской гигиены. По его инициативе при гигиеническом институте были организованы бактериологическое отделение, музей и библиотека. Уже в Тарту Г.В. Хлопня создал свою научную школу. Работы школы Г.В. Хлопня заложили основу коммунальной гигиены. В лаборатории проводились как санитарно-химические и бактериологические, так и впервые в России санитарно-токсикологические экспериментальные исследования. Ряд работ выполнен в области гигиены питания (химический состав пищевых продуктов и обнаружение их фальсификации). В Тарту Г.В. Хлопня опубликовал 45 работ, в том числе

несколько монографий, под его руководством было выполнено 16 диссертаций, издано три "Сборника работ гигиенической лаборатории Юрьевского университета" (1902-1903) и в 4 томах "Общедоступное руководство к предупреждению болезней и сохранению здоровья" (1902-1903). Из его учеников эстонец А.И. Раммуль был в 1905-1911 гг. заведующим химико-бактериологической лабораторией центрального водопровода Москвы и одновременно приват-доцентом по гигиене в Московском университете. В 1920-1940 гг. он был профессором гигиены в Тартуском университете, где в плане научно-исследовательской работы продолжал основные направления своего учителя Г.В. Хлопина /14/.

Таким образом, в XIX - начале XX вв. между двумя знаменитыми университетами нашей страны - Московским и Тартуским - существовали многообразные, тесные связи в области медицины. Среди них можно выделить взаимный обмен литературой и учеными-преподавателями. В Тартуском университете получил образование и научную подготовку ряд профессоров Московского университета, особенно в первой половине XIX в. (Г.И. Сокольский, А.М. Филомафитский, Ф.И. Иноземцев, И.О. Шиховский, И.В. Варвинский, П.Ф. Броссе, Н.Б. Анке, В.И. Кох, А.О. Ардфельд, М.В. Рихтер), в меньшей мере в конце XIX - начале XX вв. (И.Х. Дзирне, В.М. Миц, А.Ф. Самойлов, Н.Н. Бурденко, Г.Р. Рубинштейн, П. Йордан, А.В. Рейслер). Кроме того, в это время несколько воспитанников Тартуского университета стали частными преподавателями медицинского факультета Московского университета. В то же время из Москвы в Тарту прибыло много ученых в конце XIX - начале XX вв. В первой половине XIX в. можно к ним отнести только Н.И. Пирогова и И.В. Барвинского, получивших профессорскую подготовку в основном при Тартуском университете. В конце XIX - начале XX вв. среди прибывших из Московского университета были уже В.Н. Попов, С.И. Чирвинский, Д.М. Лавров, Н.А. Савельев, М.И. Дружинин, И.В. Георгиевский, Ф.О. Евецкий, А.Г. Люткевич, А.П. Губарев, А.А. Муратов, А.Н. Соловьев, С.Ф. Бубнов, Г.В. Хлопин. Выпускники Тартуского университета с успехом использовали полученные в университете знания на занимаемых преподавательских должностях в Московском университете, и аналогично поступали выпускники Московского университета в Тартуском университете. Все это способствовало превращению обоих университетов в подлинные центры отечественной медицины.

Л и т е р а т у р а и и с т о ч н и к и

1. Альтшулер Б., Черфас Д. Профессор Минц. — Рига: Лиесма, 1970. — 70 с.
2. Архангельский Г.В. Ф.И. Иноземцев и его значение в развитии русской медицины. М., 1959. — 268 с.
3. Багдасарьян С.М. Н.Н. Бурденко. — М.: Медицина, 1967. — 69 с.
4. Биографический словарь профессоров и преподавателей Московского университета. М., 1855, ч. I.
5. Биографический словарь профессоров и преподавателей Московского университета. М., 1855, ч. II.
6. Биографический словарь профессоров и преподавателей Юрьевского (б. Дерптского) университета. Юрьев, 1903, ч. II. — 654 с.
7. БМЭ, 1-е изд., т. 9, с. 690.
8. БМЭ, 1-е изд., т. 15, с. 293.
9. БМЭ, 2-е изд., т. 28, стб. 1226.
10. БМЭ, 2-е изд., т. 29, стб. 137-138.
11. БМЭ, 2-е изд., т. 35, стб. 1198.
12. История Московского университета. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1955, т. I.
13. Калнин В.В. К вопросу о роли и месте Тартуского университета в истории аускультации и перкуссии в России. — В кн.: Из истории медицины. Рига, 1963, т. У, с. 183-193.
14. Калнин В.В. Развитие гигиенической науки в Тартуском (б. Дерптском, Юрьевском) университете (1802-1917 гг.): Автореф. дис. ... канд. мед. наук. Тарту, 1972. — 44 с.
15. Калнин В.В. Сотрудничество врачей и вопросы медицины в "Дерптских анналах литературы, статистики и искусства" (1833-1836 гг.). — В кн.: Вопросы медицины и биологии Прибалтики: Тез. докл. XI Прибалт. конф. по истории науки. Тарту, 1977, с. 162-164.
16. Калнин В.В., Альбицкий В.Ю. Из истории связей Тартуского и Казанского университетов. — Клиническая медицина, 1981, № I, с. 103-110.

17. Калнин В.В. К истории преподавания психиатрии и невропатологии в Тартуском университете. - Вопросы истории Тартуского университета. Тарту, 1983, т. XV, с. 39-58.
18. Калнин В.В. А.Ф. Самойлов и Тартуский университет. - Вопросы истории Тартуского университета. Тарту, 1983, т. XV, с. I05-II5.
19. Калью П.И. Практическая хирургическая деятельность Н.И. Пирогова в Тартуском университете. - Вест. хирургии им. И.И. Грекова, 1955, № 6, с. I43-I47.
20. Калью П.И. Н.И. Пирогов и анатомо-физиологическое направление в хирургии. М., 1959. - 167 с.
21. Левит М. Ф.И. Иноземцев. - БМЭ, 2-е изд., т. 10, с. 507-508.
22. Летопись Московского университета 1755-1979. - М.: Изд-во Моск. ун-та, 1979.
23. Прейсман А.Б. Московская медико-хирургическая академия (исторический очерк). - М.: Медгиз, 1961. - 110 с.
24. Российский Д.М. 200 лет медицинского факультета Московского государственного университета - I Московского ордена Ленина медицинского института. М., 1955. - 244 с.
25. Рябов Г.З. А.П. Губарев (1855-1931). М., 1955.
26. Савельев Н.А. Поликлиника в России, деятельность поликлиники и ее значение в деле практической подготовки врачей (1804-1907). - Учен. зап. Крьев. ун-та, 1904, вып. 4.
27. Трофимова Т. Г.И. Сокольский. - БМЭ, 2-е изд., т. 30, с. 856-857.
28. Фурменко И.П. Воронежский государственный медицинский институт. - 2-е изд. Воронеж, 1978, с. I09-II0.
29. ЦГИА ЭССР, ф. 314, оп. I, ед. хр. 340, л. 37.
30. ЦГИА ЭССР, ф. 420, оп. 4, ед. хр. 742, л. 90-94.
31. ЦГИА ЭССР, ф. 402, оп. 4, ед. хр. I224, л. 298.
32. Там же, л. 761.
33. ЦГИА ЭССР, ф. 402, оп. 4, ед. хр. I300, л. 35, 269.
34. Там же, л. 235.
35. ЦГИА ЭССР, ф. 402, оп. 5, ед. хр. 2008, л. 73.
36. Там же, л. I42, I46 и I55.
37. Там же, л. I61.
38. ЦГИА ЭССР, ф. 402, оп. 9, ед. хр. 337, л. 238.
39. ЦГИА ЭССР, ф. 402, оп. 9, ед. хр. 439, л. 37-39.

40. ЦГИА ЭССР, ф. 402, оп. I, ед. хр. 5035, л. I-40; ед. хр. 5036, л. I-20.
41. ЦГИА ЭССР, ф. 402, оп. I, ед. хр. 22 387, л. I-35.
42. БМЭ, 2-е изд., т. 12, с. 199-200.
43. БМЭ, 3-е изд., т. 4, с. 323-324.
44. Шевырев С. Истории Московского университета, написанная к столетнему его юбилею (1755-1855). М., 1855, с. 422, 431.
45. Шишко Е.И. Воспитанники Тартуского университета - преподаватели Минского медицинского института. - В кн.: Вопросы медицины и биологии Прибалтики: Тез. докл. XI Прибалт. конф. по истории науки. Тарту, 1977, с. II8-II9.
46. Album academicum der Kaiserlichen Universität zu Dorpat. Dorpat, 1889.
47. Brennsohn I. Die Ärzte Livlands. Mitau, 1905, S. 386.
48. Brennsohn I. Die Ärzte Estlands. Riga, 1922, S. 165-166.
49. Brennsohn I. Die Ärzte Kurlands. Riga, 1929, S. 139-140.
50. Deutschbaltisches biographisches Lexikon 1710-1960. - Köln-Wien: Böhlau Verlag, 1970.
51. Kalnin V. N. Burdenko tegevus Tartu perioodil. - Nõukogude Eesti Tervishoid, 1976, nr. 3, lk. 241-247.
52. Schotter L., Kalnin V. Oftalmoloogia areng Tartu ülikoolis. - Nõukogude Eesti Tervishoid, 1969, nr. 2, lk. 134-139.

ФРИДРИХ ЛИХИНГЕР И ИССЛЕДОВАНИЕ ИСТОРИИ ФАРМАЦИИ

А.А. Вискна

Крупнейшими историками фармации и аптечного дела Латвии досоветского периода являются К. Фредеркинг (1809–1892), Г. Отто (1843–1917), Ф. Лихингер (1864–1931), Д. Блументал (1871–1937) и Э. Зойберлих (1882–1946). В своей исследовательской работе они придерживались господствовавших в соответствующем периоде тенденций историографии – прибалтийско-немецкой и буржуазно-националистической. Созданные ими труды до сих пор не получили марксистской оценки и используются современными исследователями в основном как источники фактов. Отсутствие должного внимания к содержащимся в этих трудах идейным концепциям нередко влияет на качество современных исследований и объективность их выводов. Поэтому необходимо тщательно проанализировать содержание и идейную направленность исследований авторов досоветского периода и дать им современную оценку.

Рис. 1. Ф. Лихингер

Среди многочисленных публикаций историков фармации досоветского периода труды Ф. Лихингера занимают особое место. Продолжая традиции накопления фактографического материала, он выходил за рамки Прибалтики и одним из первых пытался создать целостную картину развития аптечного дела во всей России, оставаясь все же прибалтийцем, т.е. на исторические процессы в России смотрел через узкую прибалтийскую призму, уделяя основное внимание деятельности аптекарей немецкого происхождения и, таким образом, проявляя себя приверженцем теории немецкого культуртрегерства. Литературное наследие Ф. Лихингера до сих пор не получило должной оценки, по существу не обобщены также данные о его жизни и научной деятельности. Довольно частое цитирование трудов Ф. Лихингера в советской литературе заставляет провести их критическую оценку.

Ф. Лихингер жил и работал в период особого обострения борьбы вокруг роли и наследия прибалтийских немцев в развитии региона, а в более широком масштабе – всего Российского государства. Предчувствуя потерю своего ведущего положения в Прибалтийском крае, местные немецкие исследователи яростно пытались упрочить его ссылками на исторические традиции, создавая себе известного рода литературные памятники. В конце прошлого и начале нашего столетия ими были созданы крупные исторические труды, в которых на обширном, весьма тщательно и подробно разработанном фактическом материале излагались вышеупомянутые идейные концепции. С одной стороны, это создавало прочную основу для дальнейшего исследовательского процесса по изучению развития фармации и аптечного дела, с другой – способствовало укреплению тенденций культуртрегерства, ибо эти труды с течением времени стали своего рода основополагающими и в отношении Прибалтики в известной степени даже классическими. Необходимо отдать должное прибалтийско-немецким исследователям как собирателям фактического материала, который сегодня полностью уже нельзя было бы собрать, но в то же время следует строго отделять достойную внимания фактографию от идейного наслоения и неприемлемых для современности тенденций.

Фридрих Вильгельм Лихингер родился 14 (26) ноября 1864 г. в г. Лимбажи, в семье кушца Вильгельма Лихингера. После окончания местного уездного училища он с 1879 по 1881 г. учился в губернской гимназии в Риге, затем был аптекарским учеником и в 1884 г. сдал экзамены помощника аптекаря при Дерптском

университете. После годичного кондитуирования в рижских и дерптских аптеках в 1885 г. Ф. Лихингер стал студентом Дерптского университета, в 1887 г. сдал экзамены провизора, в 1888 г. — магистра, и в 1889 г. защитил выполненную под руководством проф. Г. Драгендорфа (1836—1898) магистерскую диссертацию о микроскопии аптечных кротоновых и диосменевых корах /1/.

В 1890 г. Ф. Лихингер работал в м. Вецкалнава (Цесисский уезд), а в 1891 г. получил концессию на открытие 18-й нормальной аптеки в Риге. Аптека была открыта в 1892 г. в

Рис. 2. Торņākālnская аптека

Торņākālnсе*. С 1893 по 1894 г. Ф. Лихингер учился в Берлинском университете, потом до 1896 г. для усовершенствования своих знаний путешествовал по Германии, Франции, Швейцарии, Италии, Австро-венгрии, Сербии, Болгарии и Турции, где посещал научные центры и аптеки. С 1896 г. /2/ до конца жиз-

* Аптека Лихингера или Торņākālnская аптека помещалась в поместье Блока (усадьба "Блокмуйжия") на Митавском шоссе, д. II (ныне 12-я библиотека, ул. Виенибас гатве, д. 27). Здание усадьбы сохранилось до наших дней и является памятником архитектуры республиканского значения. Оно построено в начале XIX в. как пригородный одноэтажный деревянный жилой дом с четырехскатной черепичной крышей, окруженный с трех сторон колоннадой; фасады и детали выполнены в стиле классицизма. В 1939 г. аптека была перенесена на противоположный угол через ул. М. Алтонавас в дом по ул. Виенибас гатве, д. 29 (ныне 31-е ателье мод), и в 1944 г. прекратила свое существование).

ни он управлял собственной Торнякалнской аптекой. Умер Ф. Лихингер 20 сентября 1931 г. в Риге, похоронен на Яковлевском кладбище.

Научная деятельность Ф. Лихингера была связана с Рижским фармацевтическим обществом, членом которого он стал в 1893 г. С 1896 по 1900 г. он был его секретарем, с 1900 по 1902 г. — председателем, а в 1903 г. был избран почетным членом. Он состоял также членом Латвийского и Курляндского фармацевтических обществ /3/.

Прежде чем приступить к разбору научного наследия Ф. Лихингера, необходимо вкратце коснуться некоторых основных трудов по истории фармации его предшественников и современников, т.е. осветить фон, на котором протекала научная деятельность Ф. Лихингера.

Процесс накопления фактического материала по истории аптечного дела в Прибалтике начинается с трудов известного врача и краеведа О. Гуна (1764—1832), которые были опубликованы в начале XIX в. Из медико-топографических описаний, составленных О. Гуном, в которые включены данные о местных аптеках, в свет появились только материалы о Риге /4/, об остальных городах и местах Прибалтики они остались в архивах /5/ и уже со второй половины XIX в. использовались и частично публиковались в исследованиях последующих авторов.

В 1874 г. была опубликована монография рижского аптекаря К. Фредеркинга, которая являлась одним из первых систематических изложений всемирной истории фармации /6/. Книга состоит из двух разделов: в первом содержатся конспективные данные о развитии фармации, разделенные автором на 12 условных периодов, второй состоит из кратких биографий ряда прибалтийских ученых, фармацевтов и представителей пограничных дисциплин.

Изучение локального материала истории аптечного дела первоначально связывалось с исследованием истории некоторых местных аптек, а также ряда частных вопросов. Например, были обобщены данные о некоторых елгавских /7; 8/ и рижских аптеках /9/, а врач Я. Лембеке (1816—1899) опубликовал материал о положении рижских аптекарей в средние века /10/. Увеличение числа публикаций в данном направлении в дальнейшем привело к созданию обобщающих и систематических обзоров, в первую очередь к появлению трудов историка-генеалого Э. Зойберлиха и врача Г. Отто.

Монография Э. Зойберлиха, посвященная старейшим аптекам

(до начала XIX в.) Лифляндии и Эстляндии, а также аптекарям, работавшим в них до начала XX в. (470 биографий), появилась в 1912-1914 г. /II/. В 1915 г. Г. Отто опубликовал монографию, в которую были включены все аптеки и аптекари Курляндии с XVI в. до первой мировой войны (535 биографий) /I2/. Труд Э. Зойберлиха по сравнению с книгой Г. Отто выполнен на более высоком профессиональном уровне, с привлечением весьма солидного фактического обоснования. Оба эти труда до сих пор являются основными источниками изучения истории аптечного дела в Прибалтике в досоветский период.

Интересы местных исследователей были связаны также с изучением развития фармации в Российском государстве, из которых более примечательные труды опубликовал П. Шпер (1865-1923) /I3; I4/.

В период буржуазной Латвии ведущим историком фармации был Д. Блументал, имевший в отличие от своих предшественников не немецкое, а латышское происхождение. Наряду с изучением истории местных аптек и роста национальных кадров фармацевтов-латышей он много внимания уделял исследованию средств и методов лечения латышской народной медицины /I5; I6/. Появились также публикации ряда местных немецких авторов, в первую очередь Э. Трейдена (1865-1934) /I7; I8/.

Как и большинство его предшественников и современников (за исключением Э. Зойберлиха), Ф. Лихингер был историком-любителем. Его интересовала не только сама работа в аптеке и лаборатории, но и прошлое фармации, которой он увлеченно занимался уже с юных лет. Труды Ф. Лихингера выполнены тщательно, с огромным трудолюбием и без всякой материальной заинтересованности. Научное наследие Ф. Лихингера составляют 2 монографии (кроме диссертации) и несколько журнальных статей.

Первая книга Ф. Лихингера появилась в свет в 1903 г. и была посвящена столетию старейшего в стране Рижского фармацевтического (до 1862 г. - химико-фармацевтического) общества /I9/. Монография состоит из двух частей: 1) история общества и 2) биографии членов с персональными указателями литературы. Весьма подробно обрисованы создание общества и его цели, уделено должное внимание научным и организационным стремлениям основателя общества Д.И. Гринделя (1776-1836), охарактеризована научная и общественно полезная деятельность общества. В биографической части собрано 137 персоналий, касающихся почетных и действительных, а также членов-коррес-

пондентов общества. Данная монография Ф. Лихингера до сих пор является основным источником при изучении истории Рижского химико-фармацевтического общества и оценки его роли в развитии фармации в стране. Сообщение Э. Трейдена к 125-летию общества имеет второстепенное значение, но содержит оригинальный материал о периоде, когда общество уже утратило свой научный потенциал и занималось решением узко-профессиональных вопросов положения аптекарей /20/.

Ряд других более примечательных статей Ф. Лихингера касается следующих вопросов. В 1924 г. он опубликовал очерк о нехватке образованных врачей и аптекарей в России с XVI по XVIII в. /21/, в котором исходя из опубликованных исторических материалов, охарактеризовал состояние здоровья народа, уровня медицинской помощи населению, применение различных лечебных средств, появление медицинской литературы, численности образованного медицинского персонала, аптек и т.п., особенно подчеркивая деятельность Петра I по преодолению отсталости медицинского дела в России. Работа выполнена в характерной манере приверженцев западного культуртрегерства в России. Современного исследователя может заинтересовать лишь приведенный фактический материал.

В том же 1924 г. Ф. Лихингер опубликовал две статьи, касающиеся прошлого фармации Польши /22/ и Курляндии /23/. Первая из них знакомит читателя с собранными известным польским историком фармации К. Вендой (1852-1932) материалами об аптеках и основных хронологических датах развития фармации Польши с XIII по XIX в. Вторая статья является интерпретацией опубликованных ранее трудов О. Хомзе (1832-1890), Г. Отто, И. Бренсона (1854-1928), Я. Хертелиса (1858-1912) и др. о развитии аптек Курляндии, которая весьма существенно дополнена рядом архивных документов. Материал распределен на три периода: 1) орденовое, 2) герцогское и 3) "старейшее русское" время. Приведены основные законодательные акты относительно аптек и аптекарей, а также хронология и биографические данные с XVI до начала XIX в. Таким образом, статья содержит критическую оценку и уточнения к упомянутой выше монографии Г. Отто.

Ф. Лихингером была опубликована также биография своего учителя Г. Драгендорфа /24/.

Основной труд Ф. Лихингера, которым завершается его исследовательская деятельность, - монография "Из фармацевтического прошлого России", напечатанная в 56 продолжениях в

"Журнале фармацевтов Латвии" с 1927 по 1933 г., а также отдельным оттиском /25/ небольшим тиражом.

Книга состоит из 10 глав. Первая глава посвящена допетровскому периоду, вторая – анализу местных и привозных лечебных средств в "старой" России, последующие – периодам царствования Петра I, Анны Ивановны, Елизаветы Петровны, Екатерины II, Павла I, Александра I, Николая I и с Александра II до 1918 г. Неравномерное хронологическое распределение материала заставило автора включить в отдельные периоды подглавы, касающиеся частных вопросов в более широких хронологических рамках (в основном с XVI в. до начала XX в.), например, регламентация аптечного дела и законодательные акты, деятельность соответствующих государственных учреждений и некоторых общественных организаций, открытие новых аптек, роль госпитальных школ XVIII в. в развитии фармации, яды и отравления, фармакопеи, аптечные таксы, рижский бальзам, введение рецептов и сигнатур, проверка качества медикаментов, регламентация фармацевтического персонала и его обучение, деятельность Рижского, Курляндского, Петербургского и др. фармацевтических обществ, госпитальные, сельские, земские и др. аптеки и т.п. Или мероприятия по ограничению распространения оспы, холеры, чумы, эпизootий, карантин и таможня, деятельность Медико-хирургической академии и Московского, Дерптского, Казанского, Харьковского, Петербургского, Вильнюсского и других университетов в области фармации, различные статистические данные о числе фармацевтов, аптек и т.п.

В конце каждой главы приведены биографии видных фармацевтов соответствующего периода, всего свыше 200. Часть из них разработана весьма обстоятельно, с приведением обширных персональных указателей литературы (в основном ученых XIX в.).

Много внимания уделено развитию аптечного дела в Прибалтийском крае, отмечено открытие всех старейших аптек и рассмотрена деятельность наиболее известных местных фармацевтов. По существу Ф. Лихингером в монографию включена также весьма полная, хотя и конспективная история развития аптечного дела в Прибалтийском крае (Лифляндия, Курляндия, Эстляндия).

Монография разработана на солидном фактическом материале. Начиная с В.М. Рихтера (1767–1822), цитируются труды многих русских историков медицины и фармации досоветского периода, а также законодательные акты, документы и т.п.

(всего 738 сносок). Обилие всевозможных фактов и дат, насыщенность содержания иногда затрудняют уловить мысль автора. Создается даже впечатление о беспристрастности автора при изложении фактического материала. Но это не так.

Ф. Лихингер был приверженцем теории немецкого культуртрегерства в России, что отражается и в его монографии. Очень подробно освещается роль деятельности чужеземных, среди них и прибалтийско-немецких аптекарей в России, которая имела двойное значение. С одной стороны, среди них было много талантливых и крупных ученых, способствовавших развитию науки, с другой — такой наплыв немецких аптекарей, в руках которых оказалась немалая часть аптек, тормозил рост собственных национальных кадров в области фармации /26/.

Основная ценность последней монографии Ф. Лихингера — колоссальный фактический материал, служащий основой для дальнейших исследований, в которых уже необходимо произвести четкое разграничение между фактами и неприемлемыми для советских исследователей идейными наслоениями.

Л и т е р а т у р а и и с т о ч н и к и

1. Lichinger F. Die officinellen Croton- und Diosmeenrinden der Sammlung des Dorpater pharmazeutischen Institutes. Dorpat, 1889. — 52 S.
2. Geschichte und Mitglieder des Vereins studierender Pharmazeuten zu Jurjew. SPb., 1897, S. 33 — 34.
3. Mag. F. Lichinger. — Latvijas Farmaceitu žurnāls, 1931, Nr. 9, 291. — 292. lpp.
4. Гун О. Топографическое описание города Риги с присовокуплением врачебных наблюдений. Спб., 1804, ч. 2, с. 31—32.
5. ЦГИА ЛатвССР, ф. 6810.
6. Frederking C. Grundzüge der Geschichte der Pharmazie und derjenige Zweige der Naturwissenschaft, auf welchen sie basiert. Göttingen, 1874. — 303 S.
7. Chomse O. Historische Nachrichten über die Kummeraussche (Schmidtsche) Apotheke zu Mitau. — Sitzungsberichte der Kurländischen Gesellschaft für Literatur und Kunst, 1868, S. 246—250.
8. Die Löwen-Apotheke zu Mitau. Mitau, 1876. — 20 S.
9. Schweder G. Die ältesten Apotheken Rigas. — Baltische Monatsschrift, 1911, Bd. 72, S. 119 — 135.
10. Lemcke J. Die erste Rigasche Apothekerordnung vom Jahre 1624. — Rigasche Stadtblätter, 1894, N 45—49.

11. Seuberlich E. Liv- und Estlands älteste Apotheken. - Sitzungsberichte der Gesellschaft für Geschichte und Altertumskunde der Ostseeprovinzen Russlands aus dem Jahre 1911. Riga, 1912, S. 39-64; ...aus dem Jahre 1912. Riga, 1914, S. 205-345.
12. Otto G. Die Apotheken und Apotheker Kurlands. - Sitzungsberichte der Kurländischen Gesellschaft für Literatur und Kunst aus dem Jahre 1914. Mitau, 1915, S. 81 - 213.
13. Spehr P. Die Anfänge des russischen Apothekenwesens. - Baltische Pharmazeutische Monatshefte, 1914, N 12.
14. Spehr P. Materialien zur Geschichte der Begründung des russischen Apothekenwesens. - Baltische Pharmazeutische Monatshefte, 1908, N 1 - 9; 1909, N 10 - 12.
15. Blümentāls D. Latvijas farmācijas vēstures pamatvilcieni. - Latvijas Farmaceitu žurnāls, 1923, N 1 - 2.
16. Blümentāls D. Materiāli farmācijas vēsturei. - Latvijas Farmaceitu žurnāls, 1927, N 1 - 12; 1928, N 2, 4, 7, 8, 10, 12; 1929, N 2, 6 - 12; 1930, N 1, 3 - 12; 1931, N 1, 3, 5, 7 - 10.
17. Treyden E. Die Hirsch-Apotheke und ihre Zeit. - Latvijas Farmaceitu žurnāls, 1929, N 1, 2. - 12.lpp.
18. Treyden E. Die zwei ältesten Privat-Apotheken in Riga und ihre Vorzeit. - Latvijas Farmaceitu žurnāls, 1931, N 1, 5. - 18.lpp.
19. Lichinger F. Die Geschichte der Pharmazeutischen Gesellschaft zu Riga. 1803 - 1903. Riga, 1903. - 104 S.
20. Treyden E. 125 Jahre Pharmazeutische Gesellschaft zu Riga. - Latvijas Farmaceitu žurnāls, 1928, N 4, 111. - 116.lpp.
21. Lichinger F. Das Fehlen von Arzt und Apotheker im alten Russland. - Latvijas Farmaceitu žurnāls, 1924, N 1-4.
22. Lichinger F. Aus Polens pharmazeutischer Vergangenheit. - Latvijas Farmaceitu žurnāls, 1924, N 6/7, 172. - 178.lpp.
23. Lichinger F. Aus Kurlands pharmazeutischer Vergangenheit. - Latvijas Farmaceitu žurnāls, 1924, N 8 - 11.
24. Lichinger F. Zum 95. Geburtstage Dragendorffs. - Latvijas Farmaceitu žurnāls, 1931, N 4, 108. - 112.lpp.
25. Lichinger F. Aus Russlands pharmazeutischer Vergangenheit. Riga, 1927. - 433 S.
26. Страдынь Я.П., Страдынь П.И. Развитие аптекарского дела в Прибалтике. - В кн.: Из истории медицины. Рига, 1959, т. 2, с. 61-81.

ТАРТУСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ И
ОДЕССКИЕ ВЫСШИЕ ЖЕНСКИЕ МЕДИЦИНСКИЕ КУРСЫ

К.К. Васильев, В.В. Калнин

Преддущие наши сообщения были посвящены научно-медицинским связям между Новороссийским и Тартуским университетами /1/. Однако эти связи не исчерпываются контактами между университетами. В 1910 г. в Одессе были созданы Высшие женские медицинские курсы, на которых преподавал ряд ученых, связанных с Тартуским университетом.

Одесские высшие женские медицинские курсы (ОВЖМК) были открыты по инициативе группы профессоров медицинского факультета Новороссийского университета. Они имели целью предоставить женщинам возможность получить высшее медицинское образование. В 1920 г. курсы были слиты с медицинским факультетом Новороссийского университета, образовав медицинский институт.

По "Положению" о курсах на пост заведующих кафедрами (лица, возглавлявшие кафедры на ОВЖМК, не имели звания профессоров и именовались "преподавателями") приглашались "преимущественно профессора университета", но, кроме того, могли быть "приглашены и другие лица, имеющие право преподавать в высших учебных заведениях" /2/. Поэтому ряд кафедр на курсах был занят приват-доцентами Новороссийского университета.

Так как история ОВЖМК еще не написана, здесь и далее мы будем приводить сведения о всех заведующих соответствующими кафедрами, чтобы яснее и полнее отразить роль ученых, связанных с Тартуским (б. Дерптским, Ярьевским) университетом, в деятельности этих кафедр.*

На первом курсе ОВЖМК первыми преподавателями ботаники были: проф. Франц Михайлович Каменский (1851-1912), который читал курс ботаники в 1910/11 и 1911/12 учебных годах, и одновременно с ним в 1910 до конца 1915 г. - проф. Людвиг Адальбертович Ршави (1851-1915).

В весеннем семестре 1915 г. кафедру ботаники на курсах

* Биографические справки даются только в тех случаях, когда они не приводились в наших предыдущих сообщениях.

возглавил проф. Болеслав Болеславович Гриневецкий (1875-1963), окончивший в 1901 г. физико-математический факультет Тартуского университета. Здесь же в Тарту, он последовательно состоял: сверхштатным ассистентом, помощником директора ботанического сада, приват-доцентом. В этом же университете в 1909 г. он защитил диссертацию на степень магистра ботаники, а в 1914 г. - доктора ботаники. В 1914-1919 гг. он - профессор Новороссийского университета /3/. Затем в 1915/16 учебном году лекции по ботанике читал профессор Новороссийского университета Николай Михайлович Зеленецкий (1859-1923), а с осени 1916 до весны 1919 г. включительно кафедру вновь занимал Б.Б. Гриневецкий /4/. В этом же 1919 г. Б.Б. Гриневецкий уезжает в Варшаву, где в течение длительного времени был профессором университета. После него в 1919/20 учебном году ботанику курсисткам преподавала приват-доцент Вера Федоровна Пастернацкая.

В 1911 г. на ОВЖМК были созданы кафедры физиологии, фармации с фармакогнозией и др. С 1911 до середины 1914 г. кафедру физиологии возглавлял профессор Новороссийского университета Бронислав Фортунатович Верито (1860-1925). Затем в осеннем семестре 1914 г. лекции читали профессора университета Петр Яковлевич Борисов (1864-1916) и Анатолий Константинович Медведев (1863-1922), а в весеннем семестре 1915 г. - проф. Борис Павлович Бабкин (1877-1950). С осени 1915 г. кафедру занимал проф. Василий Васильевич Завьялов (1873-?) /5/.

В.В. Завьялов в 1896 г. окончил Тартуский университет и в 1899 г. защитил здесь же докторскую диссертацию. С 1903 г. он становится профессором физиологии физико-математического факультета Новороссийского университета. В начале 1920 г. В.В. Завьялов уезжает из Одессы и в последующие годы живет в Болгарии.

С 1911 до конца 1915 г. кафедру фармации с фармакогнозией возглавлял приехавший в Одессу из Тарту проф. Магнус Богданович Блауберг (1866-1921) /6 о нем см. наши предыдущие сообщения/. С начала 1916 по 1920 г. включительно этой кафедрой заведовал приват-доцент университета Артур Мартынович Кангер (1875-1960) /7/. В Тартуском университете он получил звание провизора, а затем в 1902 г. защитил диссертацию на степень магистра фармации. В этом же году он уезжает в Одессу, где в 1912 г. был принят в число приват-доцентов по кафедре фармации и фармакогнозии.

В 1912 г. на ОВЖМК открываются кафедры третьего курса: фармакологии, врачебной диагностики с пропедевтической клиникой, частной патологии и терапии и др.

Первым заведующим кафедрой фармакологии стал профессор аналогичной кафедры Новороссийского университета П.Я.Борисов. После его смерти, последовавшей летом 1916 г., кафедру возглавил приват-доцент университета Мартын Бартулович Зиле (1863-1945), который был вторым и последним заведующим этой кафедрой /8/. В 1888 г. он окончил Тартуский университет и здесь же в 1889 г., после защиты диссертации, получил степень доктора медицины. В Новороссийском университете он с 1905 г. приват-доцент, а с 1918 г. штатный доцент. В 1920 г. на ОВЖМК М.Б. Зиле заведовал кроме кафедры фармакологии кафедрой врачебной диагностики с пропедевтической клиникой.

Две кафедры на ОВЖМК: врачебной диагностики с пропедевтической клиникой и частной патологии и терапии – с момента их организации возглавлял профессор университета Леонтий Иванович Усков (1869-1919). После его кончины первую из указанных кафедр (врачебной диагностики с пропедевтической клиникой) занял проф. Алексей Иванович Щербаков, уехавший в январе 1920 г. в Крым. На оказавшуюся вакантной кафедру был приглашен М.Б. Зиле, который и читал лекции по данному предмету слушателям курсов в весенний семестр 1920 г. /9/. После слияния в середине этого года ОВЖМК с медицинским факультетом университета он продолжает заведовать этой кафедрой, к тому времени называвшейся кафедрой 2-й врачебной диагностики с пропедевтической клиникой.

Кафедру частной патологии и терапии Л.И. Усков возглавлял до конца 1917 г., затем он от нее отказался. Он и проф. К.И. Коровицкий рекомендуют на освободившуюся кафедру Федора Тимофеевича Тольпина (1866-1930) /10/, окончившего в 1896 г. Тартуский университет. Здесь же в 1906 г. Ф.Т. Тольпин защитил докторскую диссертацию и в 1910 г. был принят в число приват-доцентов. В 1914 г. он переезжает в Одессу в связи с назначением его профессором кафедры врачебной диагностики с пропедевтической клиникой Новороссийского университета.

В 1915 г. Ф.Т. Тольпин был избран в члены педагогического совета ОВЖМК. В том же году он стал секретарем педагогического совета (1 июня избран на эту должность и 26 июня утвержден попечителем учебного округа). Секретарем педагогического совета он состоял вначале до 8 апреля 1917, а затем с

26 ноября 1917 г. по 5 марта 1920 г.* /II/. Кафедрой частной патологии и терапии Ф.Т. Тальпин заведовал с 1918 г. до последних дней существования курсов. Ассистентом у него на кафедре с 1 сентября 1918 г. был выпускник Тартуского университета 1909 г. Валентин Аполлонович Лучинин (1880-?) /I2/.

В 1913 г. для четвертого курса ОВЖМК создаются соответствующие кафедры. В 1913-1920 гг. курс гинекологии на курсах вел приват-доцент Герман Иванович Томсон (1862-1933) /I3/, родом из Тарту. Здесь же окончил университет и в 1886 г. защитил докторскую диссертацию. С 1907 г. состоит приват-доцентом Новороссийского университета. После слияния в 1920 г. курсов с медицинским факультетом университета Г.И. Томсон продолжает заведовать этой же кафедрой в образовавшемся медицинском институте (2-й гинекологической кафедрой). Следует отметить, что на ОВЖМК курс акушерства преподавался отдельно от гинекологии и в 1913-1920 гг. его вел приват-доцент университета Франц Викторович Букоемский (1860-1924).

С начала 1917 г. на ОВЖМК введено обязательное преподавание "дантиатрии" и стоматологии. Их вел выпускник Тартуского университета приват-доцент Яков Михайлович Флеммер (1861-?). Преподавал он до весеннего семестра 1919 г. включительно /I4/.

Таким образом, ряд ученых, окончивших, защитивших диссертации или работавших в Тартуском университете, преподавали на ОВЖМК, способствовали тому, чтобы здесь смогли получить медицинское образование сотни женщин, пополнявшие затем ряды врачей, в которых в то время Россия остро нуждалась.

Л и т е р а т у р а и и с т о ч н и к и

1. Васильев К.Г., Калинин В.В., Васильев К.К. Связи Юрьевского (Тартуского) и Новороссийского (Одесского) университетов в области медицины. - В кн.: Вопросы истории Тартуского университета. Тарту, 1981, т. XII, с. 116-123; Васильев К.К., Калинин В.В., Васильев К.Г. Новые данные о научно-медицинских связях Тартуского и Новороссийского (Одесского) университетов. - В кн.: Вопросы истории Тартуского университета. Тарту, 1983, т. XV, с. 97-104.

* Даты до февраля 1918 г. приводятся по старому стилю.

2. Государственный архив Одесской области (ГА 00), ф. 62, оп. 1, ед. хр. 3, л. 19.
3. ГА 00, ф. 45, оп. 4, ед. хр. 1222, л. 1-51 (Личное дело Б.В. Гриневецкого).
4. ГА 00, ф. 62, оп. 1, ед. хр. 104, л. 10, 18-18 об. и ед. хр. 106, л. 32, 36 об., 51 об.-52.
5. ГА 00, ф. 62, оп. 1, ед. хр. 104, л. 26 и 41; ед. хр. 106, л. 10 об.; ед. хр. 117, л. 4.
6. ГА 00, ф. 62, оп. 1, ед. хр. 95, л. 17 об. и 43.
7. ГА 00, ф. 62, оп. 1, ед. хр. 106, л. 3 и 7. Год смерти А.М. Кангера сообщил нам А.А. Викона.
8. ГА 00, ф. 62, оп. 1, ед. хр. 106, л. 49 об.-50, 57 об. и 67; ед. хр. 108, л. 38 и ед. хр. 156, л. 1.
9. ГА 00, ф. 62, оп. 1, ед. хр. 117, л. 4 и 10 об.
10. ГА 00, ф. 62, оп. 1, ед. хр. 94, л. 148-149; ед. хр. 108, л. 77 об.-78; ед. хр. 111, л. 12 и ед. хр. 157, л. 1-3.
11. ГА 00, ф. 62, оп. 1, ед. хр. 104, л. 26, 29 и 34; ед. хр. 107, л. 18-19 и 24 об.; ед. хр. 108, л. 81 и ед. хр. 117, л. 17 об.
12. ГА 00, ф. 62, оп. 1, ед. хр. 157, л. 3а-6.
13. ГА 00, ф. 62, оп. 1, ед. хр. 100, л. 5, 39 об., 41, 52, 57 об. и 59; ед. хр. 104, л. 65 об. и 69 об.; ед. хр. 106, л. 3 и ед. хр. 111, л. 48 об.-49, 103 об. и 105 об.-106.
14. ГА 00, ф. 62, оп. 1, ед. хр. 106, л. 64 и ед. хр. 107, л. 7.

ФЕМИНИЗАЦИЯ ЗУБНЫХ ВРАЧЕЙ И ВРАЧЕЙ-СТОМАТОЛОГОВ В ТАРТУСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ В КОНЦЕ XIX И В XX СТОЛЕТИИ

М.О. Ливви-Калнин, В.В. Калнин, Э.А. Лепасаар

Как известно, первой женщиной, получившей звание зубного лекаря в России, была Жозефина Сарре. Она сдала экзамены при Тартуском (Дерптском) университете в 1814 г. и первой женщиной занялась зубоврачебной практикой в России, а именно в Риге и Таллине. В 1829 г. получила звание "зубной лекарки" в Тартуском университете дочь Ж. Сарре Мария-Луиза Сарре /3/. Хотя в 1829 г. женщинам было разрешено заниматься зубоврачеванием, однако, за последующие годы нет никаких данных о присвоении какой-либо из них в Тартуском университете звания зубного лекаря или дантиста (так с 1838 г. стали называть "зубных лекарей"). Это было обусловлено неравноправным положением женщин в дореволюционной России и отрицательным отношением реакционных правящих кругов к работе женщин на медицинском поприще, особенно врачебном. В то время как для мужчин зубоврачебное образование было уже давно узаконено, женщины с трудом завоевывали право на профессиональный труд в этой области.

После длительного времени в списках лиц, сдавших экзамены на звание дантиста при Тартуском университете, отдельные женщины появляются только в 1875 г. Ими были Каролине Вальдман и Анна Клейн. Затем это звание получили Анна Флах в 1883 г. и Ольга Шолтен в 1885 г. Начиная с 1888 г. Тартуский университет стал ежегодно выдавать женщинам дипломы дантиста. Однако по некоторым сведениям, официально разрешили женщинам получать звание дантиста или зубного врача наравне с мужчинами лишь с 1891 г. В этом же году было разрешено открывать в университетских, а в порядке исключения и в некоторых других городах зубоврачебные школы. Курс обучения в них длился 2,5 года, причем теперь от поступающих требовалось уже 6 классов гимназии, а в случае замужней женщины требовалось еще и письменное согласие от ее мужа /3, 4/.

Поскольку у женщин отсутствовала возможность получать

высшее медицинское образование, но разрешалось получать зубо-врачебное образование, то удельный вес женщин, сдавших экзамены на звание дантиста, постоянно увеличивался, достигнув к концу XIX в. 50%. Так, например, в 1899 г. среди 32 человек, допущенных к испытаниям на звание дантиста в Тартуском университете, насчитывалось 17 женщин, в 1900 г. диплом дантиста был выдан 35 лицам, в том числе 12 женщинам и т.д. /3/. Вначале среди лиц, предварительно обучавшихся в зубо-врачебных школах и сдававших затем экзамены при Тартуском университете, числились только воспитанники Ваглавской и Одесской, позже и других зубо-врачебных школ, причем женщины имели численное преимущество среди державших экзамены. Например, в 1899 г. дипломы зубного врача получили 29 человек, из них 20 женщин, в 1900 г. — 20 человек, из них 16 женщин, а в 1917 г. изъявилo желание сдать экзамены на звание зубного врача уже 155 человек, в том числе 146 женщин /3, 4/.

Увеличению количества зубных врачей способствовало открытие зубо-врачебных школ в Прибалтике в начале XX в. В 1901 г. врач Л. Долин, окончивший Тартуский университет, основал зубо-врачебную школу в Риге. В 1919 г. зубо-врачебная школа была основана в Вильяносе. В 1909 г. открылась зубо-врачебная школа в Тарту, базой которой стала зубо-врачебная клиника врача, воспитанника Тартуского университета, Д. Левиновича. В этой школе преподавали главным образом профессора и доценты Тартуского университета: Н.Н. Бурденко, И.И. Широкогоров и др. Учащимися были почти без исключения женщины. Так, в 1910 г. среди 23 принятых в Тартускую зубо-врачебную школу Д. Левиновича был только 1 мужчина /3/. В 1911 г. при медицинском факультете частного университета И.И. Ростовцева основанное зубо-врачебное отделение начало также готовить зубных врачей. Однако это зубо-врачебное отделение просуществовало недолго и оно подготовило совсем немного зубных врачей. Так, осенью 1911 г. на I курс поступило 15 слушателей, из них 8 женщин, а в 1912 г. — 12 учеников, из них 9 женщин /7/. Таким образом, с начала XX в. зубо-врачевание начинает все больше переходить в руки женщин.

В 1917 г. Тартуская зубо-врачебная школа перешла к зубному врачу эстонке Клии Сарепера. Эта школа просуществовала до 1924 г., подготовив около 400 зубных врачей, в основном женщин. Тартуская зубо-врачебная школа была закрыта правительством буржуазной Эстонии в связи с тем, что медицинский факультет Тартуского университета решил взять подготовку зуб-

ных врачей в свои руки. Тем не менее в буржуазной Эстонии система подготовки зубных врачей не была рациональной (только после окончания медицинского факультета желающие могли специализироваться на зубных врачах), о чем свидетельствует статистика. Если к началу буржуазной власти (к 1921 г.) в Эстонии осталось 74 зубных врача (в 1913 г. было 106), то к концу периода существования Тартуской зубоврачебной школы, т.е. к 1926 г. количество зубных врачей повысилось до 197. После закрытия зубоврачебной школы не отмечалось прироста числа зубных врачей: в 1930 г. в Эстонии насчитывалось 197 зубных врачей, из них 174 женщины, что составляет 88,3% /7/. По состоянию на 1 января 1940 г. в Эстонии насчитывалось всего 158 зубных врачей /6/.

В 1940 г. восстановленная Советская власть в Эстонии предоставила женщине полное равноправие с мужчиной и открыла перед ней широкую дорогу к высшему образованию, в том числе и к стоматологическому, давая ей возможность полностью раскрыть свои творческие способности. В 1940 г. по инициативе первого в Эстонии профессора стоматологии В.Я. Хийе при медицинском факультете Тартуского государственного университета на базе кафедры стоматологии было основано стоматологическое отделение, на которое принималось ежегодно в среднем 20–25 человек. Обязанности заведующего кафедрой стоматологии до самой смерти (в 1963 г.) выполнял профессор В.Я. Хийе. Таким образом, стоматологическое отделение Тартуского государственного университета в Эстонии начало готовить врачей-стоматологов с высшим образованием, сначала со сроком обучения 4 года, а с 1949/50 учебного года – 5 лет /9/.

В связи с оккупацией территории Эстонской ССР немецкими захватчиками во время Великой Отечественной войны первый выпуск врачей-стоматологов был в 1946 г. (табл. I). Стоматологическое отделение ТГУ в послевоенные годы, т.е. в конце 40–х годов XX в. оканчивали исключительно женщины. В 50–е годы стоматологическое отделение окончило только несколько мужчин (5 человек). С 1946 по 1985 г. в списках выпускников стоматологического отделения ТГУ всего насчитывался 831 человек, из них 785 женщин (94,5%) и 46 мужчин (5,5%) /8, 9/. Если рассмотреть состав окончивших стоматологическое отделение по отдельным годам, то видим, что 14 выпусков состояли только из женщин, в 7 выпусках было по одному мужчине, в 13 – по двое мужчин, одним – 3, одним – 4 и одним выпуске – 6 мужчин. В 1953 г. не было выпуска в связи с удлинением

срока обучения с 4 до 5 лет, выпуски отсутствовали и в 1956 и 1958 г., поскольку в 1951 и 1953 году не производилось приема студентов на первый курс стоматологического отделения /9/. Таким образом, в каждом году за рассмотренный период на долю мужчин, окончивших стоматологическое отделение ТГУ, приходится в среднем 1,24% человека.

Столь интенсивная феминизация среди врачей-стоматологов и вообще врачей в XX столетии как в Тартуском государственном университете, так и других медицинских вузах Советского Союза объясняется социально-экономическими, психологическими и другими причинами, раскрытие сущности которых — нелегкая задача. В течение длительного времени, с конца прошлого века в Тартуском университете, а также во всей Прибалтике и России лечением заболеваний зубов занимались в основном женщины и поэтому, очевидно, эта специальность стала считаться больше женским "ремеслом". При царском правительстве в связи с неравноправным социальным положением женщина кроме специальности зубного врача могла приобрести еще, например, специальность педагога в учительских семинариях (в Тарту в начале XX века существовали историко-философские курсы Ясинского, на которых могли учиться и женщины). В то же время для мужчин всегда кроме гуманитарных и биологических специальностей имелся и имеется большой выбор различных технических (политехнических) профессий, которые более подходят для мужского склада ума и физических данных. Значительная часть мужчин усваивает военно-технические профессии, которые женщинам совершенно недоступны уже в силу их физиологических особенностей и биологической роли в обществе. Сравнительно короткий срок обучения специальности стоматолога в предшествующие периоды и в наши дни позволяет женщине несколько раньше получить профессию и приступить к выполнению своей биологической роли — материнства. Таким образом, укоренившееся в сознании людей устарелое отношение к "зубоврачеванию" как более подходящей специальности для женщин, обусловленное ее социальным положением в царской России и ограниченными возможностями приобретения ею других профессий, с одной стороны, и наличие множества разнообразных, мужчин более интересующих и экономически более выгодных (зарплата выше) технических специальностей, с другой — определили, очевидно, феминизацию врачей-стоматологов в Советском Союзе, в частности в Эстонской ССР.

Во всех странах социализма — членах СЭВ также отмечается

повышенная занятость женщин среди работников здравоохранения. В Болгарии, например, удельный вес женщин среди специалистов, занятых в здравоохранении страны, растет быстрее, чем по всем остальным специальностям. Так, доля женщин среди специалистов здравоохранения возросла с 29,2% в 1956 г. до 49,5% в 1973 г. (все специалисты с высшим образованием составляли в 1956 г. 21,4% по сравнению с 38,8% в 1973 г.). В Польше, например, удельный вес женщин среди врачей в 1960 г. составлял 38,4%, а в 1974 г. — 50,0%; среди зубных врачей соответственно 78,2% и 80,9%. Кроме того, из статистики социалистических стран явствует, что состав кадров по полу дифференцируется в зависимости от уровня подготовки. Доля мужчин среди работников разных профессиональных групп снижается по мере перехода от более подготовленных к менее подготовленным категориям специалистов. Например, среди среднего медицинского персонала удельный вес мужчин в 1960 г. составлял 36% (женщин 64%), а в 1974 г. — 14,8% (женщин 85,2%) /1/. Преобладание женщин среди зубных врачей (стоматологов) в социалистических странах объясняется, очевидно, их меньшей подготовленностью по сравнению с другими врачебными профессиями. Данные соотношения численности мужчин и женщин среди врачей разных специальностей в Чехословакии показывают, что преобладание женщин в той или иной специальности зависит не только от степени подготовки данного специалиста, но и от этических особенностей самой специальности. Так, в 1974 г. в ЧССР при общем показателе 45,3% всех женщин среди врачей их доля среди урологов составляла 11%, хирургов — 16,9%, стоматологов — 56,9%, а школьных врачей — 85,5% /1, 5/.

Что же касается мнения, что профессия стоматолога или зубного врача физически более легкая по сравнению с другими врачебными специальностями, особенно со специальностью хирурга, то это весьма спорно. На самом деле специальности врача-стоматолога, особенно хирурга-стоматолога и протезиста-стоматолога сложные, трудоемкие, требуют определенных технических навыков и физической выносливости и поэтому больше подходят для мужчин.

Статистика капиталистических стран свидетельствует, что у них врачами-стоматологами в преобладающем большинстве работают мужчины. В Канаде, например, удельный вес мужчин среди врачей разных специальностей в 1961 г. составлял 93,2%, женщин — 6,8%, а среди зубных врачей мужчин — 95,7%, женщин

– 4,3%; в 1971 г. доля мужчин среди врачей составляла 89,9%, женщин – 10,1%, зубных врачей соответственно 95,2% и 4,8%. В США доля мужчин среди врачей в 1970 г. составляла 90,8%, женщин – 9,2%, среди зубных врачей соответственно 96,6% и 3,4%. В некоторых капиталистических странах число врачей и зубных врачей среди женщин имеет незначительную тенденцию к возрастанию. Так, в Великобритании (Англия и Уэльс) среди врачей удельный вес женщин в 1961 г. составлял 15,9%, мужчин – 84,1%, а среди зубных врачей соответственно 6,8% и 93,2%; в 1971 г. среди врачей одних было 19,8%, других – 80,2%, зубных врачей соответственно 12,7% и 87,3%. В Португалии среди врачей удельный вес женщин в 1960 г. составлял 10,9%, среди зубных врачей 5,8%; в 1970 г. женщины составляли из всех врачей 15,5%, а из зубных врачей – 7,5% /2/.

Однако необходимо отметить, что в капиталистических странах медицинская помощь, в частности зубоврачебная, является платной. Имеются частные зубоврачебные клиники и кабинеты, в которых взимается довольно высокая плата за любую стоматологическую манипуляцию /5/. Возможность хорошего заработка, "бизнеса", несомненно, служит одной из причин, предопределяющих профессию зубного врача (стоматолога) в капиталистических странах, как более подходящую для мужчин.

Таким образом, феминизация зубных врачей и стоматологов в Советском Союзе, в частности Эстонской ССР, и странах СЭВ и преобладание в этой области в капиталистических странах мужчин обусловлены прежде всего разным общественным строем и вытекающими отсюда социально-экономическими, этническими, религиозными и др. особенностями.

Таблица I

Распределение врачей-стоматологов, окончивших стоматологическое отделение ТТУ в 1946–1985 гг., по отдельным годам и полу

№ п/п	Год окончания стомат. отделения ТТУ	Общее число окончивших	Женщины	Мужчины
1	2	3	4	5
1.	1946	6	6	–
2.	1947	3	3	–
3.	1948	15	15	–
4.	1949	36	36	–
5.	1950	35	34	1

Продолжение табл. I

I :	2	:	3	:	4	:	5
6.	1951		24		24		-
7.	1952		20		19		I
8.	1954		12		12		-
9.	1955		20		18		2
10.	1957		26		25		I
11.	1959		20		18		2
12.	1960		24		24		-
13.	1961		13		11		2
14.	1962		27		27		-
15.	1963		26		24		2
16.	1964		21		21		-
17.	1965		22		22		-
18.	1966		19		19		-
19.	1967		29		29		-
20.	1968		34		33		I
21.	1969		26		25		I
22.	1970		20		18		2
23.	1971		22		22		-
24.	1972		23		19		4
25.	1973		23		21		2
26.	1974		19		18		I
27.	1975		22		20		2
28.	1976		14		12		2
29.	1977		22		20		2
30.	1978		23		21		2
31.	1979		20		18		2
32.	1980		21		20		I
33.	1981		19		19		-
34.	1982		26		23		3
35.	1983		25		23		2
36.	1984		35		33		2
37.	1985		39		33		6
Всего:			831		785		46
%			100		94,5		5,5

Л и т е р а т у р а и и с т о ч н и к и

1. Буренков С.П., Голотеев В.В., Корчагин В.П. Социалистическое здравоохранение: задачи, ресурсы, перспективы развития. - М.: Медицина, 1979, с. 182-185.
2. Персонал здравоохранения и больничные учреждения: Ежегодник мировой санитарной статистики 1973-1976 гг. Женева: ВОЗ, 1978, т. III, с. 96-100.
3. Калнин В.В., Лыви М.О. Первые зубные лекарки в Прибалтике. - Стоматология, 1970, № 4, с. 84-86.
4. Калнин М.О., Калнин В.В. Первые женщины, получившие звание зубного врача и дантиста в Тартуском университете. - В кн.: О развитии медицины в Тартуском университете: Вопросы истории Тартуского университета. Тарту, 1981, т. XII, с. 54-68.
5. Костлан Я. Стоматологическое обслуживание в Европе: Региональные публикации ВОЗ, Копенгаген, 1982. - 194 с.
6. Kalnin V. Meditsiiniline keskharidus Eestis. - Nõukogude Eesti Tervishoid, 1968, nr. 1, lk. 46-53.
7. Lõvi M., Kalnin V. Stomatoloogia arengust Eestis. - Nõukogude Eesti Tervishoid, 1967, nr. 2, lk. 136-141.
8. Maaroo I. TRÜ arstiteaduskonna lõpetajad 1959-1985. - Nõukogude Eesti Tervishoid, 1959-1985, nr. 5 (Kaadri ettevalmistus).
9. Arstiteaduskonna lõpetajad (diplomid) 1946-1958. - TRÜ Arhiiv.

TRÜ DERMATOLOOGIA JA VENEROLOOGIA KATEEDRI
TEADUSLIK-PRAKTILISTEST SIDEMETEST VENNASVABARIITKIDE
DERMATOVENEROLOOGIDEGA

H. Vahter

TRÜ dermatoloogia ja veneroloogia kateedri asutamise 65. aastapäeva puhul on põhjust peatuda eesti dermatoloogide ja veneroloogide teaduslik-praktilistel sidemetel vennasvabariitkide kolleegidega. Nende sidemete juured ulatuvad kaugemale ning on seotud vene dermatoveneroloogia koolkonnade kujunemisega ning dermatoveneroloogia kui iseseisva õppeaine õpetamisega Tartu ülikoolis. Teatavasti sai see alguse 1904. aastal, kui Tartu arstile Aleksander Paldroki-le anti Tartu ülikoolilt venia legendi, s.o. õigus lugeda fakultatiivse ainena naha- ja suguhaigusi (enne seda olid naha- ja suguhaigusi lugenud teraapia- ja kirurgiaprofessorid). Teatavasti kujunes A. Paldrok rahvusvaheliselt tuntud teadlaseks ning sai kuulsaks oma leepra-alaste teadustöödega. Sellest annab tunnistust tema valimine maailma ühe vanima teaduste akadeemia, Leopoldina-nimelise Teaduste Akadeemia liikmeks Saksamaal, Pariisi Leepraurijate Seltsi au-presidentiks, Rootsi Arstide Seltsi liikmeks, Uppsala Ülikooli audoktoriks jne.

Missugused olid A. Paldroki sidemed Nõukogude dermatoveneroloogidega?

Ludvig Puusepa kõrval oli A. Paldrok üks väheseid Tartu ülikooli arstiteaduskonna professoreid, kellel kodanlikul perioodil kujunesid head sidemed Nõukogude kolleegidega. Sellest räägib asjaolu, et A. Paldrok valiti Pospelovini nimelise Seltsi auliikmeks Nõukogude Liidus, ta esines rahvusvahelisel leepprakongressil Moskvast, Tartut külastas professor A. Vladimirov Leningradist. A. Paldroki ja tema õpilaste teaduslikule uurimistööle on andnud kõrge hinnangu tunnustatud leprooloogid, nende hulgas NSV Liidu juhtiv leprooloog prof. N. Torsujev, kes on andnud täieliku ülevaate A. Paldroki ja tema õpilaste trükis avaldatud teadustöödest (koostöös A. Paldroki õpilase P. Parmaksoniga 1945, 1946).

Eriti tihedaks kujunes eesti dermatoveneroloogide koostöö teiste NSV Liidu dermatoveneroloogidega Suure Isamaasõja järgsel perioodil. Dermatoveneroloogilise võrgu väljakujundamine Eestis algas juba 1941. aastal, kuid katkes sõja tõttu ning realiseeriti tegelikult alates 1945. aastast. Selles olid suuri teeneid meie vabariigi juhtivate dermatoveneroloogide Paul Parmaksoni ja Ludmilla Nurmandi kõrval (kateedri juhatajad pärast A. Paldrokki) Nõukogude Liidu ühel juhtival dermatoloogil, NSV Liidu Meditsiini Akadeemia korrespondentliikmel Pjotr Koževnikovil, kes juhatas Leningradi Arstide Täiendusinstituudi dermatoloogia kateedrit. Paljud meie vabariigi dermatoveneroloogid on spetsialiseerunud või end täiendanud selles instituudis. P. Koževnikov oli Tallinna dermatoloogide sagedane külaline, ta esines teaduslike ettekannetega ning konsulteeris dermatoloogilisi haigeid. 1956. aastal külastas P. Koževnikov koos abikaasaga esmakordselt Tartut, tutvus üksikasjalikult kateedri ning statsionaari ja dispanseri tööga. Meile kõigile jättis P. Koževnikov erudeeritud, laia silmaringiga spetsialisti mulje. Ta oli ajakirja "Вестник дерматологии и венерологии" kauaaegne toimetaja, erakordselt südamlük ja abivalmis inimene. Ta külastas kateedrit, selle vivaariumi, statsionaaris andis korduvalt väga väärtuslikke konsultatsioone, abistas H. Vahterit doktoridissertatsiooni tegemisel. 1958. aastal oli autoril võimalus viibida täiendusel tema poolt juhitud kateedris Leningradis.

Tänutundega meenutavad eesti dermatoloogid ka Moskva Arstide Täienduse Keskinstituudi dermatoveneroloogia kateedri juhatajat prof. A. Kartamõševit, kes suure erialase eruditsiooni kõrval näitas üles erakordseid pedagoogilisi võimeid. Paljud meie vabariigi dermatoloogid on viibinud täiendusel selles instituudis, ka kateedri õppejõud (H. Vahter, E. Elberg jt.).

Eesti dermatoloogid on abistanud A. Araviiski Leningradi I Meditsiiniinstituudist, prof. P. Kaškin Leningradi Arstide Täienduse Instituudist, prof. L. Šteinluht Leningradi Pediaatriainstituudist, prof. J. Arhangel'skaja Leningradi Sanitaarrühigieeni Instituudist, prof. A. Antonjev Moskva Arstide Täienduse Keskinstituudist.

Väga tihedad sidemed on viimase 15 aasta jooksul kujunenud Eesti dermatoloogidel Naha- ja Suguhaiguste Teadusliku Uurimise Keskinstituudiga. Korduvalt on Eesti NSV-s viibinud

NSV Liidu Tervishoiuministeeriumi brigaad, mille koosseisus on olnud peamiselt selle instituudi töötajad, kes on esitanud väärtuslikke nõuandeid edaspidiseks tööks. Regulaarselt on selle juhtiva instituudiga koordineeritud meie vabariigi dermatoveneroloogide teadustööd. Käesolevaks ajaks on see kujunenud teaduslikuks koostööks suguhaiguste epidemioloogia ja ravi ning psoriaasi patogeneesi uurimise valdkonnas, kateedri kollektiiv on kaasa haaratud ametkondadevahelise probleemi "Suguhaigused ja nende profülaktika" lahendamisele. Mitmed meie vabariigi dermatoloogid on viibinud selles instituudis stažöörina.

Meie dermatoloogid on viibinud veel täiendusel Moskva I ja II Meditsiiniinstituudis, Leningradi Sanitaarhügieeni Instituudis, Minski ja Kiievi Arstide Täienduse Instituutide dermatoloogia ja veneroloogia kateedrites ning Leningradi Sõjaväemeditsiini Akadeemias.

Tihedad on olnud sidemed ka naabervabariikide Läti ja Leedu dermatoloogidega, eesotsas prof. B. Sidaravičiuse, prof. I. Lelise, prof. P. Jakobsoni jt-ga.

NSV Liidu tervishoiusüsteem, riiklike organite tähelepanu ja hoolitsus, tihe koostöö NSV Liidu suurte keskuste juhtivate dermatoveneroloogiliste asutustega on võimaldanud meie vabariigi dermatoveneroloogilise teenistuse viia tänapäevasele tasemele. Kateedri aktiivsel osavõtul on välja arendatud dermatoveneroloogiliste asutuste võrk ja kindlustatud see kvalifitseeritud kaadriga. On loodud ametkondadevaheline komisjon, mille tööst võtab osa prof. Herman Vahter. ENSV Tervishoiuministeeriumi juures töötab suguhaiguste vastu võitlemise staap. On loodud epidemioloogiagrupid suguhaiguste vastu võitlemiseks ja observatsioonistatsionaar, laboratoorium immunoloogiliste uuringute teostamiseks. Edukalt juurutatakse süüfilise ekspresdiagnoosikat polikliinilistes asutustes. Laboratoorne diagnostika on tsentraliseeritud. Ulatuslikult kasutatakse massiteabevahendeid (televisionisaated ja raadiovestlused). On juurutatud uusi profülaktilisi menetlusi (gibitaan jt.).

Suurt osa on etendanud dermatoveneroloogide teaduslik selts, mille tööst võtavad aktiivselt osa kõik kateedri liikmed. Kateedri liikmed on osalenud üleliidulistel dermatoveneroloogide kongressidel, kus on esinetud ka ettekannetega. V kongressil Leningradis osales L. Nurmand (1959), VI kongressil Harkovis pidasid ettekande "Naha reaktsioonist põ-

levkivikeemia produktidele põlevkivitootmisettevõtete töötajatel" H. Vahter ja M. Majass (1973), VII kongressil Lvovis esineti tööga "Proliferatiivsetest ja fermentatiivsetest muutustest psoriaasahaigeil" (autorid H. Vahter, E. Elberg, H. Silm, TRÜ histo- ja biokeemikud, 1979). Osaleti ka I üleliidulisel dermatoveneroloogide konverentsil 1963. aastal (H. Vahter, N. Loogna), kus ettekande professionaalsetest nahahaigustest pidas H. Vahter.

Üleliidulistel dermatoveneroloogide pleenumitel on teaduslike ettekannetega esinenud kateedri juhataja prof. H. Vahter (Moskvas, Kislovodskis, Rjazanis, Suzdalis, Tallinnas, Donetskis, Pjatigorskis, Tšeljabinskis). Kulminatsiooniks meie dermatoloogidele oli Tallinna pleenum 1981.a., millest võttis osa enamik NSV Liidu juhtivaid dermatolooge ja kõik meie vabariigi dermatoloogid. Pleenumil esinesid teaduslike ettekannetega H. Vahter ja E. Elberg.

Regulaarselt korraldatakse kateedri juhtimisel vabariikliku dermatoveneroloogide seltsi ja selle filiaalide pleenaaristungeid ja igakuiseid töökoosolekuid, millest on osa võtnud ka vennasvabariikide teadlased (professorid A. Araviiski, T. Vassiljev, P. Jakobson, B. Sidaravičius, J. Arhangel'skaja, I. Lelis, J. Skripkin jt.). Kateedri initsiatiivil on valitud vabariikliku seltsi auliikmeteks prof. P. Koževnikov, P. Jakobson, I. Lelis, A. Studnitsin, N. Turanov, N. Ovtšinnikov, T. Vassiljev, J. Skripkin; Kateeder on kasutanud võimalust avaldada artikleid üleliidulistes ja vabariiklikes ajakirjades "Вестник дерматологии и венерологии", "Вопросы онкологии", "Проблемы эндокринологии" jt.

Tunnustuseks meie vabariigi dermatoveneroloogidele on see, et üleliidulise dermatoveneroloogide teadusliku seltsi juhatusse on valitud H. Vahter ja M. Majass (H. Vahter juhatuse presiidiumi liikmeks) ning revisjonikomisjoni meditsiinidoktor N. Loogna (1979). NSV Liidu Meditsiini Akadeemia koosseisu on kinnitatud H. Vahter dermatoveneroloogia nõukogu ning dermatoloogia probleemkomisjoni liikmena (1982, 1983). NSV Liidu Kõrgem Atestatsioonikomisjon on kinnitanud teaduslikud kutsed prof. H. Vahterile, dots. L. Nurmandile, E. Elbergile, H. Silmale, vanemteaduri kutsed meditsiinidoktor N. Loognale ja E. Rõigasele. Teaduslikud kraadid on kinnitatud järgmistele dermatoveneroloogidele: teaduste doktori kraad H. Vahterile ja N. Loognale, teaduste kandidaadi kraad L. Nurmandile, H. Silmale, M. Majassile ja E. Elbergile.

Kateedri juhataja professor H. Vahter on viimase 10 aasta jooksul retsenseerinud järgmisi teadustöid.

Doktoridissertatsioonid.

1. И.А. Халемин. Профессиональные дерматозы, обусловленные углеводородами каменноугольного пена на предприятиях Среднего Урала.

2. В.П. Федотов. Микоз, обусловленный красным трихофитом (состояние различных звеньев иммунитета и комплексная дифференцированная терапия больных).

Kandidaadidissertatsioonid.

1. Е.И. Юсайтис. Эффективность лечения больных псориазом и хронической экземой на курорте Дружнинкай.

2. В.И. Шабринкас. Изучение иммунологических сдвигов под влиянием лечения гризеофульвином и пирогеналом у больных эпидермофитией стоп и руброфитией.

3. А.П. Милтиньш. Новые методы и средства лабораторной диагностики сифилиса и гонорей.

4. Н.П. Буданова. Дифференциальная диагностика сифилиса скрытого раннего и позднего.

5. М.Т. Шакиров. Реакция обострения Яриша-Герксгеймера при лечении больных заразными формами сифилиса.

6. Л.И. Гугулан. Опыт социально-психологического и клинико-эпидемиологического исследования некоторых контингентов больных сифилисом мужчин.

7. Н.М. Ключаев. Комплексное лечение больных заразными формами сифилиса, страдающих алкоголизмом.

Käesoleval ajal on kateeder lülitatud üleliidulise sihtprogrammi "Suguhaigused ja nende vastu võitlemine" ning sihtprogrammi "Psoriaas" realiseerimisse ning arendab tihedat koostööd Naha- ja Suguhaiguste Keskinstituudiga ning NSV Liidu Meditsiini Akadeemia dermatoveneroloogia nõukoguga.

Kateeder on jätkanud kontakte peale vennaavariikide ka meie lähima naabri Soome dermatoloogidega. 1969.a. tutvus H. Vahter ENSV Tervishoiuministeriumi ülesandel meditsiiniakadri ettevalmistamisega Soomes, sealhulgas Turu ülikooli dermatoloogiakliinikuga (prof. C.E. Soncki juhendamisel). H. Vahteril ja E. Elbergil oli võimalus viibida samas kliinikus 10 aastat hiljem (1981) ning tutvuda nüüdisaegsete ravimeetodite rakendamisega prof. V.K. Havu juhendamisel. 1982. a. oli kateedri dotsendil E. Elbergil võimalus tutvuda Göteborgi dermatoloogiasutuste tööga.

Kateedri liikmed on osa võtnud ühest rahvusvahelisest

kongressist (VIII rahvusvaheline vähivastane kongress Moskvas 1972) ja kahest sümpoosionist (teaduslike ettekannetega) koos Poola dermatoloogidega 1979. ja 1981.a. Teaduslikke artikleid on avaldatud Saksa DV ja Poola erialastes ajakirjades (H. Vahter, H. Silm, E. Elberg). Kateedril on käesoleval ajal teaduslikud kontaktid Ungari, Saksa DV, Poola, Rootsi (Göteborgi), Soome (Turu) ja Norra (Trondheimi) teadlastega.

A l l i k a d

TRÜ dermatoloogia ja veneroloogia kateedri arhiiv.

TARTU ÜLIKOOLI ARSTITEADUSKONNA KASVANDIKE PANUS
VIROLOOGIA VALDKONNAS

A. Jannus

Kõige kiirema arenguetapi meditsiinis tegi viimase kolme aastakümne vältel läbi viroloogia. Praegu on viroloogia mikrobioloogia harust kasvanud iseseisvaks distsipliiniks. Nagu teada, ei paljune viirused kunstlikudel söötmetel, vaid ainult elavates koerakkudes. Nii saigi viroloogia tormiline areng võimalikuks koekultuuride kasvuks vajalike meetodite väljatöötamisega. Viimane omakorda teostus tänu antibiootikumide avastamisele, millede vahendusel saab luua koekultuuridele vajalikku bakterivaba toitekeskkonda. Meetodi edasiarendamisel osutus võimalikuks isoleerida ja uurida juba viiruste puhtaid kultuure. Avastati sadu uusi senitundmatuid viirusi, millede seas esimesteks ja kõige tähtsamateks osutusid poliomüeliidi-, Coxsackie A, B ja ECHO-viirused. Hiljem lisandusid neile arvukad ägedaid respiratoorseid nakkusi esilekutsuvad ja teised viirused, millede nomenklatuur järjest täieneb.

Plahvatusliku tõuke viroloogia arengule andsid avastused molekulaarbioloogias. Viiruste abiga õnnestus lahendada paljud pärilikkuse ja muutlikkuse saladused, mis on seotud RNA ja DNA struktuuri avastamise ja struktuursete muutuste võimaluse küsimustega. Need saavutused said võimalikuks paljude uurimismeetodite täiustamisega ja uue tehnika rakendamise (elektronmikroskoopia, ultratsentrifugeerimine, radioaktiivsete isotoopide kasutamine, autoradiograafiline ja röntgenstruktuuranalüüsi tehnika, kromatograafia jt.). Nagu näha, nõuab nüüdisaegne viroloogia väga tugevat laboratoorset baasi ja vilunud teadlasi mitmest valdkonnast.

Eesti NSV-s organiseeriti endise Vabariikliku Vaktsiinide ja Seerumite Teadusliku Uurimise Instituudi baasil 1952. aastal Tallinna Epidemioloogia, Mikrobioloogia ja Hügieeni Teadusliku Uurimise Instituut (Tallinna EMHTU Instituut). Teaduskaadri prudemise tõttu see instituut esimestel aastatel mingit teaduslikku produktsiooni ei andnud.

Alates 1954. aastast algas instituudi komplekteerimine noorte, Tartu Ülikooli lõpetanud arstidega. Samal aastal määrati instituudi direktoriks käesoleva kirjutise autor, tollal meditsiinikandidaat Arnold Jannus, kes Tartu Riikliku Ülikooli arstiteaduskonna oli lõpetanud 1949. aastal ja sellele järgneva aspirantuuri mikrobioloogia erialal 1952. aastal. Nimetatud perioodil oli viroloogia areng maailmas juba täies hoos. See tiivustas instituudi lülitamist virologia-alastesse uurimistesse. Esimeses järjekorras tuli organiseerida virologialaboratoorium, mis sai ka Eestis esimeseks. Seal said teoks, jällegi esimesed meie vabariigis, uurimised maailmas äsjaavastatud enteroviruste valdkonnas. Suurt tähelepanu pöörati poliomüeliidiviirusele, mille esimesed tüved isoleeriski 1958. aastal Eestis haigetelt Luule Teras. Samal ajal aga tegi esimesed ulatuslikumad seroloogilised uurimised poliomüeliidivastase humoraalse immuunsause selgitamiseks õpilastel Vaike Tapupere.

Poliomüeliidiviiruse (polioviiruse) põhjustatud lastehalvatustõbi oli hakanud levima, eriti pärast Teist maailmasõda, tohutu kiirusega. Kui poliomüeliiti kuni 1887. aastani tuli ette ainult harvade juhtudena, siis nimetatud aastal puhkes ta esmakordselt seninägemata epideemiانا, haarates peamiselt Skandinaavia poolsaare elanikkonda. Sellest ajast alates kirjeldati poliomüeliidiepideemiaid mitte üksnes Skandinaaviamaades, vaid ka paljudes teistes riikides. Eestis oli poliomüeliidi kohta andmeid juba möödunud sajandi lõpul.

Esimese ulatusliku puhangu andis meil poliomüeliit aastal 1945 - 1946, mil haigestus 262 inimest (letaalsus 10,3%). Järgnevatel aastatel kuni 1958. aastani jaigi haigestumus kõrgeks, kõikudes eranditega 100 kuni 230 haigusjuhu vahel aastas. Kõige ulatuslikum poliomüeliidiepideemia leidis Eestis aset 1958. aastal, mil haigestus kokku 991 inimest.

Juba 1953. aastal oli ameerika teadlane J. Salk välja töötanud poliomüeliidivastase vaktsiini, milles viirus oli surmatud formaliiniga (Salki surmatud vaktsiin). USA-s alustati selle vaktsiiniga massilist vaktsineerimist 1955. aasta algul ja Nõukogude Liidus aastail 1956-1957. Eesti NSV-s vaktsineeriti Salki surmatud vaktsiiniga esmakordselt Tallinnas 1957. aasta augustis. Instituudis äsjaloodud virologialaboratooriumi baasil võtsid vaktsineerimisest aktiivselt osa noored virooloogid, kes ühtlasi uurisid immuniseerimiste efek-

tiivsust seroloogiliselt (A. Jannus, A. Jõgiste, S. Jõks, E. Kallas, T. Kuslap, K. Kutsar, L. Priimägi, K. Subi, V. Tapu-pere, L. Teras). Vaktsineerimiste läbiviimist ja teaduslikke uurimisi juhendasid prof. O. Barojan ja V. Solovjov Moskva Viiruspreparaatide Instituudist.

Arvestades, et vaktsineerimine surmatud vaktsiiniga toi-mub süstimise teel, mistõttu on küllalt tülikas, hakati ot-sima võimalust sellise vaktsiini väljatöötamiseks, mida saaks rakendada suu kaudu. 1955. aastal publitseeriski ameeriklane A. Sabin enda valmistatud elusa atenuueeritud poliovaktsiini-ga peroraalselt immuniseeritud laste uurimiste edukad tule-mused. See vaktsiin sai edaspidi aluseks paljude riikide, ka Nõukogude Liidu elanikkonna massilisele vaktsineerimisele. Nägin, kui A. Sabin demonstreeris Moskvast dražeesse suletud elusvaktsiini sissevõtmist enda peal.

Koostöös A. Sabiniga algatati Eesti NSV-s akadeemik M. Tšumakovi initsiatiivil ja juhtimisel esmakordselt Nõukogude Liidus meie vabariigi elanikkonna massilist poliomüeliidi-vastast vaktsineerimist Sabini atenuueeritud elusvaktsiiniga. Eestis oli kiire vaktsineerimise ajendiks halb prognoos poliomüeliidi suhtes 1959. aastaks.

Vahetult enne vaktsineerimiste algust kutsus nende ri-dade kirjutajat välja Eesti NSV tervishoiuminister A. Gold-berg, kellega koos tuli minna EKP Keskkomitee sekretäri O. Merimaa juurde. Ma pidin andma instituudi direktorina ja vi-roloogina oma seisukoha ja nõusoleku vaktsineerimiste läbi-viimise vajaduse, ohutuse ja organiseerimise kohta. Oli ju tegemist elanikkonna massilise immuniseerimisega väga ohtli-kust viirusest valmistatud elusvaktsiiniga ja pealegi esma-kordselt maailmas. Motiveerisin selle tähtsa ürituse vaja-dust ja ohutust ning andsin nõusoleku viroloogiliste uurimis-te teostamiseks instituudi baasil. Seega võtsin olulise osa vastutusest endale.

Meie vabariigis alustati vaktsineerimistega 1959. aasta jaanuaris. Instituudi viroloogialaboratooriumi baasil hakkas koos instituudi viroloogidega töötama NSVL Meditsiini Aka-deemia Moskva Poliomüeliidi ja Viiruslike Entsefaliitide Ins-tituudi viroloogide grupp, kuhu kuulusid M. Vorošilova, S. Drozdov (selle instituudi praegune direktor), I. Dobrova, G. Širman jt. Vaktsineerimised elanikkonna seas organiseeris ENSV Tervishoiuministriteeriumi peaepidemioloog, Tartu ülikooli kas-vandik K. Vassiljevs. Vaktsineeriti 53 % vabariigi elanik-

konnast. Vaktsineerimiste käigus teostati viroloogilisi, seroloogilisi ja epidemioloogilisi uurimisi. Uurimistööde käigus hakati vormistama doktori- (A. Jannus) ja kandidaativäitekirju (S. Jõks, T. Kuslap, V. Tapupere). Tartu Riiklikust Ülikoolist osalesid töös kliinitsistidest E. Raudam, A. -E. Kaasik ja A. Tikk. Publikatsioonide põhjal kaitses E. Raudam poliomüeliidi temaatikal hiljem ka oma doktoriväitekirja.

Polioviiruste kõrval hakati instituudi viroloogialaboratooriumis uurima ühtlasi äsjaavastatud Coxsackie- ja ECHOviirusi, millede esimesed tüved Eestis isoleeris käesoleva artikli autor. Ta uuris ühtlasi nende viiruste osatähtsust kohalikus infektsioonipatoloogias, milleks korraldas ulatuslikke viroloogilisi, seroloogilisi ja epidemioloogilisi uurimisi paljude aastate vältel. Poliomüeliidi- ja teiste enteroviiruste alase uurimistöö tulemusena valmis tal doktori väitekirja, mille kaitses 1967. aastal. Coxsackie A grupi viiruste osatähtsust vabariigi elanikkonna seas uuris E. Saarnok, kes isoleeris Eestis selle grupi viiruste esimesed tüved ja kaitses sel teemal kandidaativäitekirja. Coxsackie grupi viiruste patogeensust valgetele hiirtele uuris meie vabariigis esimesena E. Põldvere. Coxsackie B grupi viiruste geneetiliste tunnuste omapära hakkas koos J. Sarvega määrama S. Jõks. Poliomüeliidivastase humoraalse immuunsuse uurimisega tegelesid A. Jannus, A. Jõgiste, T. Kuslap, T. Krispin, K. Subi, V. Tapupere ning bioloogid L. Priimägi ja V. Lipp. Bioloogiadoktor L. Priimägi, praegune Tallinna EMHTU Instituudi direktor (lõpetas Leningradi Keemia-Farmaatsia Instituudi) ja meditsiinikandidaat T. Krispin (töötab juba pikemat aega Moskvast) uurivad nüüd interferooni-küsimusi. Laborantidena tegid suuremahulisi laboratoorseid viroloogilisi töid bioloog H. Murakas ja V. Lipp. Viimane lõpetas hiljem TRÜ arstiteaduskonna. Käesoleva töö autor isoleeris meie vabariigis ka esimesed adenoviiruse-tüved. Põhiliselt adenoviiruste uurimise alase töö põhjal meie vabariigis kaitses instituudi töötaja R. Vodja oma kandidaativäitekirja. Gripi ja teiste ägedate respiratoorsete nakkuste põhanguid ja neid esilekutsuvaid viirusi uurisid instituudis A. Leiber, K. Subi ja E. Närska. K. Subil valmis sel teemal doktoriväitekirja, kuid jäi autori poolt mitmesugustel põhjustel kahjuks kaitsmisele esitamata.

Peab märkima, et kõikide nende viirusinfektsioonide, eriti poliomüeliidi epidemioloogilisel ja viroloogilisel uuri-

misel olid teadlased ise ja kaudselt nende perekonnad ohustatud. Viibiti ju isiklikult nakkuskolletes ja tehti laboratoorseid uurimisi elusate ohtlikkude viirustega, millede käitumine oli esialgu täiesti teadmata. Tänu heale mikrobioloogilisele väljaõppele Tartu ülikooli arstiteaduskonnas, kus viroloogia algteadmisi omandati selle ülikooli väljapaistva mikrobioloogi prof. K. Schlossmanni õpilaste dots. S. Laanese ja dots. E. Tallmeisteri käe all, ja uurimiste käigus saadud viroloogilistele teadmistele NSV Liidu viroloogia juhtivates instituutides, ei haigestunud nende uurimiste ajal instituudi ükski töötaja.

Peale NSV Liidu juhtivate teadusliku uurimise instituutide loodi viroloogia-alane ühine uurimistegevus ka Soomes Helsingi Ülikooli viroloogia kateedri ja Riikliku Seerumiinstituudi teadlastega. Soome poolt juhtisid ühistööd tookordne Helsingi Ülikooli viroloogia kateedri juhataja, selle ülikooli vahepealne rektor ja praegune kantsler viroloog prof. Nils Oker-Blom ja seerumiinstituudist dots. Kaisa Lapinleimu. Vahetati kogemusi vastastikuse stažeerimisega Soomes ja Eestis, osavõttudega rahvusvahelistest konverentsidest, nõupidamistest jne. A. Jannus, E. Raudam, S. Jõks ja T. Kuslap osalesid Esimesel rahvusvahelisel viroloogia kongressil Helsingis 14. juulil 1968. aastal.

Järjekindlalt on instituudi töötajad osa võtnud üleliidulistest viroloogiakonverentsidest ja -nõupidamistest. Instituut on organiseerinud ka omalt poolt arvukaid konverentse viroloogiasektsioonidega. On esinetud ettekannete ja rohkete publikatsioonidega.

Uurimistööde ja profülaktiliste abinõude rakendamise tulemusel taandus haigestumine poliomüeliiti järsult. Meie vabariigis ei ole poliomüeliiti registreeritud enam alates 1962. aastast. Eduka uurimistöö eest poliomüeliidikusimuse lahendamisel pälvisid paljud teadlased rahvusvahelise ja üleliidulise tunnustuse. Tartu ülikoolist väljakasvanud viroloogidest, said Nõukogude Eesti preemia teiste seas ka A. Jannus, V. Tapupere ja T. Kuslap, epidemioloogidest K. Vassiljeva ning O. Tamm, ENSV peasanitaararstina, klinitsistidest E. Raudam ja A. Tikk.

Oma panuse on Tartu ülikooli arstiteaduskonna endised kasvandikud andnud ka viirushepatiidi uurimisel (J. Reinaru, V. Reisenbuk, H. Kreek, J. Märtin, A. Holstein, V. Belokon, G. Kasesalu). Selle haiguse profülaktilise meetodina töötati

J. Reinaru juhendamisel välja gammaglobulineerimine. Nimetatud teemal kaitses J. Reinaru oma doktoriväitekirja.

Kahjuks ei leidnud viroloogia edasiarendamine hiljem enam küllaldast toetust. Oma struktuuri ja ülesannete poolest nii filigreanse ja nõudliku teadusharu arengut hakkas pidurdama materiaal-tehnilise baasi mahajäämus, mistõttu paljud viroloogid hakkasid instituudist lahkuma. Muudatusi tehti juhtkonnas.

Kokkuvõttes võib öelda, et Eesti esimesele viroloogia-laboratooriumile panid aluse Tartu Riikliku Ülikooli arsti-teaduskonna kasvandikud, olles selle teadusharu viljelemise pioneerideks. Ajavahemikul 1954 - 1975 kaitses ligi kolmekümnest Tallinna EMETU Instituudis töötanud viroloogist, Tartu Riikliku Ülikooli kasvandikust doktoriväitekirja kolm ja kandidaativäitekirja ligi kümme. Kahele omistati professori kutse (A. Jannus, J. Reinaru). Suur panus on antud koos viroloogidega väljastpoolt vabariiki ülemaailmselt tähtsa probleemi - poliomüeliidi epideemiliste puhangute tõkestamise ja meie vabariigis selle haiguse likvideerimise näol. On säästetud kümnete tuhandete inimeste tervis ja elu. Valvsus poliomüeliidi suhtes ei tohi aga kaduda.

JOHANN FRIEDRICH ERDMANN JA TEMA
FARMAKOLOOGILINE KOLLEKTSIOON

T. Ilomets, M. Päid

Tartu Riikliku ülikooli ajaloo muuseumis säilitatakse omaaegse farmakoloogiaprofessori Johann Friedrich Erdmanni poolt mõõdnud sajandi kolmekümnendail aastail komplekteeritud farmakoloogilist (farmakognostilist) kollektiooni, millel on praegu kahtlemata suur teadusajalooline väärtus. Kollektioon oli varem niivõrd tuntud, et seda mainitakse nii prof. Erdmanni elu ja tegevust kui ka farmakoloogia kateedri minevikku käsitlevas kirjanduses /1 - 10/.

Kollektioon asus TRÜ farmakoloogia kateedris kahes vanas spetsiaalselt selleks valmistatud kapis, millest üks on tänaseni kateedris säilinud. Kogu on kaasa teinud ülikooli evakueerimise Voronežisse 1918. a. ja sealt tagasituleku 1/16 üle elanud sõjasündmused 1941. ja 1944. aastal. 1970. a. paiku likvideeriti ta toleaeegse kateedrijuhataja professor Georg Kingisepa korraldusel ruumipuuduse tõttu ja paigutati Vana Anatoomikumi õuel asuva vivaariumi põõningule puukastidesse, kus ta asus kuni 1979. a. augustikuu alguspäevadeni. Sealt viidi säilinud pudelid ja purgid väiksematesse kastidesse ümberpakitult ajaloomuuseumi jaoks äsja eraldatud ruumidesse peahoone keldris, kus nad puhastati ning arvele võeti. Kollektiooni see osa, mis kätte saadi, oli suhteliselt hästi säilinud. Katkisi nõusid oli vähe ja droogid olid söödikutest kahjustamata. Kollektiooni esialgset nimekirja, mida arhiivilandmeis mainitakse /11/, pole senini õnnestunud leida. Küll on aga ajaloomuuseumis olemas alfabeetiline nimestik, mis kannab eestikeelset pealkirja "Prof. Erdmanni kogu nimekiri". Nimestik pärineb ilmselt 1920. - 1930. aastatest ja selles on kirjas 772 üksust. Praegu on muuseumis arvele võetud 582 üksust, millede hulgas on ka need, mis farmakoloogia kateedrist on hiljem juurde saadud. Seega on tänaseni säilinud 75 % ülalmainitud nimekirjas toodust.

Kollektiooni suurus on aegade jooksul olnud erinev. Professor Erdmanni andmeil oli 1837. a. - kui põhikomplekteerimine oli lõppenud - arvel 887 üksust /11/. 1842. a.

1. jaanuari seisuga oli 957 üksust 857,14 rubla väärtuses /12/. 1843. a. lõpuks, pärast Erdmanni lahkumist ülikooli teenistusest, oli kogu suurus 962 üksust üldväärtusega 909,74 rubla. 1844. aastast kuni 1848. aastani püsib see arv 962 ning kogu väärtus on 852,60 rubla. 1848. a. tuli juurde 11 üksust ning 1849. a. veel kolm. Seega oli kollekttsiooni suurus 1. jaanuaril 1850. a. 976 üksust koguväärtusega 962,62 rubla /9, 12/. Dokumendid, kus mainitakse farmakoloogilist kollekttsiooni seoses rahasummade nõutamise, pärinevad 12. jaanuarist 1856. ja 12. novembrist 1856. a. /12/. Edasiste aastate kohta on teada, et 1856. a. 1. jaanuari seisuga on kollekttsioonis 1010 üksust 1109,80 rubla väärtuses /13/. Pärast seda püsib kollekttsiooni suurus kuni 1867. aastani muutumatu /14/. Vana Anatoomikumi juurdeehituste põhjenduses 1856-1860 mainitakse ka farmakognostilise kollekttsiooni ruumivajadusi /15/.

Võime väita, et droogide ja nendest valmistatud ravimpreparaatide kogu on põhilises osas Erdmanni komplekteeritud. Ei F. R. Faehlmann, kes luges pärast Erdmanni lahkumist materia medica't aastail 1843 - 1845, ega ka F. Oesterlen, kes luges sama ainet 1846 - 1847, ei suurendanud kollekttsiooni. Rudolf Buchheimi ajal 1847 - 1867 täienes see vaid 34 üksuse võrra /14/.

1842. a. loodi prof. Friedemann Goebeli initsiatiivil iseseisev farmaatsia kateeder (instituut), mille esimeseks juhatajaks aastail 1843 - 1850 oli prof. Eduard Siller. 8. juulil 1843. a. andis Erdmann Sillerile farmakognostilise kollekttsiooni üle. Dokumendil on Erdmanni, Silleri ja sekretäri allkirjad /12/. Siller võttis selle vastu nähtavasti kui teaduskonna esindaja, sest kollekttsioon jäi oma endisesse asukohta. Farmaatsiainstituudi loomisega ja Rudolf Buchheimi tulekuga farmakoloogiaprofessoriks ei olnud kollekttsioonil enam niisugust tähtsust mis Erdmanni ajal. Kuid seda säilitati peaaegu 120 aastat kui üht väga oskuslikult koostatud ja küllaltki täiuslikku, kogu maailma tähtsamate ravimtaimede droogide kogu.

Heidame järgnevas pilgu kollekttsiooni saamisloole. 1829. a. sügissemestril alustas Erdmann materia medica (Pharmakologie und Rezeptirkunst) lugemist. Kuid juba varem, nimelt 22. juunil 1829 tegi ta ülikooli nõukogule (Conseil) kirjaliku ettekande selle kohta, et mainitud õppeaine korralikuks õpetamiseks ja õppimiseks on vaja luua täielik ravivahendite (Arg-

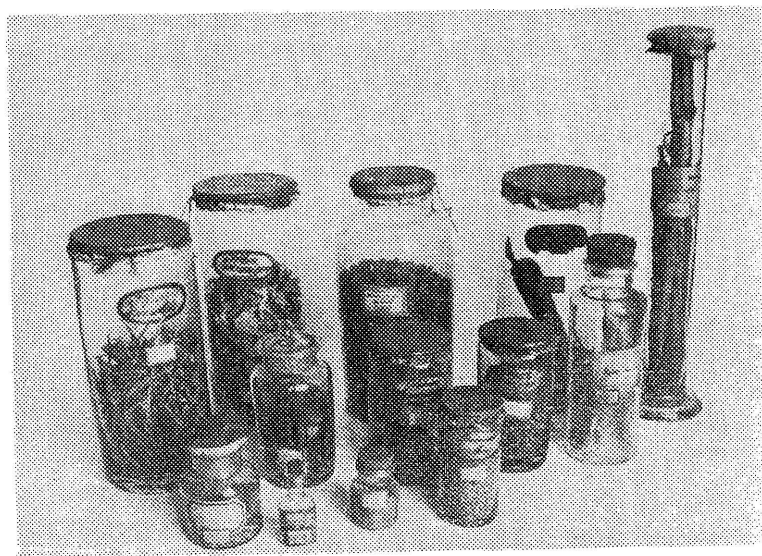
neimittel) kollektsoon /11/. Selleks palus ta leida vajalikud summad ning anda tellimus mõnele ravivahenditega kauplevale ettevõttele. Prof. F. Goebeli soovitusel tegi Erdmann ettepaneku, et tellimuse täitmine antaks Praha ravimikaupmehele Batkale, kes oli juba varem mitmetele ülikoolidele tuhande kuldna eest farmakoloogilisi kabinette sisustanud. Selleks oli vaja saada 2500 rubla ning transpordi- ja muudeks kuludeks veel 500 rubla, seega kokku 3000 rubla. See summa lubati ja tellimus anti täitmiseks Batkale /11/.

18. jaanuaril 1832. a. teatas prof. Erdmann oma avalduses ülikooli valitsusele /11/, et Batka pole tellimust seni täitnud ning pole vastanud Erdmanni järelepärimisele, mille viimane saatis 7. juulil 1830. a. Teistkordsele järelepärimisele saadud vastuses, mis saabus 14. detsembril 1831, vabandas Batka, et mitmesuguste raskuste tõttu pole ta ülikooli tellimust täita saanud ning palus ühe aasta pikendust. Erdmann pöördus jälle F. Goebeli poole, kes soovitas nüüd Peterburi apteekrit ja ravimikaupmeest Grassmanni. Goebeli kirjale vastas Grassmann, et ta võib selle tellimuse täita kahe kuu jooksul. Erdmann palus ülikooli anda tellimuse edasi Grassmannile varem kokkulepitud summa ulatuses /11/. 7. augustil 1833. a. ettekandes /11/ teatas Erdmann, et ministri nõusolekul 2. augustil 1832. a. on tellimus Peterburi apteekrile Grassmannile üle antud ning viimane on asunud suure asjatundlikkuse ja hoolikusega seda täitma. 1832. a. oktoobrist kuni 1833. a. juulini oli enamuse kollektsoonist mitut liiki transpordivahenditega kohale saabunud. Kollektsooni korrastamiseks palus Erdmann igaks aastaks eraldada 200 rubla, mida ta suure kokkuhoidlikkusega lubas kasutada /11/.

1837. a. 30. detsembri ettekandes ülikooli valitsusele /11/ teatas Erdmann, et 1833. a. tuli eelnevale lisaks veel üks kast, 1834. a. ka üks kast ning 1837. a. veebruaris saabus viimane, kaheteistkümnes kast kollektsoonimaterjalidega, millega kogu ettenähtud rahasumma oli ära kulutatud. Erdmann märgib, et Grassmann on nõus kollektsooni veel täiendama, kui vastavad rahasummad leitakse. Samas ettekandes teatas ta, et kollektsooni nõorraamat on valmis ning sinna on sisse kantud numereerituna kogu kollektsoon, mida on 887 üksust. Kollektsoon on paigutatud kolme kappi. Esimest korda märgiti farmakoloogilist kollektsooni ülikooli loengukavade selles rubriigis, kus on "Oeffentliche Lehranstalten und wissenschaftliche Sammlungen", 1838. a. kevadsemestrii. Seal esi-

nes ta avalikuks tutvumiseks kättesaadavate kogude nimekirjas kuni 1841. a. lõpuni. Kolleksiooni direktoriks oli prof. J. E. Erdmann /16/.

Selgitamaks, kui suures ulatuses Erdmanni kolleksioon haarab maakera eri piirkondi, tegime vastavate käsiraamatute /17 - 21/ alusel kindlaks eespool mainitud alfabeetilises nimestikis igale droogile või preparaadile vastava taime kodumaa või loodusliku põhilevikuala. Päris täpset taimegeograafilist jaotust oli raske teha ja seetõttu on saadud protsentväärtused ligikaudsed, kuid piisavalt tõepärased üldpildi saamiseks. Maailmajagude vahel jaotusid kolleksioonimaterjalid järgmiselt: Aasia 35 %, Euroopa 29 %, Ameerika 21 %, Aafrika 13 % ja Austraalia 2 %.

Drooge J. Fr. Erdmanni kogust
(TRÜ ajaloo muuseum)

Maailmajagudesiseselt on kolleksioon jaotatud järgmiselt.

Aasia. Uural, Altai, Taga-Baikalimaa, Kirgiisia, Turkmeenia, põhja alad (5 %); Väike-Aasia, Lähis-Ida, Araabia (21 %); Korea, Hiina, Jaapan, Mongoolia, Himaalaja, Tiibet, Mandžuuria, Amuri alad (13 %); India, Bengaalia, Nepaal, Lõuna-Hiina, Tseilon, Indoneesia, Sunda saared, Malaisia, Sumatra, Jaava jt. (31 %).

Euroopa. Põhja-Euroopa alad (5 %); Kesk-Euroopa; Alpi-Karpaadi mäestikuala; Euraasia stepivöönd (54 %), Lõuna-Euroopa (eriti Vahemeremaid); Taga-Kaukaasia ja Armeenia (33%).

Ameerika. Põhja-Ameerika parasvööde ja arktilised alad (20 %); Kesk-Ameerika ja troopilised alad, sealhulgas Florida, Antillid, Mehhiko, Honduuras, Guatemala, Brasiilia jt. (60 %); Lõuna-Ameerika mäestikupiirkonnad: Andid, Peruu, Tšiili jt. (20 %).

Aafrika. Põhja-Aafrika: Alžeeria, Maroko, Liibüa, Egiptus (17 %); Kesk-Aafrika (Sudaan) (7 %); Kesk-Aafrika lääneosa: Gambia, Senegal, Sierra Leone, Ginea (13 %); Kesk-Aafrika idaosa: Etiopia, Somaalimaa jt. (14 %); Lõuna-Aafrika: Madagaskar, Namibia, Mosambiik jt. (13 %). Ülejäänud osa jaotub üle kogu maailmajao.

Austraalia. Austraalia troopilised ja subtropilised alad, Tasmaania ning Uus-Ginea (2 %).

Ülaltoodust nähtub, et kollektsioon on koostatud väga oskuslikult, temas on esindatud tolle aja tähtsamad ravimtaimed kogu maailmast. Hinnangu andmine sisulisele, erialalisele küljele ei kuulu käesoleva artikli ülesannete hulka.

Peatume lühidalt prof. Erdmanni akadeemilisel ja õppe-tegevusel. Johann Friedrich Erdmann /1 - 6, 10, 22, 23/ sündis 1778. a. Wittenbergis, sai sealsamas alg- ja kõrghariduse. 1795. a. astus ta ülikooli teoloogiat õppima, kuid juba järgmisel semestril läks üle arstiteaduskonda. 1802. a. kaitses ta meditsiini ja kirurgia doktori kraadi. Dissertatsioonise oli aga füsiokoemiline uurimus vee lagunemise kohta elektrivoolu toimel /24/. 1804. a. oli ta Wittenbergi ülikoolis erakorraline, 1808. a. juba patoloogia ja teraapia korraline professor. 1810. a. valiti ta Kaasani ülikooli patoloogia, teraapia ja kliiniku korraliseks professoriks, 1814. aastast oli sama ülikooli arstiteaduskonna dekaan.

30. juulil 1817 valiti Erdmann Tartu ülikooli patoloogia, semiootika, teraapia ja kliiniku korraliseks professoriks. Ametisse asus ta jaanuaris 1818. a. 1823. a. lahkus Tartust ning siirdus Dresdenisse Saksi kuninglikuks õue- ja ihuarstiks.

1826. a. tehti Erdmannile Tartu ülikooli poolt ettepanek tulla füsioloogia ja patoloogia professoriks, kuid Erdmann keeldus. Alles seejärel, kui samale kohale valitud K.E. Baer seda kohta vastu ei võtnud ning Saksi kuningas suri, nõustus ta 1827. a. sügisel ülikooli järjekordsele ettepanekule.

kule vastu tulema ning asuma füsioloogia, semiootika ja patoloogia professori kohale /4/.

1828. a. sai ta dieteetika, ravimiteõpetuse, meditsiiniajaloo ja meditsiinikirjanduse professoriks, kellena tegutses kuni oma lahkumiseni ülikoolist.

Erdmanni tegevus ülikoolis oli väga viljakas ja mitmekesine, kuigi õppetöö piirdus tal ainult materia medica lugemisega ning soovijatele ladinakeelse disputatsiooni harjutustundidega /16/. N. Pirogovi hinnangu kohaselt "oskas ta ladina keelt nagu Cicero" /25/.

1839. a. oli tal loenguplaanides välja kuulutatud ka praktilised ülesanded materia medica's /16/.

Materia medica't luges Erdmann selle aja jooksul mitmete autorite järgi. 1829. aastast kuni 1837. aastani ohd vastavasisuliste õpikute ja käsiraamatute autoriteks Karl Heinrich Sundelin (1791 - 1834) /4, 26/, Justus Friedrich Hecker (1795 - 1850) /4, 27/ ja Johann Wendt (1777 - 1845) /4, 28/; 1837. aastast Joseph Friedrich Sobernheim (1803 - 1846) /4, 20/ ja K. H. Sundelin ning 1840. aastast tuli eelmisele kahele juurde Philipp Phoebus (1804 - 1880) /4, 29/.

1840. aastast luges Erdmann veel professor emeritus'ena, 1843. a. palus end vabastada ning 14. juulil 1843. a. lahkus ülikooli valitsuse tänu- ja auavalduste seatel.

J. Fr. Erdmann suri Wiesbadenis 28. jaanuaril 1846.

A l l i k a d. K i r j a n d u s.

1. Recke J.F., Napiersky K.E. Allgemeine Schriftsteller- und Gelehrten Lexikon. Mitau, 1827, Bd. 2, S. 510-514.
2. Recke J.F., Napiersky K.E. Allgemeine Schriftsteller- und Gelehrten-Lexikon. Nachträge und Fortsetzungen Bearbeitet von Theodor Beise. Mitau, 1859, Bd. 1, S. 169-172.
3. Биографический словарь профессоров и преподавателей императорского Юрьевского, бывшего Дерптского, университета за сто лет его существования (1802-1902)/ Под. ред. Г.В. Левицкого. Юрьев, 1903, т. 2.
4. Biographisches Lexikon der hervorragender Ärzte aller Zeiten und Völker. Zweite Auflage. Berlin; Wien, 1930 - 1934, Bd. 1 - 5.
5. Brennschn J. Die Aerzte Livlands von den ältesten Zeiten bis zur Gegenwart. Mitau, 1905, S. 151-153.

6. Deutschbaltisches Biographisches Lexikon 1710 - 1960. - Köln - Wien: Böhlau Verlag, 1970, S. 196.
7. Loewe S. Von der Wiege der Pharmakologie. - Archiv für experimentelle Pathologie und Pharmakologie. Leipzig, 1924, Bd. 104, S. 1-5.
8. Loewe S. Tartu eksperimentaalse farmakoloogia sünnipäevana. - Eesti Arst, 1927, 12, lk. 465-470.
9. Tartu ülikooli ajalugu. 1798 - 1918. Tln., 1982, II, lk. 232, 241-243.
10. Медицинский факультет Тартуского государственного университета. Таллин, 1982.
11. ENSV RAKA, f. 402, nim. 4, s. 525, l. 1-37.
12. ENSV RAKA, f. 402, nim. 5, s. 85, l. 1-43.
13. ENSV RAKA, f. 402, nim. 4, s. 801, l. 57.
14. ENSV RAKA, f. 402, nim. 4, s. 930, l. 20.
15. ENSV RAKA, f. 402, nim. 4, s. 793, l. 32-36.
16. Verzeichniss der Vorlesungen an der Kaiserlichen Universität in Dorpat 1827 - 1844. Dorpat, 1827 - 1844.
17. Thoms H. Handbuch der praktischen und wissenschaftlichen Pharmazie: Botanik und Drogenkunde. Berlin, Wien, 1929, Bd. 5, 1. Hälfte. - 980 S.
18. Thoms H. Handbuch der praktischen und wissenschaftlichen Pharmazie: Botanik und Drogenkunde. Berlin, Wien, 1931, Bd. 5, 2. Hälfte, 981-1702 S.
19. Dragendorff G. Die Heilpflanzen der verschiedenen Völker und Zeiten. Stuttgart, 1898. - 884 S.
20. Sobernheim J.F. Handbuch der praktischen Arzneimittelehre. Berlin, 1836.
21. Eesti taimede määraja. Tln., 1966. - 1187 lk.
22. Калнин В.В., Альбицкий В.Ю. Из истории связей Тартуского и Казанского университетов в области медицины в XIX и в начале XX столетий. - Rmt.: Tartu ülikooli ajaloo küsimusi. Trt., 1979, IX, lk. 4.
23. Щепетова Г.А., Калнин В.В. Медицинская и общественная деятельность воспитанников Тартуского университета в Саратовской губернии. - Tartu ülikooli ajaloo küsimusi. Trt., 1979, IX, lk. 23.
24. Erdmann J.Fr. Utrum aqua per electricitateum columnae a cel. Volta inventae in elementa sua dissolvatur. Diss. physico-chemica. Wittenberg, 1802. - 40 S.
25. Пирогов Н.И. Вопросы жизни. Дневник старого врача. - В кн.: Собрание сочинений. М., 1962, т. VIII, с. 259.

26. Sundelin R.H.W. Taschenbuch der ärztlichen Receptirkunst und der Arzneimittellehre. Berlin, 1828; 2. Aufl. 1832.
27. Hecker A.F. Praktische Arzneimittellehre / Revidirt von J.J. Bernhardi. Erfurt, 1814.
28. Wendt J. Praktische Materia medica. Breslau, 1830. - 414 S.
29. Phoebus P. Handbuch der Arzneiverordnungslehre. Stuttgart, 1840, Bd. 1 - 2. 3. Ausg. Bd. 1, Berlin, 1842. - 389 S; Bd. 2, Berlin, 1842. - 670 S.

PHILIPP OWSJANNIKOW TARTUS, KAASANIS, PETERBURIS

E. Käer-Kingisepp

Philipp Owsjannikow sündis 14. (26.) juunil 1827. a. Peterburis 3. gildi kaupmehe perekonnas, rahvuselt venelane. Lõpetas Peterburi St. Petri klassikalise gümnaasiumi 24. dets. 1846. a. *Vassili Owsjannikow, Philippi isa, kirjutas 9. jaan. 1847. a. Tartu ülikoolile poja soovist seal õppida "täiendamaks end teadustega" (для усовершенствования ему себя науками). Tolle aja seisuste barjäärid nõudsid õiendeid ka kaupmeheseisusest ülikooliastujailt. Käesoleval juhul gildi vastuseisu ei olnud, ühtlasi kindlustati, et maksud tasutakse seisusekohaselt. Luba minna "Vene impeeriumi linnadesse ja asulatesse vastavalt vajadustele" kehtis kolm kuud, õigel ajal mitteilmunuid karistati /1, 11/.

Philipp Owsjannikow kanti Tartu ülikooli üliõpilasmatriklisse kameraalteaduste alal 17. jaan. 1847. a. Ülemirek arstiteaduskonda määrgiti 26. aug. 1849. a., kus õpingud kestsid 5. detsembrini 1852. a. Eksamid toimusid 9. märtsist kuni 15. aprillini 1853. a. Esimesena tuli sooritada eksam jumalasõnaainetes (по предметам богословия), milles Ph. Owsjannikowi teadmisi hinnati "väga rahuldavaga" (очень удовлетворительно). Seejärel algasid arstiteaduse doktori erialaeksamid, nii suulised kui kirjalikud, demonstratsioonid, operatsioon, lahing jm. Eksamid jagunesid kahte ossa. Esimesse kuulusid: mineraloogia, botaanika, zooloogia, füüsika, orgaaniliste ja anorgaaniliste kehade keemia, anatoomia, füsioloogia, vene keel. Teise ossa kuulusid: terve inimese füsioloogia, haige inimese füsioloogia (mõlemaid aineid eksamineeris prof. Friedrich Bidder), üldteraapia, materia medica, retsepteerimiskunst, teoreetiline kirurgia, oftalmoloogia, spetsiaalne teraapia, sünnitusabi, naiste- ja lastehaigused, kohtuarstiteadus, poltseimeditsiin, dieteetika. Demonstratsioonid: ühe kehaosa anatoomia kirjeldus, ühe anatoomilise preparaadi valmistamine ja demonstratsioon, farmaatsia ja farmakognoosia eksam

* Kuupäevad vastavalt dokumentidele vana kalendri järgi.

kliinikus, kirurgiline operatsioon laibal, fantoom, lahang ja kohtuarstlik protokoll, vene keel, kirjalik küsimus teraapias, kirjalik küsimus kirurgias.

Eksamineeritava teadusliku küpsuse üle otsustasid eksamineerijad professorid balloteerides ja kinnitasid tulemuse allkirjadega /2/. Doktori teadusliku kraadi taotlejad esitasid väitekirja mõni aeg pärast eksameid, sagedasti alles aasta pärast.

Tartu ülikooli arstiteaduskond pälvis tõsist tähelepanu teadusilmas teadusliku uurimistöö tulemustega, eriti eksperimentaalses füsioloogias ja tema kõrvale astuvas eksperimentaalses farmakoloogias. Kui nimetada ainult F. Bidderi ja C. Schmidt'i ulatuslikku uurimust "Seedemahlad ja ainevahetus", mis ilmus 1852. a. /13, 14, 22/, - probleem, mis sidus uurimistööga ligikaudu paarkümmend noort arsti-dissertanti (N. Jacobowitsch /10/ jpt.). Ka uurimused kesknärvisüsteemi, perifeerse närvi (n. vagus jt.) funktsiooni vallas, eriti aga seljaaju funktsiooni ja peenstruktuuri selgitamine leidsid käsitamist. Rohkesti noori arste esitas oma huvi ja entusiasmiiga tehtud uurimused väitekirjana, taotlemaks arstiteaduse doktori teaduslikku kraadi /23, 24, 30/. Dissertandil tuli töötada kõige tihedamas kontaktis professoriga (teoreetilistes kateedrites ei olnud tol ajal ei assistente, veel vähem laborante). Tartu ülikooli arstiteaduse doktori väitekirjade teaduslikku taset peeti kõrgeks. Väitekirjades leiduvad tulemused leidsid kiiresti tee õppe- ja teaduskirjandusse. Näit. esitas Carl Ludwig oma 1852. a. ilmunud "Füsioloogia õpikus" Tartus samal aastal kaitsnud väitekirjast seljaaju skeemi ja andmed /17/. 1855. a. annab Otto Funke ülevaate /9/ Philippus Owsjannikowi ja Carolus Kupfferi väitekirjadest, eriti esile tõstes Owsjannikowi võrdlevat uurimust erinevate kalade seljaaju mikrostruktuuri kohta /16/.

Philipp Owsjannikow esitas oma väitekirja "Disquisitiones microscopicae de medullae spinalis textura, imprimis in piscibus factitatae", mis oli valminud prof. R. H. Bidderi juures, 10. apr. 1854. a., varustatuna pealdisega: "Imprimatur" Dr. Bidder, ord. med. h. t. Decanus. Väitekirja anti trükkki.

Philipp Owsjannikow on pühendanud oma väitekirja õppejõududele:

V i r i s

Illustrissimis atque humanissimis

F. H. B I D D E R

Prof. Ordin. Universitatis Liter. Dorpat.,
A Consil. Publ. etc.

Nec Non

C. B. R E I C H E R T,

Nunc Prof. Ord. Universitatis Vratislaviensis,
Quondam Prof. Ord. Universitatis Lit. Dorpatensis

A Consil. Publ. etc.,

Præceptoribus summe venerandis

Has Studiorum primitias

PIO GRATOQUE ANIMO

D. D. D.

A u c t o r.

Seesugused pühendused väitekirja eeslehel (enne teksti) olid sagedased, esitatud õppejõududele, vanematele, lähematele sugulastele, sõpradele - neid pidulikult tänades ja neile üle andes esimest teadustöö vilja /16/.

Doktoriväitekirja kaitses Philipp Owsjannikow 22. mail 1854. a., nädal hiljem, s.t. 29. mail sooritas ta eksamid kreisiarsti õiguste saamiseks, 11. sept. anti arstiteaduse doktori diplom /3/, seejärel ka kreisiarsti diplom /4/. Mõni päev enne seda teatas õpperingkonna kuraator G. Crafftström, et Philipp Owsjannikow arvatakse välja kaupmehesuisusest: "aus dem Stande der Kaufleute bei der Stadt Petersburg, gerechnet vom Beginn des künftigen Jahres." Uut seisust polnud märgitud. Juba 31. aug. 1853. a. leidis tema eksamipaberites märke seisuse muutmise kohta Vene impeeriumis. Peterburi ülikoolis tähistati Owsjannikowi algul kolleegiuminõunikuna, hiljem korralise akadeemikuna (academicus ordinarius), salanõunikuna.

Philipp Owsjannikowi teenistuskäik algas 14. nov. 1854. a., mil ta oli määratud Peterburi 2. sõjaväehospidali ordinaatoriks. Järgmisel aastal saatis Siseministeerium ta selgitama soolakala söömisele järgnevaid mürgistusi Volga alamjooksul Sarastovis, Astrahanis. 1856. a. suvel tehtud uurimuste põhjal järeldas Owsjannikow, et tegemist oli erilise infektsiooniga /28/. Astrahanis viibides kohtus Owsjannikow akadeemik Carl Ernst Baeriga, kes oli ametis möödunud ekspeditsiooni materjali läbitöötamisega. Nagu kirjutab Baeri biograaf B. Raikov /28/, kurnasid Baeri rasked malaariahood, mida rahva-

DISQUISITIONES MICROSCOPICAE
DE
MEDULLAE SPINALIS TEXTURA.
IMPRIMIS IN PISCIBUS FACIATAE.

DISSERTATIO INAUGURALIS

VIEN

CONSENSU ET AUCTORITATE

GRATIOSI MEDICORUM ORDINIS

IN

UNIVERSITATE LITENARIÆ CAESARÆ
DORPATENSIS

ET

SEMINI IN MEDICINA HONORARI

RITE SIBI CONCEDANTUR

LOCO CONCRETO PUBLICE PROFESSURÆ

CONDIGNISSIMÆ

Philippus Owsjannikow

Medicus

ADJUNCTÆ TABULAE TIBI P. P. ALEXANDRAE

DORPATI MDCCCXCVI.

TIBI P. P. ALEXANDRAE

MDCCCXCVI.

Ph. Owsjannikowi väitekirja tiitelleht

Q. D. B. V.

AVSPICIIS SAPIENTISSIMIS ET FELICISSIMIS

NICOLAI PRIMI

AVGVSTISSIMI SERENISSIMI AC POTENTISSIMI IMPERATORIS

ET AVTOCRATORIS TOTIVS RONSIAE ETC. ETC. ETC.

DOMINI NOSTRI LONGE CLEMENTISSIMI

EIVSQVE AVCTORITATE IMPERATORIA

UNIVERSITATIS LITERARVM CAESAREAE
DORPATENSIS

RECTORE MAGNIFICO

VIRO EXCELLENTISSIMO

IOANNE EDVARDO HAFNER

PHILOSOPHIAE DOCTOR, ARTIVM LIBERALIVM MAISTRO, CIVIT. A. CONSILII PUBLICI ORD. S. ANNAE SECVNDAE CLASSIS EQVITE

EX DECRETO ORDINIS MEDICORVM

IN VIRVM DOCTISSIMVM ATQVE EXPERIENTISSIMVM

PHILIPPVM OWSIANNIKOV

RUSSVM

EXAMINE RIGOROSO LEGE PRAESCRIPTO CVM LAUDE SVPERATO

ET DISSERTATIONE IN VAGVRAI

„DE SVSTANTIAS MICROSCOPICAE DE NEVLLAE SPINALIS TEXTVRA, IMPRINIS IN FIBRIS FACITATAE“

SVB XLII RAKA, XLII A. MDCCCLV

PUBLICAE DEFENSA

OB DOCTRINAM EXQVINITAM COMPROBATAM

GRADVM HONORES PRIVILEGIA ET IMMVNITATES

MEDICINAE DOCTORIS

COLLATA ESSE TESTATVR

FRIDERICVS HENRICVS BIDDER

MEDICINAE DOCTOR A CONSILIO PUBLICI ORD. S. ANNAE SECVNDAE CLASSIS I NVLA PHYSIOLOGIAE PATHOLOGIAE ET AEMPTICAE
PROFESSOR PUBLICE ORDINARIVS

ORDINIS MEDICORVM H. T. DECANVS

DORPATI LITHOGVRA
DE 21 MAI, SEPTVMBRI 4. MDCCCLV.

N° 212

Ph. Owsjannikowi arstiteaduse doktori diplom
(ENSV RAKA, f. 402, nim. 2, s. 18207, l. 89)

Sub auspiciisissimio regimine

NICCOLAI PRIMI,

Augustissimi Serenissimi et Potentissimi Imperatoris

et Autocratoris totius Rossiae etc. etc. etc.

Domini nostri longe Clementissimi

Ejusque Auctoritate Imperatoria

Ordo Medicorum in Universitate Caesarea literarum Dorpatensi

Dominum Philippum Owsinnikow. Russum, Medicinae Doctorem,
postquam secundum normam ab *Augustissimo Imperatore* die XVIII mensis Decembris
anni MDCCLXXV confirmatam omnia, quae postulabantur, praestitit, ad manus

Medici publici districtus (УКЛАДНОУ МЕКАП)

generatum aptum iudicavit die VIII m. Junii a. c. In eipus rei fidem publicam hoc Ei testimonium, sigillo
Ordinis Medicorum munitum atque a nobis subscriptum, dedimus.

Dorpati, die XI mensis Septembris anni MDCCLXXV.

Ph. Owejaanikowi kreisierarsti diplom (ENSV RAKA,
f. 402, nim. 2, s. 16207, l. 98)

302
1861

Императорскому Юрисскому

Ваше Высочество

Сердца Императорский Невский. Туда
сердце съезжаетъ въ новое жилище суждена
правосудия и Роду. • Прому, какъ Тасмийъ зашифтов
этоу умиредежета, приметъ, насъ похорошине истре
ноу похорошине. Дайъ Сави, угада въ иная форма,
таже парата, ботавоураа мабавъ къ мафта, уми
таже въ идеаломъ, сердина аттамоде къ уми
цетавъ монидежт, кава въ дини, старавъ аргавъ.
Все публича думи илю Невскому умиредежета
похорошине, угада и въ этомъ дини кава мабавъ
оригини, авъ мабавъ болелиавъ умиредежета и дини
мабавъ мабавъ мабавъ мабавъ мабавъ мабавъ
и сававъ дарава и мабавъ мабавъ.

Ф. Овсъянникъ

Академикъ, замученный профессоръ
Императорского Юрисского университета
Ф. Овсъянникъ
С. Петербургъ 9 Января
1902г.

Ph. Owsjannikowi õnnitlus Tartu ülikooli taas-
avamise 100. aastapäeva puhul (ENSV RAKA, f. 402,
nim. 4, s. 1300, l. 302)

meditsiini põhjal raviti koirohuteega. Haige paranes ning alustas ettevalmistust oma neljandaks Kaspia-ekspeditsiooniks. Selle juures abistas akadeemik Baeri dr. Philipp Owsjannikow, kes ekspeditsioonist ka osa võttis. Astrahanist sõideti välja 15. nov. 1856. a. Ilmastikutingimused ja teelud olid kogu teekonna kestel rasked. Sõideti mööda soolasteppi Kaspia läänekallast pidi. Tšornõi Rõnokis oli pikem peatus, vaadati üle kalapüügipunkte, sissekannete andmed, kalaliikide esinemise andmed, eriti vääriskala suurus jm. Ekspeditsioon kestis paar kuud, alles kevadpoolaastal jõuti Peterburi.

20. nov. 1857. a. esitas korraline akadeemik Carl Ernst Baer Peterburi Teaduste Akadeemiale bioloogia-sektsiooni poolt kandidaadiks võrdleva anatoomia ja füsioloogia kateedri füsioloogia adjunkti vakantsile kohale arstiteaduse doktori Philipp Owsjannikowi. Esitisele olid peale Baeri alla kirjutanud veel neli korralist akadeemikut. Osakonnas arutati kandidaatide töösuundi, ilmes seisukohtade lahkuminekuid. Otustati korraldada konkurss, nõuda kandideerijalt spetsimeeni (proovitöö). Ph. Owsjannikowi kandidatuur 1858. a. balloteerimisele ei tulnud, kerkis uuesti alles 1862. a.. Vahepealseid sündmusi on detailselt FA arhiividokumentide põhjal kirjeldanud B. J. Raikov /28/, A. K. Fedorova-Grot /19, 29 jt./.

Philipp Owsjannikow Kaasani 1858 - 1863. Ministri korraldusel määrati arstiteaduse doktor Philipp Owsjannikow 16. sept. 1858. a. Kaasani ülikooli füsioloogia ja üldpatoloogia erakorraliseks professoriks ja üsna varsti korraliseks professoriks. Owsjannikowi tulekuga algas Kaasani eksperimentaalse füsioloogia ajajärk. Rajati ka füsioloogialaboratoorium. "Tänapäeval ei saa füsioloogiat katseteta enam lugeda" nii avaldas Owsjannikow oma tõekspidamist kirjas teaduskonnale. Füsioloogia kui õppeaine oli katsete kasutamise poolest erakordseks sündmuseks Kaasani ülikooli arstiteaduskonnas üldse, nagu seda märgivad K. Lebedev, L. Volkova, L. Zefirov /26/. Noore professori loenguid, kus demonstreeriti selgitavaid katseid, kuulasid mitte ainult arstiteaduse, vaid ka teiste teaduskondade üliõpilased. Üliõpilaste entusiasmist räägib ka see, et prof. Owsjannikowi ettepanekul tõlksid II kursuse üliõpilased Dondersi "Füsioloogia õpiku" 1859. a-st. Andekamad üliõpilased asusid teadusliku uurimistöö juurde kateedris. 1860. a. ilmusid kateedris kuus eksperimentaalset tööd, neist kolm kuulusid professorile ja kolm üliõpilasele N. Kovalevskile. Mõni aasta hiljem sai viimasest professori töö jätkaja /21/.

Komandeerituna Kaasani ülikooli poolt üheks aastaks (mai 1860 - 1861) Lääne-Euroopa ülikoolidesse, külastas prof. Owsjannikow Viinis kuulsa füsioloogi Carl Ludwiggi laboratooriumi, kus originaalsed eksperimentaalsed uurimused pakkusid suurt huvi. Berliini füsioloogialaboratooriumis tutvus ta elektrofüsioloogia-alaste katsetega ja vastavate omaloodud seadmetega. Prof. Owsjannikow külastas Berliinis ka anatoomia kateedrit, kus pärast Johannes Müllerit anatoomia, eraldatuna füsioloogiast, moodustas iseseisva kateedri, mille juhatajaks oli prof. Carl Reichert, endine Tartu ülikooli anatoomia professor ja Owsjannikowi õpetaja üliõpilasajal. Prof. Owsjannikow tutvus mitme ülikooli füsioloogialaboratooriumide siseseadega ja paljude füsioloogia silmapaistvate esindajatega Saksamaal. 1860. a. esines ettekandega Königsbergis arstide ja loodusteadlaste konverentsil /21, 26/. 1861. a. talvel kuulas Owsjannikow Pariisis Claude Bernard'i loenguid, esines ettekandega Pariisi Teaduste Akadeemias, tutvus füsioloogia õpetamisega Prantsuse ülikoolides.

Kaasani füsioloogiakoolkonna ajaloo uurijad märgivad oma hiljutises ülevaates seda, et Owsjannikow ei toonud Lääne-Euroopast kaasa uusi uurimissuundi või uusi põhimõtteid oma loomingusse. Eksperimentaalse füsioloogia lähted nii neuroloogias kui histoloogias, mis olid Tartu aastatel saanud tugeva aluse, jäid püsima ka tema viljakal loomekõrgperioodil Peterburis /21, 26/.

Viibides välismaal, hoolitses prof. Owsjannikow Kaasani ülikooli füsioloogiakabineti ruumide (kateedri) eest. Ta kirjutas keemiaprof. A. Butlerovile (aastatel 1860-63 Kaasani ülikooli rektor) ja arstiteaduskonna dekaanile prof. J.G. Lindgrenile ning palus tungivalt anda füsioloogiakabinetile ajakohased ruumid, tuues näidiseks Göttingeni ülikooli füsioloogiainstituudi. Kaasani kohta esitas prof. Owsjannikow järgmised tagasihoidlikud soovid:

1. Füsioloogilise ja patoloogilise keemia laboratoorium.
2. Füsioloogiakabinet, s.t. instrumentide ja mikroskopeerimise ruumid.
3. Vivisektsiooni tuba (keemiaaahi või soe pliit injektatsioonide tarvis, auditooriumi kõrval).
4. Ruum patoloogiliste ja anatoomiliste piirituspreparaatide jmt. jaoks.
5. Pime ruum (nägemisfüsioloogia loenguteks, foto- jt. seesugusteks töödeks).

6. Loomade ruumid (koertele, küülikutele, konnadele jt.)
7. Väike aiake, hea ja isegi vajalik.
8. Auditorium amfiteatrina, et katseid ja muud näidata."

Välismaal muretses prof. Owsjannikow laboratooriumi varustust ja mitmesugust aparatuuri.

Kaasani ja Tartu teadusalastest kokkupuuteist 1860 aastail annavad tunnistust mõningad seni säilinud materjalid. Hivitav on Aleksandr Petrovi väitekirja "К учению об времени", valmimiskäik /7/. Väitekirja on trükitud Kaasani ülikooli trükikojas 1862. a. arstiteaduskonna otsusel, mida kinnitab kaan Ph. Owsjannikow. Pühendus väitekirjal on Tartu ülikooli professoritele Friedrich Bidderile ja Karl Schmidtile. Väitekirja viimasel leheküljel (lk. 27) on trükitud "Derpt, 22. mai 1862. a." Sellest võib järeldada, et töö on valminud Tartus, professorite Bidderi ja Schmidti juures. Tiitellehel on autori käega vene keeles kirjutatud: "Hr. professor F. Bidderile, sügavasti austav autor, Kaasan, 30. okt. 1862." Tõenäoselt on selle kuupäevaga märgitud kaitsmispäeva Kaasani /27/. Mõningail andmeil määrati A. Petrov 1864. a. Kaasani ülikooli patoloogilise anatoomia erakorraliseks professorika Kaasani Meditsiiniseltsi esimehena on Petrov kui silmapaistev organisaator hoidnud kõrgel seltsi tegevust /20/.

Philipp Owsjannikow Peterburis. Konkurss, mille Peterburi Teaduste Akadeemia kuulutas mais 1860 vakantse füsiolooglaadjunkti koha täitmiseks, jäi tagajärjeta. 17. jaan. 1862. a. esitas bioloogiasektsioon sellele kohale kandidaadiks Philipp Owsjannikowi, Kaasani ülikooli korralise professori /28, 19, 29/. Balloteerimisel 31. jaan. 1862. a. anti Owsjannikowi poolt 13 häält, vastu üks. TA üldkogu kinnitas 2. märtsil samal aastal otsuse suure hääleteenamusega (poolt hääletas 28, vastu 2). Kaasani ülikooli nõukogu palus Teaduste Akadeemiat komandeerida prof. Ph. Owsjannikow üheks õppeaastaks õppetööle Kaasani. Taotlus rahuldati. Professor Owsjannikow asus Peterburi 1863. a. kevadsuvel. Mais 1863. a. valiti Ph. Owsjannikow erakorraliseks akadeemikuks ja aasta hiljem korraliseks (ordinarius) akadeemikuks füsioloogia kabineti. Seega sai Philipp Owsjannikow esimeseks selle teadusala esindajaks Peterburi Teaduste Akadeemias. Sügissemestril 1863. a. valiti Ph. Owsjannikow Peterburi ülikooli loomaaanatoomia ja -füsioloogia kateedri ja kabineti juhatajaks /18, 19, 25/. Ta oli esimene sellel kohal. 1863. a. ustaavi

järgi kuulus Peterburi ülikoolis füsioloogiateaduste kompleks füüsika-matemaatikateaduskonna distsipliinide hulka, täpsemalt loodusteaduste osakonda. Ph. Owsjannikow rajas seal ka esimese (oma teise) füsioloogialaboratooriumi. Füsioloogialaboratoorium (Tartus ja reas teistes ülikoolides Euroopa mandril vastavalt instituut, Inglismaal - departemant) oli paratamatult vajalik eksperimentaalse füsioloogia õpetamisel. Loengul näitas Owsjannikow loomkatseid, demonstreeris mikroskoopilisi preparaate. Sageli meenutatakse kuulsa füsioloogi A. Uhtomski sõnu: "... need loengud kulgesid suure edu ja isegi säraga" /25/. Nii Kaasanis kui ka Peterburis kogunes Owsjannikowi ümber andekaid noori, nende hulgas I. Pavlov (1870-1875). Üliõpilastena tegid Pavlov ja V. Veliki Owsjannikowi juures kaks eksperimentaalset uurimust /21/. Kateedris töötasid õppejõudude na E. Cyon ja N. Baxt, eksperimentaalse füsioloogia silmapaistvad esindajad. 1876. a. andis Owsjannikow I. Setšenovile õppetööst füsioloogiaosa, jättes endale anatoomia, histoloogia ja embrüoloogia kuni 1892. a-ni. Nagu märgitakse, luges Owsjannikow viimased kuus aastat tasuta.

Teaduste Akadeemias hakkas Philipp Owsjannikow energiliselt organiseerima füsioloogialaboratooriumi, seega oma kolmandat laboratooriumi. Akadeemia üldkogu oli selle asutamise otsustanud 1864. a., kuid edasiliikumine oli väga raske. Puudus kõige lihtsam sisustus ja igasugune võimalus katseloomade hoidmiseks. Kuni 1875. a-ni oli akadeemik Philipp Owsjannikow mitte ainult laboratooriumi juhataja, vaid ka airus kooresisuline kaastööline /25/. 1866. a. anti laboratooriumile kolm tuba akadeemia kõrvaltiivas. Majanduslikult jäi laboratoorium sõltuvusse TA anatoomiamuseumist, kuhu ta kuulus kuni 1879. a-ni. K. Lange kirjutab, et omaette majandades anti laboratooriumile 500 rbl. aastas, 1888. a. anti aparatuuri muretsemiseks ühekordselt 2000 rubla. 1889. aastast alates oli laboratooriumile määratud 2000 rbl. aastas, kuid akadeemik Owsjannikow oli suurtes raskustes teadusliku uurimistöö korraldamisega, sest sisseseadeid tuli uuendada ja mõnestki vajalikust pidi loobuma, nagu märgib K. Lange oma ülevaates /25/. Akadeemik Ph. Owsjannikow oli TA füsioloogialaboratooriumi juhataja 42 aastat. Tema teadusliku uurimistöö temaatikas kajastuvad füsioloogia arenguteed. Eksperimentaalse meetodi rakendamist füsioloogilises uurimistöös oli Owsjannikowil olnud võimalik tundma õppida Tartus professor Bidderi juures /13, 23, 24, 30/. Rajanud eksperimentaalse füsioloogi-

gia alused Kaasanis, järgnes sama Peterburis. Tema põhimõtteid väljendavad sõnad: "Füsioloogiat ilma katseteta ei saa lugeda." Üliõpilasi, anekaid entusiaste kaastöelistena kogunes talle nii Kaasanis kui Peterburis. Nende hulka kuulus mitmeid silmapaistvaid ja kuulsaid füsiolooge, nagu N. Kovalevski, V. Veliki, A. Kuljabko, I. Pavlov jpt. Teaduslik uurimistöö kuuges mitmes valdkonnas. Aju ja selle osade mikrostruktuuri uurimine, võrdleva füsioloogia ja embrüoloogia küsimused, mis moodustasid ühe osa Owsjannikowi töödest, olid suunatud funktsiooni, eriti närvimõjustuste selgitamisele elundite talitluses. Tehti kindlaks pidurdavad ja stimuleerivad närvikud süljenäärmetes. Intensiivne süljenõristus saadi vastuseks maosooleseina menhaanilisele ärritusele. Ka sümpaatikuse tsentraalse kõndi ärritusele järgnes süljenõristus. Füsioloogilise talitluse mõjustamisel ilmes antagonism sümpaatikuse ja p. vagus'e (parasümpaatikuse) ärritamisel, mida kirjeldati esmakordselt 1870-1871. a. töötas Ph. Owsjannikow C. Ludwigi juures Leipzgis. Ühiselt läbi viidud keerukate katsetega tegid nad kindlaks peamise vasomotoorse keskuse lokalisatsiooni piklik-ajus. Töö ilmus 1871. a. ja leidis üldise tunnustuse /31/.

Mitmeid küsimusi on Owsjannikow lahendanud üldise bioloogia valdkonnas, nagu jaanlussikeste hiilgamine, madalamate loomade närvisüsteemi ehitus. Owsjannikow uuris kalade arengut ja tal õnnestus sterleti marja viljastamine. Lääne-Euroopas tunti selle küsimuse vastu suurt huvi ning selle lahendamise eest määrati Owsjannikowile I järgu medal. Väga ajakohastena kõlavad tänapäeval Owsjannikowi sõnad: "Meie võime järved ja jõed täita mitmesuguste kaladega ja tunduvalt suurendada maitstva ja väärtusliku toidu hulka" /21/.

Philipp Owsjannikow oli tuliselt huvitatud evolutsiooni küsimustest. Peterburi jõudes kirjutas ta A. Butlerovile /21/ (tol ajal veel Kaasani ülikooli keemiaprofessor ja rektor) Peterburi teadlaste huvist Darwini õpetuse vastu. Akadeemikute ringis viidi uute ja uusimate teadusküsimuste arutlusi läbi osavõtjate kodudes järgemööda iga kahe nädala tagant. Sisesejuhatava teadusliku ettekande andis kutsuja, s.t. õhtu peremes. Ettekandele järgnesid mõttevahetused. Esinejaid akadeemikuid: H. Struve, C.E. Baer, kes rääkis Darwini teooriast ja inimese arengust, K.F. Kessler, Owsjannikow jt. Kooskäijaid oli ca 15 akadeemikut. Niisugused õhtud toimusid ka Peterburi ülikooli professoritel kahe nädala tagant. Esimesena esines D. Mendelejev, kes käsitles nafta ja naftasaaduste küsimust

Bakuus. Owsjannikow ülikooli õppejõuna võttis osa ka nendest õhtutest, seal oli kombeks ka kerge eine. Andmed õhtute kohta pärinevad Owsjannikowi kirjadedest Butlerovile /21/. Esitatu meenutab Tartu professorite tolleaegseid "dotsentide õhtuid" (osa Peterburis esinejaid olid Tartu ülikoolis omandatud koolinguga).

Ph. Owsjannikowi ühiskondliku suhtumise palet näitab tema igakülgne toetus hariduse olukorra parandamisele, olgu siis algharidus külalastele või naiste kõrgemad kursused. Pärast tööliste tulistamist 9. jaanuaril 1905 oli Owsjannikow ka üks esimesi Vene akadeemikuid, kes andis oma allkirja "343 protestile".

Tartu ülikool ei ole oma kasvandikku unustanud: akadeemik Philipp Owsjannikow valiti ülikooli auliikmeks 1902. a., mil tähistati ülikooli taasavamise sajandat aastapäeva /5/. Oma ~~alma mater~~'it õnnitles sel puhul ka tema endine kasvandik akadeemik Philipp Owsjannikow /6/: "Tartu endise kasvandikuna palun vastu võtta õnnitlused ja siirad soovid, et elaks tuline armastus teadusele, olles innustatud tema ideedest, et suhtumine õppivasse noorsoosse oleks südamlilik nii kui vanul, möödunud aegadel ..."

A l l i k a d. K i r j a n d u s

1. ENSV RAKA, f. 402, nim. 2, s. 18206, l. 19-20, 38.
2. ENSV RAKA, f. 402, nim. 2, s. 12483.
3. ENSV RAKA, f. 402, nim. 2, s. 18207, l. 89.
4. ENSV RAKA, f. 402, nim. 2, s. 18207, l. 98.
5. ENSV RAKA, f. 402, nim. 4, s. 1304, l. 153.
6. ENSV RAKA, f. 402, nim. 4, s. 1300, l. 302.
7. ENSV RAKA, f. 402, nim. 2, s. 18747, l. 4.
8. Donders F.C. Physiologie des Menschen / Aus dem holländischen übersetzt von Fr. Wilh. Theile. - Leipzig: Verlag S. Hirzel, 1856.
9. Funke O. Lehrbuch der Physiologie für akademische Vorlesungen. - Leipzig: Vlg Leopold Voss, 1855, I Bd.
10. Jacobowitsch N. De saliva. Diss. inaug. physiologica. Dorpati Livonorum, 1848. - 47 p.
11. Kalnia V. Akadeemik Philipp Owsjannikow ja Tartu ülikool. - Nõukogude Eesti Tervishoid, 1981, nr. 6, l. 430-432.
12. Kupffer C. De medullae spinalis texture in ranis. Diss. inaug. Dorpati Livonorum, 1854. - 59 p.

13. Käer-Kingisepp E. Friedrich Heinrich Bidder - füsioloogia korraline professor Tartu ülikoolis 1843-1869. - Rmt. Tartu ülikooli ajaloo küsimusi, 1983, XV, lk. 153.
14. Käer-Kingisepp E. Eksperimentaalne seedefüsioloogia Tartu ülikooli arstiteaduskonnas möödunud sajandi keskpaiku. - Nõukogude Eesti Tervishoid, 1983, nr. 1, lk. 44-51.
15. Ludwig C. Lehrbuch der Physiologie der Menschen. - Heidelberg: Vlg. C.F. Winter, 1852, I Bd.
16. Owsjannikow Ph. Disquisitiones microscopicae de medullae spinalis textura, imprimis in piscibus factitatae. Diss. inaug. Dorpati Livonorum, 1854. - 51 p.
17. Schilling E.G. De medullae spinalis textura, ratione imprimis habita originis, quae dicitur cerebralis nervorum spinalium. Diss. inaug. Dorpati Livonorum, 1852. - 63 p.
18. Батуев А.С. Физиологическая научная школа Ленинградского университета. - Физиол. ж. СССР, 1984, т. 70, № 10, с. 1353-1360.
19. Федорова-Грот А.К. О замещении адъюнктуры по физиологии в Петербургской Академии наук в 1860 г. - Физиол.ж. СССР, 1960, т. 46, № 5, с. 641-646.
20. Калнин В.В., Альбицкий В.Ю. Из истории связей Тартуского и Казанского университетов в области медицины в XIX и в начале XX столетий. - В кн.: Вопросы истории Тартуского университета. Тарту, 1979, т. IX, с. 3-16.
21. Кузьмин М.К. Академик Ф.В.Овсянников. - М.:Медгиз, 1963.
22. Кяэр-Кингисепп Э.Г. Исследования по физиологии пищеварения на кафедре физиологии Тартуского (с. Дерптского) университета середины XIX столетия. - Учен. зап. Тарт. ун-та, 1968, вып. 215, с. 45-61.
23. Кяэр-Кингисепп Э.Г. Развитие экспериментальных исследований в медицине и физиологии в Тартуском университете в первой половине XIX столетия. - Мат. VIII конф. по истории в Прибалтике. Тарту, 1970, с. 135-138.
24. Кяэр-Кингисепп Э.Г. Развитие экспериментальных исследований на кафедре физиологии в первой половине XIX столетия. - В кн.: Вопросы истории Тартуского университета. Тарту, 1977, т. VI, с. 3-14.
25. Ланге К.А. Институт физиологии им. И.П.Павлова. - Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1975.
26. Лебедев К.В., Волкова И.Н., Зефирова Л.Н. Из истории Казанской физиологической школы. - Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1978.

27. Петров Александр. К учению об уремии: Дис. ... д-ра мед. - Казань: Типография ун-та, 1862.
28. Райков Е.Б. Карл Бер. Его жизнь и труды. - М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1961, с. 267-335.
29. Терехов П.Г. Материалы к биографии академика Овсянникова. - Физиол. ж. СССР, 1956, т. 52, № 12, с. 1078-1080.
30. Хазанов А.Н. Почетный академик Ф.Биддер и Дерптская физиологическая школа. - В кн.: Из истории естествознания и техники Прибалтики. Рига, 1976, т. У, с. 68.
31. Чеснакова С.А. Карл Людвиг. - М.: Наука, 1973. - 255 с.

TARTU ÜLIKOOLI ARSTITEADUSKONNA KASVANDIKEST -
MAADEUURIJATEST

A. Jannus

Tartu ülikooli lõpetanud arstidest on mitmed läinud aja-
lukku tuntud maadeuurijatena. Paljud nendest võtsid maade-
uurimisekspeditsioonidest osa laevaarstidena ning kiindusid
reisidel bioloogiasse ja geograafiasse,

. Üheks kuulsamaks laevaarstiks oli kindlasti 1793. aastal Tartus sündinud Johann Friedrich Eschscholtz. Tartu üli-
kooli arstiteaduskonna lõpetas ta 1815. aastal, mispeale hak-
kas kohe laevaarstiks ja võttis osa tallinlase Otto von Kot-
zebue esimesest ümbermaailmapurjetamisest. Reisil oli ühtla-
si teadusliku ekspeditsiooni eesmärk. O. v. Kotzebue oli maa-
ilmakuulsa meresõitja, Tallinnas sündinud Adam von Krusen-
sterni õpilane. Sellel reisil sai Eschscholtzist imukas loo-
duseuurija. Ta uuris põhjalikumalt tundma Lõunamere loomi ja
taimi. Huvitavad olid tema uurimiste tulemused korallsaarte
tekkimisest, millises ulatuses seda polnud varem keegi tei-
nud. Samal ekspeditsioonil uuriti Beringi väina, kus ühele
avastatud lahtedest anti Eschscholtzi nimi. Edasi sõideti Ca-
liforniasse ja külastati siis veel noort ja väikest San-
Franciscot, kus botaanilisi uurimisi viis Eschscholtz läbi koos
juba siis rahvusvaheliselt tuntud saksa botaaniku A. Chamis-
soga. Viimane andis Eschscholtzi auks Californias nende poolt
põhjalikult uuritud ühele mooniliste liiki kuuluvale õistai-
mele - kalifornia moonile (California poppy) teadusliku ni-
metuse - Eschscholtzia. See lill õitseb peamiselt kevadel ja
oma kuld kollase värvi tõttu andis California rannikule päi-
keselise hiilguse. Kohapeal tuntakse seda lille Golden Poppy
nime all. Kalifornia osariigi seadusandlus omistas 1903. aastal
Eschscholtzia californica'le osariigi lille sümbolise tä-
henduse. Eschscholtz avaldas oma uurimiste põhjal rohkesti
publikatsioone. Üheks suuremaks oli tema koostatud karikloo-
made süsteemi käsitlev atlas. Eschscholtz suri 1831. a. tüü-
fusse ja on maetud Tartu Vana-Jaani kalmistule. Tema haua-
künkale toimetati California kuldseid moonid. Olgu märgitud,

et Eschscholtzi teistkordsest ümbermaailmapurjetamisest võt-
tis osa ka tulevane kuulus füüsik Tartust Emil Lentz /5, 7/.

Järgmiseks arstist maadeuurijaks oli 1802. aastal taas-
avatud Tartu ülikooli esimese rektori George Frederic Par-
roti poeg Jean-Jacques Wilhelm Parrot. Pärast Tartu ülikooli
arstiteaduskonna lõpetamist 1814. aastal kaitses ta doktori-
väitekirja. Hiljem, juba saksapärase nime all Johann Jacob
Friedrich Wilhelm Parrotina sai ta rahvusvaheliselt kuulsaks
alpinistina. Tema esimeseks saavutuseks sel alal oli 1817
aastal Püreneeades sealse kõrguselt teise tipu Maladetta
(3365 m) vallutamine. 1821. aastal valiti noor Parrot Tartu
ülikooli füsioloogiaprofessoriks, kuid juba 1826. aastal läks
ta üle teda enam huvitavale füüsikaprofessuurile. Parroti
järgmiseks eesmärgiks oli vallutada Ararat. Seda ekspeditsi-
ooni juhtis ta 1829. aastal. Ararati lähedal ühines ekspedit-
siooniga armeenia luuletaja Hatšatur Abovjan, kes selle tut-
vuse põhjal siirdus õppima Tartu ülikooli. Abovjan valdas ka
tatari ja pärsia keelt, mistõttu osutus kohalike elanike väe-
nulikkuse tõttu ekspeditsiooni läbiviimisel peaaegu asenda-
matuks. Kolmandal katsel, 27. septembril 1829. aastal jõudis
Parrot koos Abovjani ja nelja meeskonnaliikmega seni vallu-
tamatuks peetud 5156 m kõrguse Suure Ararati tippu. Aastail
1831-1833 oli Parrot-junior Tartu ülikooli rektoriks, kelle-
na kirjutas alla ka F. R. Kreutzwaldi arstiteaduskonna lõpu-
diplomile. Vene alpinismi rajaja Friedrich Parrot suri 1841.
aastal ja on maetud Raadi kalmistule Tartus /6, 7, 11/.

Parrotist veidi noorem kaasaegne Alexander von Bunge
(1803 - 1890) kujunes uurijaks, kelle huvi keskendus suurelt
osalt mägedele ja orgudele seoses nende botaanikaga. Ta lõ-
petas Tartu ülikooli arstiteaduskonna 1825. aastal. Vahetult
pärast ülikooli lõpetamist avanes tal suurepärase võimalus
uurida loodust Tartu botaaniku prof. K. F. Ledebouri ekspedit-
sioonis Kirgiisia steppides ja Altai mäestikis, hiljem Bai-
kali järve ümbruses, Gobi kõrbes ning mujal. 1835. aastal
oli ta Tartu ülikooli botaanikaproffessor ja Tartu botaanika
direktor. Ulatuslikult uuris Bunge Eestimaa ja kogu Baltiku-
mi taimestikku. Ta koostas herbaariumi, mis sisaldas 33 000
taimeliiki. Bunge suri 1890. aastal ja on maetud Tartusse
Raadi kalmistule /7/.

Kesk-Aasia botaanika selgitamist jätkas paarkümmend aas-
tat hiljem Julius Stubendorff (1811-1878). Ta lõpetas Tartu
ülikooli arstina 1836. aastal. Oma botaanilised uurimisrei-

sid sooritas Stubendorff eeskätt Sajaani mägedes, Siberis ja Mongoolias, Kamtšetkal ning Sahhalini saarel /4, 7/.

Tartu ülikooli arstiteaduskonna lõpetanutest Michail Albrecht uuris taimestikku Jaapani mere äärsel Aasia rannikul ja Heinrich Weyrich Amuuri suudme-alal ning Sahhalini saarel /7/.

Maailmakuulsatena on läinud ajalukku Tartu ülikooli kasvandikud arstid - inimese munaraku avastaja Karl Ernst von Baer (1792 - 1876) ja Alexander Theodor von Middendorff (1815-1894). Nende suuri teeneid maadeuurijatena saab piiratud ruumi tõttu ainult põgusalt käsitleda /8, 9/.

Pärast ülikooli lõpetamist, viibides Viinis, kohtas Baer oma sõpra ülikoolipäevilt Friedrich Parrot juuniori, kes äratas Baeris huvi mäeronimise ja maailmarändude vastu. Eriti kiindus Baer rändudesse polaarmaile. Esimeseks objektiks sai Põhja-Jäämeres asuv Novaja Zemlja, kuhu ta jõudis kaaslastega 1837. aastal pärast suuri raskusi. Seal tegi Baer geoloogilisi, meteoroloogilisi, botaanilisi ja zooloogilisi uuringuid. Oma teise ulatuslikuma ekspeditsiooni võttis ta ette 1840. aastal Lapimaale, kus uuris selgrootuid. Selles ekspeditsioonis osales ka professor A. Middendorff. Ekspeditsiooni käigus läksid teadlaste teed lahku. Baer purjetas Muurmani kaudu Arhangelskisse, Middendorff aga liikus läbi Koola poolsaare, kus uuris kopraid, põhjapõtru ja linde /3, 6, 8/.

Väga põhjalikult uuris Baer Eesti veekogusid, eeskätt Peipsi järve. Teda huvitas meie veekogude kalade liigitus ja kalavarude vähenemise põhjused /3/.

Ei saa märkimata jätta Baeri geograafilist seadust meridiaaniga samas suunas voolavate jõgede kallaste erineva geograafilise iseloomu kohta põhja- ja lõunapoolkeral /2/.

Baer jätkas oma arvukaid kaugeid ekspeditsioone kõrge eani. Näiteks veel 70-aastasena reisis ta Aasovi merele, et uurida selle mere aeglaselt madalaks mineku põhjusi. Oma viimased eluaastad veetis Baer Tartus, mil tegeles järjekindlalt geograafiliste küsimustega, siis aga juba teoreetiliselt. Baer pani aluse Vene Geograafia Seltsile. Ta oli paljude maade maateaduslike seltside auliikmeks. Pärast Baeri surma laekus tema mälestussamba püstitamiseks raha peale Eesti Inglise- maalt, Rootsist, Ameerika Ühendriikidest, Venemaalt, Belgiast, Taanist ja Türgist, kokku 22.000 kuldrubla. Baeri mälestussammas asub Tartus Toomenäel. Maetud on ta Raadi kalmistule /1, 2, 3/.

Teine maailmakuulus Eestist pärinev arst-maadaurija oli Alexander Middendorff, kes Tartu ülikooli arstiteaduskonna lõpetas 1837. aastal. Arstiteaduse kõrval hakkas teda huvitama zooloogia. Ka see teadusharu eeldas reisimist, mis Middendorffile oli eriti meeltnööda. Ta seeritas ulatuslikke ja ohtlikke ekspeditsioone Siberi Ida-aladele, kus tegi põhjapanevaid uurimisi sealses botaanikas ja zooloogias. Kirjeldades esmakordselt üle kümne taime ja kuuteistkümne looma, sidus ta need oma nimega. Ka üks Kaug-Idas levinenu- maid kaski on tema nimeline - Betula Middendorffii /4, 10/.

Middendorffil võttis oma ekspeditsioonidelt kaasatoo- dud materjalide läbitöötamine aega kümmeid aastaid. Ulatus- likum teos "Reisid Siberi Põhja- ja Ida-aladele" ilmus nel- jaköitelisena. Neljanda köite koostas Middendorff alles siis, kui oli asunud elama oma mõisa Hellenurmes, ja see ilmus trükist 1875. a. Hellenurme jäigi tema viimseks kodupaigaks, seal ta suri 1894. a. ning sinna on ta ka maetud. Akadeemik Middendorffi nimega on seotud mitmed geograafilised punktid, nagu Middendorffi neem Novaja Zemlja põhjakaldal, Middendorff- i liustik Franz Josephi maal, Middendorffi Laht Taimõri poolsaarel jt. Venemaa hindas Middendorffi teeneid kõrgelt. Tsaar Aleksander II tõstis ta aadliseisusse ja talle omis- tati salanõuniku kõrge tiitel /10/.

Tartuga seotud ümbermaailmasõitjatest on oma nime kin- nistanud maailmakaardile kõige rohkem parun Ferdinand von Wrangel, kes 1819/20 õppis Tartus professor F. W. Struve juu- res astronoomiat, professor Parroti juures füüsikat ja pro- fessor M. Engelhardti juures mineraloogiat. Tema kuulsast Ida-Siberi ekspeditsioonist võttis osa Tartu ülikooli ar- stiteaduskonna lõpetanud Erich Kyber (1794 - 1855), kes oli Wrangelile sellel raskel retkel arstina suureks toeks. Ky- beri auks andis Wrangel ühele kõrgele kaljule nimeks Kyberi neem /7/.

Ka Alexander von Bunge pojast, Alexander von Bunge juu- niorist kujunes välja nimekas polaaruriija. Ta õppis Tartu ülikoolis arstiteaduskonnas, mille lõpetas 1875. aastal. Koos parun Eduard Tolliga, kes samuti oli õppinud Tartus arsti- teadust, kuid lõpetanud ülikooli loodusteadlasena, külasta- sid nad aastatel 1885-86 esimeste loodusteadlastena Uus-Si- beri saari. Üks osa neist saartest kannab tänapäeval Bunge nime. Kivistunud loomajäänuste põhjal tegid nad kindlaks, et Uus-Siberi saartel on kunagi elanud saamat, niisavarvik ja

hobune. Muide, Bunge ja Tollil oli olnud võimalus proovida ka igijääst leitud mammutiliha, millest valmistasid maitsva roa. Bunge tegi kaugelid ja pikaajalisi polaar ekspeditsioone korduvalt, olles mitmel korral ekspeditsioonijuhiks. Loodus-teaduslike publikatsioonide kõrval avaldas ta ka meditsiinilisi artikleid. A. Bunge juu. suri 1930. aastal Tallinnas /7. 9/.

Eestimaalt pärinenud Tartu ülikooli lõpetanud arstid osalesid maadeurijatena paljudes ekspeditsioonides täpselt sada aastat. Ekspeditsioonide käigus kujunesid neist laevaarsti ameti kõrval välja aktiivsed loodusuurijad. Pole kahtlust, et säärased reisirid olid sageli väga eluohtlikud, mistõttu nõudsid julgust, suuri teadmisi ja meresõidukogemusi. Esimeseks julgeks laevaarstiks, peamiselt küll reisijana, oli meditsiinidoktor Karl Espenberg, kes sündis Virumaal Hõbeda mõisas, kuid ainukesena siin käsitletud arstidest lõpetas arstiteaduskonna mitte Tartus, vaid Erlangeni ülikoolis Sakamaal. Laevaarstina võttis ta 1803. - 1806. aastal osa kuulsa meresõitja tallinlase Adam von Krusensterni ümbermaailmapurjetamisest /4. 10/.

Nüüd lõpetas selle kuulsusrikka arstide-maadeurijate traditsiooni dr. med. Hermann Walter, kes oli lõpetanud Tartu ülikooli arstiteaduskonna 1891. aastal. Tema elutee lõppes Uus-Siberi saartel, kus ta oli laevaarstiks E. Tolli juhitud Arktika-ekspeditsioonis. Sel ekspeditsioonil hukkus Sannikovi maad otsiv Eduard von Toll ka ise. Kui Espenberg ja Krusenstern lõpetasid oma uurimisreisid õnnelikult, siis Walter ja Toll tõid ekspeditsioonidele ohvriks oma elu /7/.

Toodud äärmiselt koondatud andmete põhjal selgub, et Tartu ülikooli arstiteaduskonna kasvandike seas on olnud mehi, kes andsid uurijatena maailma geograafia ajalukku hindamatu panuse, vist rohkem kui selles valdkonnas ükski teine ülikool maailmas.

K i r j a n d u s

1. Eilart J. Eestist pärit maailmakuulus akadeemik. - Eesti Loodus, 1965, nr. 4, lk. 226-229.
2. Eilart J. K. E. Baerist ja Baeri seadusest. - Eesti Loodus, 1967, nr. 1, lk. 49-50.
3. Kaavere V. Eestimaa suurim loodusteadlane. - Eesti Loodus, 1967, nr. 1, lk. 3-7.

4. Kaavere V. Eestiga seotud isikute nimesid maailmakaardil. - Eesti Loodus, 1968, nr. 3, lk. 169-171.
5. Kaavere V. Johann Friedrich Eschscholtz. - Eesti Loodus, 1968, nr. 11, lk. 659-663.
6. Kudu E. G.F. Parrot ja F. Parrot. - Eesti Loodus, 1971, nr. 11, lk. 649-651.
7. Käbin I. Maal ja merel. Lund, 1972. - 104 lk.
8. Passetski V. Baeri polaarreisid. - Eesti Loodus, 1967, nr. 1, lk. 45-48.
9. Passetski V. Eestist pärit Arktika-uurijad. Tln., 1970. - 350 lk.
10. Raik K. Tartu ülikooli loodusteadlased ümbermaailmareisidel. - Edasi, 1984, 24. mai.
11. Ääremaa K., Würost P. J.J.W.F. Parrot 1791 - 1841. - Eesti Loodus, 1971, nr. 11, lk. 646-649.

TARTU ÜLIKOOL, BAERI PARADIGMA NING SELLEGA
SEOTUD TEADUSDISKUSSIOONIDEST

M. Rimmel

Hiljuti ilmunud Tartu ülikooli ajaloo käsitlest, mis on kirjutatud põhiliselt kateedrite teadustöö piire järgides, ei ilmne Tartu ülikooli eriline kaal nüüdisembrüoloogia kujunemisel /56, 95/. Selgemini nähtub see üldisel bioloogia ajaloo käsitlel; nimelt ollakse seisukohal, et "embrüoloogia arenes iseseisvaks bioloogiaharuks tänu Panderi, Baeri, Rathke ja Rusconi töödele" /94, lk. 165/. Neist kolm - C.Pander, K. Baer ja H. Rathke - on Tartu ülikooli kasvandikud või õppejõud. Niisiis on nüüdisembrüoloogia kujunemisloo juured küllalt sügaval Tartu ülikooli ajaloos. Kujunenud mõttetraditsioonide tõttu on nad ainult sama selgelt esile toomata jäänud kui näiteks Tartu ülikooli osa möödunud sajandi astronoomia kujunemises.

XIX sajandi Tartus tehti tegelikult olulisi embrüoloogilisi uuringuid. Tuleb arvata, et Tartu ülikool kujunes Baeri uurimisprogrammi arendavaks teaduskeskuseks, selle uurimisprogrammi teatavaks infokeskuseks Baeri enda otsesel toimeel. 1827. a. seisis päevakorral küsimus Baeri tulekust Tartu ülikooli füsioloogia, patoloogia ja semiootika professori kohale /93/. Pärast Baeri keeldumist asus selele kohale H. Rathke, kes töötas Tartus 1828-1835. a. /56/. Juba Danzigis töötades oli Rathke Baeriga kirjavahetuses /70/, Danzigist siirdus ta Baeri kolleegiks Königsbergi ülikooli ning sealt edasi Tartusse. Baeri osa Rathke Tartusse tulekul ning seega Tartus embrüoloogiliste uuringute alustamisel on ilme, kuigi seda fakti võiks täpsustada põhjalikumate uuringutega. Konkreetuuringute vallas oli Rathke ja Baeri uurimistöö paralleelne, temaatiliselt lähedane või isegi kattuv (selgroogsete ja selgrootute embrüonaalse arengu erinevuste täpne kirjeldamine, kõrgemate selgroogsete embrüonaalsete lõpuspilude avastamine jm.) /20, 71/. Konkreetuuringute mahult edestas eluast ajaks embrüoloogiks jäänud Rathke Baeri /30 - 40/, kuid teoreetilistes üldistustes saavutas Rathkest olulisemaid tulemusi Baer /51, 94/. Seepärast peetaksegi nüüdisembrüolo-

gia aluste rajajaks Baeri, mitte Rathket.

Teatavasti uuriti enne Panderi, Baeri ja Rathke töid embrüoloogias põhiliselt morfogeneesi hilisemaid avaldusi, embrüonaalse arengu algetapid olid peaaegu tundmatud, parallelismiteooria mõjul püsis vaade embrüonaalsest arengust kui taliskasvanutunnuste metamorfoosist /64/. Erandiks olid epigeenetiku C.F. Wolffi töö /88, 101/. Pander ja Baer, kes Wolffi uurimissuunda oluliselt süvendades rajasid lootelehtede teooria alused, muutsid põhimõtteliselt embrüoloogiliste uurimisprogrammide olemust bioloogias: nendest alates muutus endastmõistetavaks, et süstemaatilisi embrüoloogilisi uuringuid tuleb alustada embrüonaalse arengu algmomentidest (lõigustumine, gastrulatsioon, lootelehtede teke ja nende edasine diferentseerumine) /2, 29, 49, 68, 71, 88, 90, 92/. Kuid lootelehtede teooria side Tartu ülikooliga ei taandu sellele, et teooria loodi Tartu ülikooli kasvandike poolt.* Tartus töötav H. Rathke laiendas lootelehtede teooriat selgroogseilt selgrootuile /20, 30, 94/.

Aastail 1843-53 töötas Tartu ülikoolis ka lootelehtede teooria põhiline oponent K. Reichert, kelle mõned seisukohad olid aga ebakorrektsed /68, lk. 296; 94, lk. 171/. Reichert oli olnud lühemat aega Baeri õpilane Königsbergis /70/. Nii siis võtsid nüüdisembrüoloogia kujunemisloo esimesest tõsisemast teaduslikust diskussioonist osa Tartu ja Königsbergi ülikoolides töötanud või õppinud embrüoloogid, Baeriga isiklikes kontaktides olnud teadlased. Et Baer arenevad ja lootelehtede teooria kasuks lõppenud diskussiooni tähelepanelikult jälgis, seda tunnistab Tartu Riiklikus Ülikoolis säilitatava Baeri raamatukogu seisund /26/: Rathke ja Reicherti töodes on rohkesti Baeri tehtud märkusi /30 - 44/.

*Uurimist vääriks, oli see juhuslik kokkusattumus, Baeri-Döllingeri-Panderi suhtluseoste tagajärg, või said Pander ja Baer Tartu ülikoolis erilisi teadmisi (sealhulgas matemaatikas), mis andsid neile Saksamaal õppinutega eelise oma loomult topoloogilise embrüoloogilise fundamentaalprobleemi lahendamiseks (vrd. /66, lk. 44/).

On põhjust arvata, et olulist osa mängis ka Tartu ülikooli rektori G. Parroti üldise kultuuriorientatsiooni mõju Baeri ja Panderi vaartushoiakutele (vrd. /70/). See tingis Baeri ja Panderi soodsamad hoiakud paradigmade suhtes, mille esindajad töötasid Venemaal või Prantsusmaal: nimelt mõjutasid C.F. Wolffi (Peterburgi Teaduste Akadeemia) ja G. Cuvier' (Pariisi Teaduste Akadeemia) vaadetesüsteemid oluliselt Baeri paradigma loogilist struktuuri /45, 49, 51, 61, 64, 73, 75-77, 81, 82, 98, 108, 109/.

1844-1856. a. töötas Tartus ka E. Grube, kes oli olnud Baeri õpilane Königsbergis. Grube kutsuti Tartu ülikooli zooloogiakateedri esimeseks professoriks Baeri soovitusel /17, 66/, ka selles võib näha Baeri taotlust toetada embrüoloogia arengut Tartus. Embrüoloogina oli Grube produktiivne nagu Rathkegi, talt ilmus klassikalisi töid rõngusside (Annelida) embrüoloogiast, anatoomiast ja süstemaatikast /68/. Märkimisväärne, et Grube kuulus spiraalse lõigustumise esimeste uurijate hulka, spiraalse lõigustumise sugavamast teoreetilist analüüsi on alustatud aga alles viimaste aastakümnete teoreetilises bioloogias. Niisiis on ka E. Grube tegevus Tartu ülikoolis tõsisemat teadusajaloolist uurimist vääriv objekt.

Kuna Baeri embrüoloogiliste tööde fundamentaalne mõju avaldus esialgu valdavalt saksa bioloogias, Tartu ülikoolil olid aga tihedad teaduskontaktid Saksamaaga, tuleb peale otsuste Baeri õpilaste või kolleegide tegevuse uurida ka Baeri mõju kaudseid mõjusid embrüoloogia arengule Tartus. Eeskätt tuleb siin arvesse tookordse saksa bioloogia ühe võimsama koolkonna - J. Mülleri ja ta õpilaste mõju Baeri paradigma arengule. See on keeruline ja vastuoluline küsimus, kuna J. Mülleri õpilaste hulka kuulus selliseid Baeri ja darvinismi suhete retseptiooni mõjustanud teadlasi nagu E. Haeckel, M. Schleiden, E. Du Bois-Reymond, R. Virchow, R. Remak. Tartu ülikooli õppejõududest oli lühikest aega Berliinis J. Mülleri laboratooriumis töötanud Tartu ülikooli füsioloogiakoolkonna juht P.H. Bidder /1, 21, 56/.

Tartus alustasid Bidder ja ta õpilased selgroogsete närvisüsteemi embrüogeneesi ning talitluse uurimist /56/. Teemaatilisel suunitlusel moodustab see originaalse ühisosa Baeri ja Mülleri uurimissuundadest: Baer rajas selgroogsete närvisüsteemi süstemaatilise uurimise alused /71/, Mülleri eksperimentaalsete uurimuste põhiosa oli aga suunatud selgroogsete närvisüsteemi talitluste selgitamisele /11/. J. Müller valis oma füsioloogiliste uuringute objektiks konna, mida varem füsioloogias sel määral polenud kasutatud; konna füsioloogiat hakati uurima ka Bidderi koolkonnas. Mülleri embrüoloogilisi uurimisobjekte (süstikkala ja okasnahkseid) Bidderi koolkonnas ei uuritud. Selline teadustemaatika ja uurimisobjektide valik läi eeldused, mille tõttu Bidderi koolkonna esindajate embrüoloogilised konkreetuuringud jäid Baeri paradigma lähtevariandile omaste konkreetuuringute pii-

ridesse (selgroogsete elundsüsteemide, eriti närvisüsteemi, embrüogenees).

Bidderi sügavast austusest Baeri kui teaduse suurkuju vastu kõneleb ta hool Baeri postuumsel austamisel: ta oli üks neid Tartu teadlasi, kes süstemaatiliselt Baerile mälestuskõnesid pidas /5 - 10/.

Tolle perioodi Tartu embrüoloogidest käsitles Baeri kui teadlase, eriti just embrüoloogi ja embrüoloogiaajaloolase tegevust ka L. Stieda /53 - 55/.

Bidderi õpilastest tegi embrüoloogina endale nime K. Kupffer /66/, kes töötas Tartu ülikoolis 1855-65. Tartus tegeles ta Bidderi koolkonna ühe põhilise uurimisobjekti - selgroogsete närvisüsteemi histofüsioloogia ja embrüogeneesiga. Seega arenesid Bidderi koolkonnas tehtavad embrüoloogilised konkreetuuringud Baeri uurimissuunda järgides. Baer oli (põhiliselt kanapoja materjalil) selgitanud selgroogsete närvisüsteemi embrüogeneesi algetappide olemuse: ektodermi kui närvisüsteemi algeks oleva lootelehe eristumise, kesknärvisüsteemi algeks saava ajutoru tekke, pea- ja seljaaju eristumise, peaaju põhiosa algete tekke jne. /2, 68, 71/. Ühtlasi suunas Baer uurimisprogrammi närvisüsteemi embrüogeneesi süvendatud uurimisele /71, lk. 56 jt./.

Selgroogsete embrüogeneesi hakkas uurima ka 1898 - 1902 Tartu ülikoolis töötnud A. Severtsov, kes pärast Tartust lahkumist rajas NSV Liidus väga mõjusa füleembrüogeneesiteooria ja kuulsa Severtsovi koolkonna /110 - 112/. Severtsov on üks neid väheseid teadlasi, kes on spetsiaalselt uurinud Baeri seaduste ja evolutsiooniteooria suhteid /110 - 112/. Severtsovi analüüsi põhjal on selgunud, et Darwini paradigma ei tõlgenud Baeri seadusi, Baeri paradigma evolutsiooniline areng jätkus alles füleembrüogeneesiteoorias (vrd. /15, 25, 64/). Sünteetilise evolutsiooniteooria nime all tuntud darvinismi variandis uuritakse mikroevolutsiooni Baeri paradigmat arvestamata, isegi tundmata /15, 61/. Niisiis ulatuvad Baeri paradigma probleemid möödunud sajandi teadusdiskussioonidest nüüdisaegsete teoreetiliste kontseptsioonideni ja probleem-situatsioonideni (küsimus, miks evolutsiooniteooria erinevad osad on Baeri seadustega erinevalt seotud).

Ajalukku tagasi pöördudes tuleb tõdeda, et Rathke, Reicherti, Grube, Kupfferi, Bidderi, Stieda, Severtsovi jt teaduskommunikatsioonide põhjal selgub, et Baeri koolkond ei ek-sisteerinud üksnes ideaalses plaanis, ühtsete loogiliste idee-

de kogumina, vaid täiesti konkreetsetes, traditsioonilises mõttes (vrd. /73/).

Lõssenkismi ajal toimunud diskussioonides, mis kanoniseerisid algdarvinismi, minetati see Severtsovi seisukoht, et erinevalt algdarvinismist lähtub fülembriogeneesiteooria Baeri seadustest /102; vrd. 19, 103, 114/. Niivõrd põhimõttelise tähendusega teadusinformatsiooni kadu soodustas üks varasem, Baeri paradigma suhtes sama basoodsalt lõppenud teadusdiskussioon, milles osalesid ka Tartu ülikooliga seotud embrüoloogid, kaasa arvatud Baer ise. Küsimus on Baeri, A. Kovalevski ja K. Kupfferi embrüoloogiliste avastuste suhestamisest omavahel, G. Cuvier' taksonoomilise paradigমা ja Ch. Darwini evolutsioonilise paradigমা. Loogiliselt on see 1830. a. Pariisis toimunud nn. sajandi diskussiooni jätkuks: viimases osalesid süstemaatikasse hõimkondade mõiste toonud Cuvier ja kogu loomariigi ühtset ehitusplaani pooldavad (seega hõimkondade olemasolu eitavad) bioloogid /94/. Baer näitas, et hõimkondade bioloogiliseks tunnuseks on nende embrüogeneetilised erinevused /2, 107/. Baeri tööde mõjul alustati bioloogias kõrgtaksonite embrüoloogiliste tunnuste analüüsi. Uued embrüoloogilised avastused viisid Cuvier' määratud hõimkonnapiiride muutmiseni. On selge, et see ei tähendanud Cuvier'-Baeri hõimkondade teooria teaduslikku kukutamist, vaid hoopis süvendatud edasiarendamist. Baeriga vaenujalale sattunud E. Haeckeli initsiatiivil /89, 90/ moenutati aga selle teaduskonflikti olemust käsitav teave tundmatuseni (seepärast tulebki avada topoloogiline sarnasus E. Haeckeli /89, 90/, K. Timirjasevi /114/ ning nende Baeri-käsitlust järgivate autorite /19, 102/ töedes).

Cuvier' töödes käsitati mantelloomi liikude, mitte selgroogsete hõimkonna esindajana. Kovalevski ja Kupffer avastasid, et tegelikult kulgeb mantelloomad embrüonaalne areng lootelehtede moodustumise ning esimeste topoloogiliste teisenduste staadiumil analoogselt süstikkala omaga /22, 23/. Selle avastuse alusel ja kooskõlas Baeri paradigma nõuetega toodi mantelloomad liikude hõimkonnast selgroogsete hõimkonna (uues süstemaatilises lähenemises alamhõimkonna) juurde ning moodustati keelikloomade hõimkond (mis sai nime Baeri avastatud kogu rühmale omase embrüonaalse seljakeeliku e. chorda järgi). Baeri toetusel määrati Kovalevski avastusele Baeri preemia /103/. Niisama lahendati Baeri preemia saanud Kovalevski avastuse põhjal ja kooskõlas Baeri paradigma nõuete ning uurimis-

programmiga fundamentaalne makrosüsteematika probleem.

Kuid samal ajal ilmsid hoopis teises liinis nii teeravad loogilised konfliktid Baeri ja Darwini paradignade vahel, millest esialgu ei osatud teoreetilist väljapääsu leida (ilmselt suurelt osalt selle tõttu, et ühelt poolt puudusid objektiivsed andmed Darwini paradigma tegelike informatsiooniliste aluste kohta, teiselt poolt aga toimisid bioloogia jaoks pretsedenditud darvinismi sotsiaalpsühholoogilise võimendamise mehhanismid (vrd. /14, 89, 102, 114/).

Teaduse sotsiaalpsühholoogiliste kanalite kaudu lahendati see konflikt (E. Haeckeli suunamisel ning ajutises korras) Baeri vastu juhitud boikoti või põhjendamatu kallaletungide läbi /16, 57, 58, 89, 90, 97, 114/. Kuna küsimus kandus seega bioloogilise tunnetuse sfäärist hoopis teistesse valdkondadesse, bioloogia kujunemislugu ennast ei uuritud aga kuni viimase ajani ei sotsioloogiliselt ega metodoloogiliselt (vrd. /14, 97/), tekkis niivõrd paradoksaalne olukord, et Baeri paradigma sisulist triumfi hakati käsitlema ta kaotusena; see tähendas, et kuigi paradigma areng jätkus, hakati seda arengut käsitama hoopiski mitte Baeri paradigma arenguna, Baeri nimi unustati. Näiteks ei teadnud 1979. a. toimunud loomariigi hõimkondade problemaatikat käsitleva rahvusvahelise kongressi ettekannete autoreist keegi, et kongressil esitatud kõik embrüoloogilised hõimkonna-probleemide uuringud lähtuvad Baerist. Mõnede autorite ettekannetes vihjati anonüümselt, et nende uurimisprobleemid tõusid esmakordselt XIX saj. saksa teaduses, teised pidasid kohaseks viidata Haeckelile /28/. Kuivõrd hõimkondade teooria on nihkunud Cuvier' anatoomiliselt analüüsilt Baeri embrüoloogilisele hõimkonnatunnuste analüüsile, seda näitab see, et kõik Rooma kongressi ettekanded olid embrüoloogia vallast /28/.

Peatume nüüd selle kongressi kaugetel ja sotsiaalsest mälest osaliselt kustutatud eellugudel, mille tagapõhjaks on Tartu ülikooliga seotud bioloogia-ajaloo protsesside süsteematilise analüüsi puudumine.

Nii lootelehtede teooria kui ka embrüoloogiliste hõimkonnatunnuste kontseptsioon on Baeri paradigma loogilised osised /51, 71, 92, 107/. Baer jõudis neid protsesse (lootelehtede ja embrüoloogiliste hõimkonnatunnuste teket) kirjeldada suhteliselt vähestel loomarühmadel, põhiliselt selgroogsetel ja ülejäänud kolme Cuvier' tõlgenduses hõimkon-

naks peetud loomarühma esindajail. Rääkisin juba, kuidas hõimkonnatunnuste embrüoloogilisi uuringuid arendati Kovalevski ja Kupfferi töödes. Niisiis olid bioloogias eeldused Cuvieri- Baeri hõimkonnateooria e. tüüpide teooria rahulikuks arenguks.

Juba 1860. a. oli tugevasti Cuvier' tüüpide teooria vastu meelestatud Darwin isikliku kirjavahetuse kaudu Th. Huxley'lt teada saanud, et Baer on evolutsionist ning suhtub hästi ka "Liikide tekkesse" /64, 91/. Baeri tookordset erakordset teaduslikku autoriteeti arvestades leidis Darwin, et Baeri toetust oleks otstarbekas kasutada Darwini konfliktis Cuvier' pooldajatega /64, lk. 19 - 20; 91, lk. 133, 314 - 315/. Selline kava kätkes endas selget demagoogiat, kuna Baer ise oli Cuvier' kõrval üks tüüpide- e. hõimkonnateooria autoreid ning selle teoreetiliste aluste edasiarendajaid /51/. Raske uskuda, et Darwin seda üldse ei teadnud. Kuid võib-olla polnud ta bioloogias kujunenud keeruka informatsioonilise olukorraga niivõrd kursis, et mõista oma plaani tegelikku tähtsust.

Lähedased suhted Baeri paradigma arengulugu hästi tundva Th. Huxley'ga soodustasid seda, et Darwin hakkas oma varasema Baeri paradigmat vältiva hoiaku asemel /12, 13, 27, 64/ näitama asjatundlikkust Baeri paradigma arengu kõige helemates punktides, mis seostusid nihkega anatoomilisest Cuvier' paradigmat embrüoloogilisse Baeri paradigmasse (vrd. /24/). Kui juba 1828. a. loodud Baeri paradigma enne XIX saj. 60. aastaid Darwini töödessa praktiliselt ei jõudnudki /12, 13, 50, 112/, siis hiljem hakkas Darwin Baeri paradigma eesliinil arenevaid töid tsiteerima (just A. Kovalevskit /22/) kui oma teooriat toetavaid ja järelikult Cuvier' (aga seega sisuliselt ka Baeri) hõimkondade teooriat ümber lükkavaid /24, 94, vrd. 100, 114/. Samal ajal toimusid Inglismaal bioloogia ajaloos ennenähtamatud debadid Darwini paradigma ümber /14/. Baeri paradigma uurimise seisukohalt pakub suurt huvi, millised sotsiaalsühholoogilised ja sotsiaal-poliitilised mehhanismid löid teoreetilises mõttes arenguvõimelise hõimkonnateooria ümber äkki sellise, teaduse jaoks ebatavalisel viisil võimendatud pingete tsooni. Esiialgu tungiti kallale hõimkonnateooria ajalooliselt vanemale vormile - Cuvier' vaadetele. Baer astus Cuvier' paradigma teoreetilise sisu kaitseks välja küll akadeemilise prestiiži toel (kollektiivne protest, millele olid alla kirjutanud kolm Peterburi TA akadeemikut, nende seas Baer /72/), küll teadusloolise analüüsi varal (raamat Cuvier' teadustegevusest, mille alu-

seks oli 1869. a. Tartu ülikooli aulas peetud kõne /4/). Kuid rahvusvaheline teaduspinge süvenes /89, 114/. Cuvier' ja Baeri paradigmat kunstlik vastandamine Kovalevski ja Kupfferi tööde pinnal häiris Baeri tõsiselt, ta esines korrektse, kuid teoreetiliselt mitte just õnnestunud artikliga, kus väitis, et Kovalevski ja Kupfferi embrüoloogilisi avastusi tõlgendatakse Cuvier' tüüpide teooria (hõimkonnateooria algvariandi) vastu kõnelevate teadusfaktidena täiesti vääralt /3/; tegelikult, nagu eespool öeldud, andis embrüoloogia tõepoolest baasi Cuvier'-Baeri hõimkondade teooria algvariandi ületamiseks. Kuid Baer ei näinud mantelloomadega kohta avastatus püüvat põhjust hõimkondade piiride muutmiseks. 1866. aastast alates kirjutas Baer kriitilist uurimust ka Haeckeli darvinismikäsitlemise kohta, selgitades seejuures, milles seisnevad Baeri paradigma loogilised vastuolud darvinismiga /79, 81/. Isikliku kirjavehetuse (nimelt G. Seidlitzi) kaudu sai E. Haeckel andmeid Baeri hoiakute ning meeolude kohta /69/. Nagu Darwin nii muutis ka Haeckel nende teadete mõjul oma Baeri-käsitlemist: varasem suure teadlase seisukohti arvestav käsitluslaad asendus poleemilise teravuse ja publitsistliku retoorikaga, kusjuures Haeckel kinnitas otsesõnu: Haeckeli sõnastatud biogeneetiline reegel tõestab Baeri teoreetiliste vaadete kahtetuse /89, 90/. Nagu juba eespool öeldud, jätkasid nende väljaastumiste stilistikat ja eitavat hoiakut Baeri vaadetesüsteemi suhtes K. Timirjasev /114/ ning tema darvinismitõlgenduse vulgaarvarianti esindavad lõssenkestid /102/; seega ei mõjunud lõssenkest hävitavalt mitte üksnes geneetikale, vaid ka vene bioloogiasse juurdunud Baeri paradigmat. Tartu bioloogia ajaloo tuleb sellega arvestada.

Konfliktsituatsioonide ja Darwini, Haeckeli ning Timirjasevi populaarsuse mõjul kahanes "antidarvinist" Baeri prestiiž /58/ pärast Baeri surma küllalt kiiresti, igatahes teatab Haeckeli õpilane ning Baeri biograaf W. Haacke 1905. a., et "Baer on meest läinud" /16/.

Siiski, 1920. aastate nõukogude bioloogia areng näitab, et Baeri prestiiž ja ta uurimisprogrammide tõhus toetamine jätkusid-säilisid mõnedes lokaalsetes teaduskeskkondades, kus Baer oli töötanud, kus hoiakuid ei määranud mitte Haeckeli mürgised hinnangud, vaid elav mälestus Baeri tegeliku teadustöö sügavusest ning laiahaardelisusest. Üheks selliseks institutsiooniks kujunes Baeri initsiatiivil rajatud Vene Geograafia Selts Peterburis (eriti L. Bergi, I. Vernaadski jt.

informatsioonitegevus). Tartus ja Leningradis säilinud n-ö. suulise teadusinformatsiooni toimel kujunesid 1920. aastate nõukogude bioloogias ka tšokordsest Lääne traditsioonist erinevad hoiakud Baeri teadustöö suhtes.

Selle aja põhilised nõukogude autorite evolutsiooniteoreetilised tööd /67, 97, 110 - 113/ on tugevalt orienteeritud Baeri paradigma ühtedele või teistele aspektidele kas evolutsiooni mooduste (Severtsov, Berg, Sobolev) või ka tegurite (Berg, Ljubištšev) käsitlemisel. J. Filiptšenko hinnangu kohaselt moodustasid need tööd (Ljubištševi omad välja arvatud, mida Filiptšenko ei käsitlenud) 1920. aastate evolutsiooniteoreetilise mõtte dominandi nõukogude bioloogias /115/.

Tuleb lisada, et fülebrüogeneesiteooria kujul toimus Baeri paradigma evolutsiooniline arendus ka Lääne bioloogias /111/. Esimese tööna sellest vallast tuleb nimetada R. Chambersi 1844. a. anonüümselt ilmunud raamatut "Vestiges of the natural history of creation" /15/. Seega siis ei jõutud Baeri paradigma fülogeneetilise mõtestamiseni mitte üksnes väljaspool darvinismi /112/, vaid ka enne seda /15/. Seda tõsisemat teoreetilist mõtestamist vajab probleem, miks enamik darviniste boikoteerivad Baeri paradigmat ning genereerivad refleksioonianaalialiaid; miks nad propageerivad biogeneetilist reeglit, mis fülebrüogeneesiteooriaga võrreldes jääb tugevasti lihtsustatuks ning teadaolevaid embrüoloogilisi fakte ja kontseptsioone ignoreerivaks arengukäsitluseks (vrd. /19, 100/).

Selgub, et Tartu ülikooli ajaloo põgusalt käsitletud probleem embrüoloogia ajaloo Tartu ülikoolis, mis põhiosas taandub Baeri rajatud uurimisprogrammi arengutendentsidele, on teaduslooliselt väga tõsise kaaluga. See ei puuduta üksnes Tartu ülikooli ja viimase ajaloo uurituse taset, vaid embrüoloogia ajalugu palju laiemas plaanis; mitte üksnes embrüoloogia ajalugu, vaid ka evolutsiooniteooria ja makrosüsteemaaatika arengu probleeme; mitte üksnes mitmete bioloogia põhidistsipliinide (embrüoloogia, süsteemaaatika, evolutsiooniõpetus) tunnetusliku külje arengut, vaid ka sellega lahutamalt kaasnenud sotsiaalsühholoogilisi ja sotsioloogilisi protsesse /99/.

Kogu seda keerukat küsimustekompleksi teades ei saa kuidagi nõustuda H. Kallaku seisukohaga, et lõssenkiismi olevat vallandanud eeskätt sotsiaalmajanduslikud mehhanismid: "Tolle aja sotsiaalmajanduslikes tingimustes ei saanud auidugi

mõju avaldamata jätta Lõssenko soovitatud agrotehnilised võtted, mis lubasid lühikese aja jooksul ja väikeste kuludega tõsta järsult põllumajanduse taset" /19/. Asjaomastest tekstidest selgub, et reklaamviidana kasutati küll põllumajandusprobleeme, teadlaste silmis õigustati oma administratiivseid pretensioone siiski Timirjazevist lähtuva "õige" maailmavaatega, mille suhetest Baeri paradigmapool oli eespool juba juttu; selle "õige" maailmavaate teadusloolise põhjendatusest annab piisava ülevaate see, kui põhimõttelagedalt käsitleti lõssenkistlikel debattidel Baeri paradigma esindajate A. Severtsovi ja I. Schmalhauseni teaduslikke seisukohti /102/. L. Bergi, D. Sobolevi ja A. Ljubštševi Baeri paradigmat toetavad uurimissuunad olid seejuures juba varem ära reguleeritud.

Viimastel aastakümnetel on bioloogilises kirjanduses tekkinud soodsaid nihkeid, mis lubavad loota, et käesolevas artiklis kirjeldatud probleemid leiavad lähemas tulevikus ka teaduslike levivaadete korrektsamaid käsitlusi kui need, mis Haeckeli ja Timirjazevi tööde mõjul populaarseks said. Nimelt puudusid maailmakirjanduses peaaegu 1970. aastateni ülevaated Baeri-aegsest ja -järgsest embrüoloogiast, see soodustas segadust ka embrüoloogia ja evolutsiooniteooria suhte käsitluses, mida niigi ähmastas E. Haeckeli aksioloogilise-voluntaristliku tegevuse (lõssenkismi tüpoloogiline analoog Lääne bioloogias). Põhjalikumaks embrüoloogia ajaloo ülevaateks jäi pikemaks ajaks 1934. a. ilmunud J. Needhami töö /101/, mis piirdus aga üksnes ülevaatega Baeri-eelsest perioodist. Vene embrüoloogia ajaloo raames kirjeldas Wolffi, Tallinnas töötanud Trederni, Tartus õppinud või töötanud Panderi, Baeri ja Grube, Soomes sündinud ja Rathkega kontakteerunud A. Nordmanni, Peterburis sündinud ja põhiliselt Itaalias töötanud A. Krohni ning Moskva ülikoolis töötanud N. Warneki embrüoloogilisi uurimusi 1955. a. ilmunud monograafias L. Bljacher /68/. 1961. a. esitas A. Gaissinovitš ühe Baeri vaheetu eellase - C.F. Wolffi - paradigma fundamentaalse analüüsi /88/. 1963. a. ilmus esimene ulatuslikum ontofüleetika ajaloo käsitlus E. Mirzozjanilt /100/. 1970. aastail ilmus aga mitmeid Baeri paradigma objektiivseks mõtestamiseks veelgi olulisemaid uurimusi. Nimetagem siin S. Løvtrup'i monograafilist ülevaadet Baeri-järgsest embrüoloogiast /25/; S.J. Gouldi monograafiat Baeri paradigma fülogeneetilisest tõlgendamisest /15/; 1979. a. Roomas toimunud makrosüsteemaaatika kongressi

materjale /28/; Eestist pärinevat uuringutesarja, mis pärast saja-aastast vaheaega (pärast tartlase G. Seidlitz'i bioloogilises literatuuris erandlikuks jäänud tööd /52/) andis nüüdisteadusloole nõuetele vastava süstemaatilise ülevaate Baeri ja Darwini paradigmat kontseptuaalsetest ja informatsioonilistest suhetest /26, 45 - 50, 57 - 65, 73 - 87, 104 - 109/; Baeri paradigma analüüsi seisukohalt väga oluliseks on ka Tartu ülikooli kui Baeriga seotud teaduskeskuse ajaloo süvendatud ning süstemaatilised uuringud /56, 95/. Lõpuks ei tohi unustada sedagi, et 1970. aastail rajati Eestis rahvusvaheliselt arvestatava Baeri uurimise keskuse alused /93, lk. 5/, samuti spetsiaalne Baerile pühendatud trükis ("Folia Baeriana"). Kõik see on tõhusaks eelduseks, et 1992. a. (loodetavasti rahvusvaheliselt) tähistatav Baeri juubel (vrd. 1976. a. Baeri 100. surma-aastapäeva tähistamisega) on lõplikult vabanenud refleksioonianomaaliatest, mille jätsid Baeri tõlgendusse Haeckel ja Timirjazev.

Tuleb nentida, et koduloolis-konservatiivne Baeri-tõlgendus /18, 96/ ei vasta enam nüüdisaegsetele teadmistele Baeri paradigma funktsioonide kohta teoreetilises bioloogias. Rõhutada tuleb sedagi, et embrüoloogia ajalugu Tartu ülikoolis on üks neid mitmetel põhjustel sotsiaalsest mälust tugevasti tõrjutud fenomene, mille teadusajalooline rekonstruktsioon ning analüüs soodustab ka teoreetilise mõtte selgimist.

K i r j a n d u s

1. Album Academicum der Kaiserlichen Universität Dorpat. Dorpat, 1889. VIII + 1007 S.
2. Baer K. Über Entwicklungsgeschichte der Thiere. Beobachtung und Reflexion. Königsberg, 1828, Th. I. - XXII + 271 S.
3. Baer K. Entwickelt sich die Larve der einfachen Ascidien in der ersten Zeit nach dem Typus der Wirbelthiere? - Mém. Acad. SPb., 1873, sér. 19, N 8, S. 1-36.
4. Baer K. Lebensgeschichte Cuvier's. Braunschweig, 1897. - 125 S.
5. Bidder Fr. Nachruf. - In: Reden zum Gedächtnisse C.E. von Baer's, etc. Dorpat, 1876, S. 22-26.

6. Bidder Fr. Gedächtnissrede auf K.E. v. Baer. - Sitzungsberichte der Dorpater Naturforscher-Gesellschaft, 1881, Bd. 5, N 3, S. 298-300.
7. Bidder Fr. Gedächtnissrede auf K.E. v. Baer. - Ibid., 1882, N 1, S. 11-13.
8. Bidder Fr. Zur Erinnerung an K.E. v. Baer. - Ibid., 1883, Bd. 6, N 2, S. 251-253.
9. Bidder Fr. Gedächtnissrede auf K.E. v. Baer. - Ibid., 1885, Bd. 7, N 1, S. 20-25.
10. Bidder Fr. Gedächtnissrede auf K.E. v. Baer. - Ibid., 1886, Bd. 7, N 2, S. 283-285.
11. Biographien bedeutender Biologen / Hrsg. W. Plesse, D. Rux. Berlin, 1977. - 383 S.
12. Darwin Ch. On the origin of species by means of natural selection. A Facsimile 1st ed. Cambridge, 1964.
13. (Darwin Ch.) Charles Darwin's Natural Selection being the second part of his big species book written from 1856 to 1858 / Ed. by R.C. Stauffer. London, 1975.
14. Ellegård A. Darwin and the general reader: The reception of Darwin's theory of evolution in the British periodical press 1859-1872. - Gothenborg Studies in England, 1958, VIII, S. 64.
15. Gould S.J. Ontogeny and phylogeny. Cambridge-London, 1977. - XIV + 501 p.
16. Haacke W. Karl Ernst von Baer. Leipzig, 1905. - VII + 175 S.
17. Heidema A. Zoologia kateedri ja zooloogiamuseumi ajaloo loost. - Rmt.: Tartu ülikooli ajaloo küsimusi. Tartu, 1975, II, lk. 164-174.
18. Kaavere V. Baer ja Tartu ülikool. - Rmt.: Tartu ülikooli ajaloo küsimusi, Tartu, 1981, XI, lk. 123-129.
19. Kallak H.-H. Darwinism, selle eelkäijad ja edendajad. Tln., 1984. - 120 lk.
20. Käer-Kingisepp E., Pöldvere K. Martin Heinrich Rathke. - Rmt.: Tartu ülikooli ajaloo küsimusi. Tartu, 1975, III, lk. 3-8.
21. Käer-Kingisepp E. Friedrich Heinrich Bidder - füsioloogia korraline professor Tartu ülikoolis 1843-1869. - Rmt.: Tartu ülikooli ajaloo küsimusi. Tartu, 1983, XV, lk. 153-167.
22. Kowalewsky A. Entwicklungsgeschichte der Rippenqualien. - Mém. Acad. SPb., 1866.

23. Kupffer C. Die Stammverwandschaft zwischen Ascidien und Wirbelthieren. Bonn, 1870.
24. Lovejoy A. Recent criticism of the Darwinian theory of recapitulation: its grounds and its initiator. - In: Forerunners of Darwin: 1745 - 1859. Baltimore, 1959, p.438-458.
25. Løvtrup S. Epigenetics. A treatise on theoretical biology. London - New York - Sydney - Toronto, 1974.
26. Noodla K., Valt M. E Caroli Ernesti a Baer thesauro librorum de historia evolutionis scriptorum. - In: Folia Baeriana. Tln., 1976, II, lk. 46-67.
27. Oppenheimer J. An embryological enigma in the Origin of Species. - In: Forerunners of Darwin: 1745 - 1859. Baltimore, 1959, p. 292-322.
28. Origine dei grandi phyla dei Metazoi. Convegno internazionale. Roma, 7 - 9 maggio 1979. Roma, 1981.
29. Pander Ch. Beiträge zur Entwicklungsgeschichte des Hühnchens im Ei. Würzburg, 1817.
30. Rathke H. Untersuchungen ueber die Bildung und Entwicklung des Fluszkrebses. Leipzig, 1829. - 97 S. (Vi. 62/716)*.
31. Rathke H. Abhandlungen zur Bildungs- und Entwicklungsgeschichte der Menschen und der Thiere. Leipzig, 1832-33, Th. I. - 114 S; Th. II. - 102 S. (Ia. 34/34).
32. Rathke H. Entwicklungsgeschichte der Natter (Coluber natrix). Koenigsberg, 1839. - 232 S. (Vd. 4/541).
33. Rathke H. Beiträge zur vergleichenden Anatomie und Physiologie. Danzig, 1842. - 162 S. (Ia. 36/36).
34. Rathke H. De animalium crustaceorum generatione: Commentatio. Regiomonti, 1844. (Vi. 61/715).
35. Rathke H. Ueber die Entwicklung der Schildkröten. Braunschweig, 1848. - 267 S. (Vd. 5/542).
36. Rathke H. Untersuchungen über die Aortenwurzeln und die von Herz ausgehenden Arterien der Saurien. Wien, 1857. 94, 22 S. (Vd. 7/544).
37. Rathke H. Entwicklungsgeschichte der Wirbelthiere. Leipzig, 1861. - 201 S. (Va. 14/461).
38. Rathke H. Beiträge zur Entwicklungsgeschichte der Hirudinen. Leipzig, 1862. - 116 S. (Vk. 16/747).
39. Rathke H. Vorträge zur vergleichenden Anatomie der Wir-

* Sulgudes trükiste šifrid Baeri isiklikus raamatukogus /26/.

- belthiere. Leipzig, 1862. - 170 S. (Va. 15/462).
40. Rathke H. Untersuchungen über die Entwicklung und den Körperbau der Krokodile. Braunschweig, 1886. - 275 S. (Vd. 8/545).
 41. Reichert C. Vergleichende Entwicklungsgeschichte der Köpfe der nackten Amphibien nebst den Bildungsgesetzen der Wirbelthier-Köpfe. Königsberg, 1838. - 276 S. (VI. 61/934).
 42. Reichert K. Das Entwicklungsleben im Wirbelthier-Reich. Berlin, 1840. - 262 S. (Va. 16/463).
 43. Reichert K. Der Furchungsprozess und die sogenannten Zellenbildung um Inhaltsportionen. 1846. (IV. 61/389).
 44. Reichert K. Die monogene Fortpflanzung. Zur Jubelfeier der Universität Dorpat, 1852. Dorpat, 1852. - 151 S. (IIIa. 51/274).
 45. Remmel M. K.E. v. Baeri vaadetest loomariigi süsteemi ja arengu kohta. TRÜ geneetika ja darvinismi kateeder. Tartu, 1969. Diplomitöö. (Võistlustööna esitatud käsikiri TRÜ Teaduslikus Raamatukogus).
 46. Remmel M. G. Cuvier - 200. - Eesti Loodus, 1969, nr. 8, lk. 459-461.
 47. Remmel M. Lõigustumise evolutsioon kui evolutsiooni mudel. - Rmt.: Raku teooria. Tartu, 1983, lk. 92-98.
 48. Remmel M. Epigeneetiliste faktorite käsitlemisest evolutsiooniteoorias. - ELUS aastaraamat, 69. Teoreetilise bioloogia probleeme. Tln., 1984, lk. 132-134.
 49. Remmel M. Baeri paradigma, ehk kas morfogeneesi refleksioon peab järgima morfogeneesi omaaega. - Rmt.: Orgaanilise vormi teooria. Tln., 1984, lk. 62-72.
 50. Remmel M. Darwini paradigma struktuurist ja subsetest süsteemanalüüsiga. - Teaduslugu ja nüüdisaeg. Tln., 1984, III, lk. 160-170.
 51. Russell E. Form and function. A contribution to the history of animal morphology. London, 1916.
 52. Seidlitz G. Baer und die Darwin'sche Theorie. - In: Seidlitz G. Beiträge zur Descendenz-Theorie. Leipzig, 1876, S. 37-170.
 53. Stieda L. Karl Ernst von Baer. Braunschweig, 1878. - 301 S.
 54. Stieda L. Verzeichniss der Manuscripten, Notizen und Aufzeichnungen der weil. Akademikers K.E. v. Baer. - Mss. AN Cnd., 1835, # I, c. 33-47.

55. Stieda L. Der Embryologe Sebastian Graf von Tredern und seine Abhandlung über das Hühnerei. Wiesbaden, 1901.
56. Tartu ülikooli ajalugu, 1798 - 1918 / Koost. K. Siilivask. Tln., 1982, II. - 430 lk.
57. Valt M. Baeri paremaks mõistmiseks. - Looming, 1972, nr. 4, lk. 631 - 646.
58. Valt M. Paar sõna Baeri antidarvinismist. - Eesti Loodus, 1972, nr. 2, lk. 65-67.
59. Valt M. Mendel ja Darwin. - Eesti Loodus, 1972, nr. 7, lk. 422-425.
60. Valt M. Mis on žofruism? - Eesti Loodus, 1972, nr. 4, lk. 219-221.
61. Valt M. Mõningaid probleeme seoses K.E. v. Baeri töödes esitatud tüüpide teooria morfo-taksonoomilise süsteemi evolutsionistliku tõlgendamisega. - Folia Baeriana. Tln., 1975, I, lk. 47-71.
62. Valt M. Varajase darvinismi vastuvõtt Tartu ülikoolis kui mudelsituatsioon. - Rmt.: Tartu ülikooli ajaloo küsimusi. Tartu, 1975, II, lk. 103-114.
63. Valt M. Baeri ekspeditsioonidest, olelusvõitlusest ja looduslikust valikust. - Eesti Loodus, 1976, nr. 11, lk. 697-702.
64. Valt M. K.E. v. Baer ja darvinism. Tln., 1977. - 176 lk.
65. Valt M., Valt L. K.E. v. Baeri filosoofiliste vaadete hindamise alustest. - Folia Baeriana. Tln., 1975, I, lk. 7-27.
66. Аренд Ю.Э., Калинин В.В. О развитии гистологии и эмбриологии на медицинском факультете Тартуского университета. - Tartu ülikooli ajaloo küsimusi. Tartu, 1979, IX, lk. 43-61.
67. Берг Л.С. Труды по теории эволюции: 1922 - 1930. Л., 1977. - 386 с.
68. Бляхер Л.Я. Из истории эмбриологии в России с середины XVIII до середины XIX века. М., 1955. - 375 с.
69. Бляхер Л.Я. Георг Зейдлиц и его курс дарвинизма в Дерптском университете. - В кн.: Из истории биологии. М., 1971, вып. 3, с. 5-58.
70. Бер К.М. Автобиография. Л., 1950. - 544 с.
71. Бер К.М. История развития животных. Наблюдения и мышления. М.-Л., 1950, т. I. - 466 с.

72. Бэр К., Брандт Ф., Миддендорф А. Протест против нападения на Кювье. - Спб., вед., 1862, № 69.
73. Вальт М.Х. "Школа Бэра" и проблемы онтогенеза. - Мат. УИ конф. по истории науки в Прибалтике. Тарту, 1970, с. 65-67.
74. Вальт М.Х. Место эпигенетической эмбриологии в трансформизме XIX века. - XIII междунар. конгресс по истории науки: Материалы по истории химии и биологии. М., 1971.
75. Вальт М.Х. О проблеме непрерывности и дискретности в истории эволюционизма. - Учен. зап. Тарт. ун-та, 1971, вып. 273, с. 18-30.
76. Вальт М.Х. Концепция дискретной структуры животного царства в теории типов и ее взаимоотношения с трансформизмом. - В кн.: Организация и эволюция живого. Л., 1972, с. 194-196.
77. Вальт М.Х. Дополнительность концепций индивидуального развития. - Принцип дополнительности и материалистическая диалектика: Мат. теорет. конф. Обнинск, 1972, с. 53.
78. Вальт М.Х. Критика дарвинизма К.Э.Бэром и контркритика Г.Зейдлица. - Мат. IX межреспублик. конф. по истории естествознания и техники в Прибалтике. Вильнюс, 1972, с. 22-24.
79. Вальт М.Х. Об отношении К.Бэра к учению Ч.Дарвина. - Вопросы естествознания и техники, 1973, № 4, т. 45, с. 44-47.
80. Вальт М.Х. Имманентная телеология и телеология внешней цели в трудах Ч.Дарвина и К.Э. ф.Бэра. - Учен. зап. Тарт. ун-та, 1974, вып. 324, с. 63-74.
81. Вальт М.Х. Бэр и дарвинизм: Автореф. дис. ... канд. биол. наук. М., 1974. - 18 с.
82. Вальт М.Х. О роли моделей возникновения организма в истории трансформизма. - В кн.: Метод моделирования и некоторые философские проблемы истории и методологии естествознания. Таллин, 1975, с. 48-64.
83. Вальт М.Х. Экологические исследования К.Бэра и А.Миддендорфа в Петербургской Академии наук. - В кн.: История науки и науковедение: X Прибалт. конф. по истории науки. Рига, 1975, с. 51-54.
84. Вальт М.Х. Телеологическая эксплантация в трудах Дарвина и Бэра. - Конф., посвящ. памяти Бэра. Тарту, 1976, с. II-12.

85. Вальт М.Х., Волрат А.И., Ико А.А. Сравнение информационных основ экологических взглядов Бэра и Дарвина. - *Ibid.*, с. 12-13.
86. Вальт М.Х., Кермиж И.К. Сравнение систем морфо-таксономических взглядов Бэра и Дарвина (наукOMETрический опыт). - *Ibid.*, с. 14-15.
87. Вальт М. Экологические исследования К.Бэра и концепция борьбы за существование. - Петербургская Академия наук и Эстония. Таллин, 1978, с. 102-119.
88. Гайсинович А.Е. К.Ф.Вольф и учение о развитии организмов (в связи с общей эволюцией научного мировоззрения). М., 1961. - 548 с.
89. Геккель Э. Мировые загадки. М., 1935. - 535 с.
90. Геккель Э. Теория гастрей, филогенетическая классификация животного царства и гомология зародышевых листков (1974). - В кн.: Мюллер Ф., Геккель Э. Основной биогенетический закон. Избранные работы. М.-Л., 1940, с. 187 - 246.
91. Дарвин Ч. Избранные письма. М., 1950. - 391 с.
92. Детлаф Т.А. Открытие зародышевых листков К.Ф. Вольфом и Пандером и учение о зародышевых листках К.М. Бэра. - Тр. Ин-та истории естествознания. М., 1953, т. 5, с.281-316.
93. Из эпистолярного наследия К.М.Бэра в архивах Европы / Сост. Т.А. Лукина. Л., 1978. - 319 с.
94. История биологии с древнейших времен до начала XX века / Под ред. С.Р. Микулинского. М., 1972. - 536 с.
95. История Тартуского университета 1632 - 1982 / Под ред. К. Сийливаска. Таллин, 1982. - 279 с.
96. Ланге К.А., Голиков Ю.П., Андреева В.Н. Влияние Тартуского (Дерптского, Юрьевского) университета на развитие медико-биологической научной мысли в России. - Тартуский государственный университет. История развития, подготовка кадров, научные исследования. Тарту, 1982, ч. III: Медицина, биология, физическая культура, с. 15-24.
97. Любимов А.А. Проблемы формы, систематики и эволюции организмов. М., 1982. - 278 с.
98. Микулинский С.Р. Развитие общих проблем биологии в России. Первая половина XIX века. М., 1961.
99. Микулинский С.Р. Альфонс Декандоль. 1806-1893. М., 1973. - 295 с.
100. Мирвоян Э.Н. Индивидуальное развитие и эволюция. М., 1963. - 302 с.

101. Нидхем Д. История эмбриологии. М., 1947. - 342 с.
102. О положении в биологической науке. М., 1948. - 534 с.
103. Райков Б.Е. Карл Бэр. Его жизнь и труды. М.-Л., 1961. - 524 с.
104. Райков Л., Вальт М. К. Бэр о запасах салаки в Балтийском море. - Конф., посвящ. памяти Бэра. Тарту, 1976, с. 60-61.
105. Реммель М. О взаимоотношениях эмбриологии и эволюционных теорий. - Мат. XXIV науч. студ. конф. ТТУ. Тарту, 1969, с. 40.
106. Реммель М., Волрат А., Ихо А., Кресс М., Тимак Р., Филиппова М. Опыт наукометрического анализа научной деятельности К. Бэра. - В кн.: Вопросы медицины и биологии Прибалтики. Тарту, 1977, с. 193-196.
107. Реммель М.Х. О топологических основах теории типов Бэра. - Докл. МОИП. Общая биология. I полугодие 1977 г. М., 1979, с. 123-125.
108. Реммель М.Х. Глубинные информационные модели науки. Парадигмы Бэра и Дарвина. Таллин, 1983. Депонировано. - 340 с.
109. Реммель-Вальт М.Х. Проблема "К. Бэр и дарвинизм". - Докл. МОИП. Общая биология. I полугодие 1978 г. М., 1980, с. 80-84; Реммель-Вальт М.Х., Семлек Л. О познавательном фоне речи Бэра "Какой взгляд на живую природу правильный?". - Там же, с. 84-86.
110. Северцов А.Н. Собр. соч. М.-Л., 1945, т. III. Общие вопросы эволюции. - 530 с.
111. Северцов А.Н. Собр. соч. М.-Л., 1949, т. V. Морфологические закономерности эволюции. - 536 с.
112. Северцов А.Н. Главные направления эволюционного процесса. М., 1967 (1925). - 202 с.
113. Соболев Д.Н. Начала исторической биогенетики. Киев, 1924. 139 с.
114. Тамиряев К.А. Отповедь антидарвинистам. - В кн.: Он же. Избр. соч. М., 1949, т. IV, с. 287-436.
115. Филиппченко Ю.А. Эволюционная идея в биологии. М., 1977. - 227 с.

ФИЗИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА

НАУЧНЫЕ КОНТАКТЫ КАФЕДРЫ СПОРТИВНОЙ ФИЗИОЛОГИИ ТГУ

А.А. Виру

Кафедра спортивной физиологии выросла из кафедры спортивной медицины (основанной в 1964 г.) при ее разделении в 1971 году на две кафедры. В составе факультета физической культуры осталась кафедра спортивной физиологии, а в составе медицинского факультета начала работу кафедра спортивной медицины и лечебной физкультуры. Таким образом, кафедра спортивной физиологии начала самостоятельно работать, наследуя не только преподавательский состав, но и установленные традиции в учебной и научной работе. Одной из этих традиций являлась организация научно-исследовательской работы в тесном контакте с другими кафедрами университета, а также лабораториями и кафедрами других вузов и научно-исследовательских институтов. Предметом настоящего обобщения являются именно научные контакты, выходящие за пределы университета и республики. При этом будут рассматриваться только контакты по физиологии и биохимии, хотя кафедрой выполнялись и выполняются более обширные задания по учебной и научной работе, распространяющиеся на биомеханику, психологию спорта, биометрию, теорию физического воспитания, историю физической культуры и спорта, организацию управления физкультурным движением.

Наиболее распространенными, а иногда и весьма эффективными формами научных связей являются личные контакты (в устных и письменных формах) и обмен оттисками публикаций. Именно личным контактам с ведущими специалистами страны в области спортивной физиологии и биохимии спорта, с такими, как профессора Н.В. Зимкин, Н.Н. Яковлев, В.С. Фарфель, К.М. Смирнов, Э.Ш. Матлина, В.В. Васильева, В.Л. Каршман, кафедра очень много обязана в своем развитии. С каждым годом количество подобных контактов увеличивается. При этом изменяется и их характер. Первоначально доминировали контакты в порядке получения консультации для дальнейшего развития научной работы на кафедре спортивной физиологии ТГУ. Затем постепенно учащались случаи оказания помощи другим лабораториям, кафедрам

рам и исследователям, а также организации совместных исследований.

Обмен отписками обеспечивал физиологам и биохимикам кафедры, с одной стороны, обогащать личные библиотеки и тем самым информировал об исследовательской работе как в нашей стране, так и за рубежом. С другой стороны, это было важным условием для ознакомления с результатами наших исследований за рубежом, создающим благотворную почву для укрепления деловых контактов.

Специальными формами научных контактов являются:

- 1) приглашение лекторов-гостей
- 2) лекции наших специалистов в других вузах и научно-исследовательских институтах
- 3) прием стажеров
- 4) командирование преподавателей на стажировку в другие учреждения, включая и стажировку за рубежом
- 5) издание научных трудов с привлечением авторов из-за пределов университета
- 6) публикация научных трудов в других изданиях
- 7) организация всесоюзных научных мероприятий
- 8) участие во всесоюзных научных мероприятиях в других учреждениях
- 9) предварительное обсуждение и оппонирование диссертаций.

В таблице I на основе архивных материалов кафедры перечислены лекторы-гости, выступавшие с лекциями на кафедре, а в таблице 2 - учреждения, приглашавшие представителей профессорско-преподавательского состава нашей кафедры для чтения лекций /I/. При этом следует отметить, что лекторы-гости всегда выступали и со специальными лекциями для преподавателей кафедры и научных сотрудников лаборатории и беседовали за "круглым столом". Эти мероприятия имеют важное значение для усовершенствования знаний преподавателей и научных сотрудников и для развития их творческого мышления.

В период 1971-1984 гг. кафедра принимала 19 стажеров из 15 вузов /I/. Стажерство побуждало к составлению кандидатских диссертаций /2, 3, 4/, а одного преподавателя побудила к интенсивной работе по составлению докторской диссертации.

Стажировку за рубежом удалось пока организовать для трех преподавателей кафедры. П.К. Кырге, будучи тогда доцентом, работал в 1975 и 1976 г. в Копенгагенском университете /5/. В результате усвоения методик по изучению рецепции стероид-

них гормонов он внедрил в лаборатории гормональной регуляции мышечной деятельности, работающей при кафедре, новое исследовательское направление. Доцент Я.П. Пярнат стажировался в 1977/78 г. в Карловском университете в г. Прага /6/. Полученные результаты проведенных там исследований явились важной частью его докторской диссертации /7/. В 1984 г. проходил стажировку в Хельсинкском университете ст. преподаватель Т.А. Матсон.

Совместно с лабораторией гормональной регуляции мышечной деятельности кафедра издала с 1969 по 1984 г. 13 тематических сборников научных трудов /8/ и организовала 4 всесоюзных симпозиума /9/ по эндокринным механизмам приспособления организма к мышечной деятельности. Эти сборники содержат 278 статей не только авторов ТГУ, но и других учреждений. В 1984 г. кафедра и лаборатория организовали IУ Всесоюзный симпозиум по физиологическим проблемам адаптации /10/. Об участии профессорско-преподавательского состава в научных конференциях и симпозиумах даёт территориальное представление рисунки 1 и 2.

Количество обсужденных диссертаций на кафедре достигает 108. Оппонентами выступали преподаватели кафедры по физиологии и биохимии 69 раз, в том числе в Москве, Ленинграде, Ташкенте, Минске, Риге.

Основу для установления научных контактов создают лекторская деятельность преподавателей кафедры на факультете повышения квалификации.

В период с 1971 по 1984 г. кафедрой выполнено 12 физиологических исследований на основе заказов, в том числе работ по заказам Всесоюзного научно-исследовательского института охраны труда, Всесоюзного научно-исследовательского института физической культуры и Ленинградского института авиаприборостроения /11/. С 1982 г. кафедра заключает договоры сотрудничества с Институтом общей патологии и патофизиологии АМН СССР, Всесоюзным научно-исследовательским институтом физической культуры, Ленинградским научно-исследовательским институтом физической культуры и Брестским педагогическим институтом /12-15/. Кафедра выполняет свои обязанности по договору сотрудничества между Литовским государственным институтом физической культуры и факультетом физической культуры ТГУ /16/.

Новой и прогрессивной формой научных контактов являются совместные научные семинары. В 1983 и 1984 г. состоялось два

семинара совместно с сотрудниками Ленинградского научно-исследовательского института физической культуры.

Заключение. Современной научной работе свойственна коллективность. Она основывается не только на хорошо согласованном взаимодействии внутри одного учреждения, но и на тесном взаимодействии между учреждениями. Как вывлекается на примере вышепредставленных материалов, соответствующие научные контакты приносят обоюдную пользу.

Таблица I

Лекторы-гости, выступавшие с лекциями на кафедре спортивной физиологии в период с 1971 по 1984 г.

Лектор	Учреждение, в котором он работал	Год
1	2	3
Профессор К.М. СМАРНОВ	Ленинградский научно-исследовательский институт охраны труда	1971
Профессор Н.Н. ЯКОВЛЕВ	Ленинградский научно-исследовательский институт физической культуры	1972
Профессор Я.М. КОЦ	Государственный центральный институт физической культуры	1974
Профессор И.К. СИБУЛЬ	Институт экспериментальной биологии АН ЭССР	1976
Доктор биологических наук Э.Ш. МАТЛИНА	Всесоюзный научно-исследовательский институт физической культуры	1976
Профессор В.В. ВАСИЛЬЕВА	Государственный институт физической культуры им. П.Ф. Лесгафта	1978
Профессор В.С. ФАРФЕЛЬ	Государственный институт физической культуры им. П.Ф. Лесгафта	1980
Профессор И.А. ДРЖЕВЦКАЯ	Ставропольский педагогический институт	1980
Профессор Н.Н. ЯКОВЛЕВ	Ленинградский научно-исследовательский институт физической культуры	1981
Профессор Т.Д. БОЛЫШАКОВА	1-й Московский медицинский институт им. И.М. Сеченова	1981
Профессор М.И. МИТКОВ	Институт физиологии им. И.П. Павлова АН СССР	1983

Продолжение табл. I

I	2	3
Профессор Ф.З. МБЕРСОН	Институт общей патологии и патологической физиологии АМН СССР	1983
С.н.с., к.б.н. А.И. ШЕНДИН	Ленинградский научно-исследовательский институт физической культуры	1984
Профессор Ю.В. ВЕРХОШАНСКИЙ	Государственный центральный институт физической культуры	1984
Доцент В.Н. БЛЕДНОВА	Ленинградский государственный институт культуры им. Н.К. Крупской	1984
Профессор В.А. РОГОЗКИН	Ленинградский научно-исследовательский институт физической культуры	1984

Таблица 2

Учреждения, приглашавшие представителей профессорско-преподавательского состава кафедры спортивной физиологии для чтения лекций с 1971 по 1984 г.

Учреждение	Год
Государственный центральный институт физической культуры	1971, 1980
Киргизский институт физической культуры	1972
Ставропольский педагогический институт	1975, 1978
Литовский государственный институт физической культуры	1976, 1982
Симферопольский государственный университет	1977
Таллинский педагогический институт	1978-1984
Узбекский государственный институт физической культуры	1978
Ленинградский научно-исследовательский институт	1982
Брестский педагогический институт	1982
Чайковский филиал Челябинского государственного института физической культуры	1983
Горьковский медицинский институт	1983

Л и т е р а т у р а и и с т о ч н и к и

- I. Архивные материалы кафедры спортивной физиологии Тартуского государственного университета.
2. Цыбизов Г.Г. Влияние физических нагрузок на содержание кальция и фосфора в крови и костной ткани и его гормональная регуляция: Автореф. дис. ... канд. биол. наук. Тарту, 1981. - 22 с.
3. Разнишын А.В. Солевыделительная функция почек и потовых желез и влияние длительного применения углеводно-минерального напитка на электролитный обмен у вьных пловцов: Автореф. дис. ... канд. мед. наук. Тарту, 1984. - 20 с.
4. Снеговская В.Г. Изменение гормональных показателей крови у спортсменов-гребцов при напряженной мышечной деятельности: Автореф. дис. ... канд. биол. наук. Тарту, 1984. - 18 с.
5. Отчет П.К. Кырге о стажировке в Копенгагенском университете. Тарту, 1976.
6. Отчет Я.П. Пярната о стажировке в Карловском университете г. Праги. Тарту, 1978.
7. Пярнат Я.П. Возрастно-половые стандарты (10-50 лет) аэробной способности человека: Автореф. дис. ... д-ра мед. наук. М., 1983. - 44 с.
8. Эндокринные механизмы регуляции приспособления организма к мышечной деятельности. Тарту, 1969, т. I, 1971, т. 2, т. 3, 1973, т. 4, (Учен. зап. ТГУ, вып. 311), т. 5, 1975, т. 6, 1976 (Уч. зап. ТГУ, вып. 381), т. 7, 1977 (Уч. зап. ТГУ, вып. 419), т. 8, 1978 (Уч. зап. ТГУ, вып. 462), т. 9, 1980 (Уч. зап. ТГУ, вып. 543), т. 20, 1981 (Уч. зап. ТГУ, вып. 562), т. II, 1982 (Уч. зап. ТГУ, вып. 606), т. 12, 1983 (Уч. зап. ТГУ, вып. 639), т. 13, 1984 (Уч. зап. ТГУ, вып. 670).
9. Программы Всесоюзных симпозиумов "Эндокринные механизмы регуляции приспособления организма к мышечной деятельности". Тарту, 1969, 1973, 1977, 1981.
10. Программа IV Всесоюзного симпозиума по физиологическим проблемам адаптации. Таллин, 1984.
- II. Отчеты хозяйственных работ, выполненных на кафедре спортивной физиологии в период с 1971-1984 гг.

12. Договор о научном сотрудничестве на 1983-1985 годы между Тартуским государственным университетом (кафедра спортивной физиологии) и Брестским государственным педагогическим институтом (кафедра анатомии и физиологии человека и животных) по проведению совместных научно-исследовательских работ по теме "Функциональное состояние некоторых эндокринных желез собак в реакции на физическую нагрузку", 1982.
13. Договор о творческом сотрудничестве между ТГУ и ЛНИИФК, 1983.
14. План совместного исследования лаборатории патофизиологии сердца Института общей патологии и патологической физиологии АМН СССР и кафедры спортивной физиологии Тартуского государственного университета по теме: "Влияние предварительной адаптации организма к длительным нагрузкам на резистентность сердца к стрессорным повреждениям", 1983.
15. План совместного исследования отдела спортивной метрологии патентования и новой техники ВНИИФК и кафедры спортивной физиологии Тартуского государственного университета по теме: "Изменения гормонов крови у гребцов-академистов при напряженной мышечной деятельности", 1983.
16. Договор о взаимном сотрудничестве между Литовским государственным институтом физической культуры и факультетом физической культуры Тартуского государственного университета, 1980.

TARTU RIIKLIKU ÜLIKOOLI SUUSASPOORDIALASED SIDEMED
NSV LIIDU TEISTE KÕRGGKOLIDEGA

O. Allikas, J.-H. Kaljusto

TRÜ suusatajatel ja suusasporti kateedril on ulatuslikud sidemed teiste NSV Liidu kõrgkoolidega tekkinud seoses osavõttuga üleliidulistest üliõpilasvõistlustest, ülevenemaalistest üliõpilaste talispordimängudest, Balti üliõpilasmängudest ja paljudest sõpruskohtumistest suusatamises. Suusasporti kateedri õppejõud on osa võtnud kvalifikatsiooni tõstmise kursustest teistes NSVL kõrgkoolides (tabel 1). Suur on NSVL teiste kõrgkoolide õppejõudude arv, kes on olnud TRÜ kvalifikatsiooni tõstmise teaduskonna kuulajateks (teaduskond alustas tööd septembris 1970 (tabel 2, lk. 178.)

T a b e l 1

Suusasporti kateedri õppejõudude osavõtt
täiendusvormidest teistes NSVL kõrgkoolides /4/

	TÄIENDUS- KURSUS	ASPIRAN- TUUR	DOKTO- RANTUUR
Hans Gross	Leningradi Ke- kultuuriinstiti- tuut 1955		
Jüri-Hain Kaljusto	Moskva Kehakul- tuuri Keskinsti- tuut 1977	Moskvas 1965-1967	Moskvas 1982/83
Arne Kivistik	Moskva Kehakul- tuuri Keskinsti- tuut 1978		
Milvi Kivistik	Moskva Kehakul- tuuri Keskinsti- tuut 1970		
Osvald Allikas	Leningradi Keha- kultuuriinstiti- tuut 1955		
	Moskva Kehakul- tuuri Keskinsti- tuut 1977		
Madis Alev	Leningradi Kehakultuuriinstituut Kandidaadidissertatsiooni arutlus ja kaitsmine 1983		

Balti liiduvabariikide kõrgkoolide suusasporidi-
õppejõudude kvalifikatsiooni tõstmine TRÜ-s /1/

Õppeaasta	Õppejõudude arv
1970/71	12
1972/73	20
1974/75	8
1977/78	15
1979/80	18
1981/82	11
1983/84	12

TRÜ juures on kaitstud mitmeid suusasportialaseid dissertatsioone.

Kuigi Tartu Riikliku Ülikooli geograafiline asend, võrreldes NSVL põhjapoolsemate lumerohkemate piirkondadega, ei ole kõige soodsam suusasporidi arendamiseks, on TRÜ suusatajad andnud küllaldase panuse seni korraldatud üritustel. Jaanuaris 1955. a. korraldatud üliõpilaste meistrivõistlused murdmaasuusatamises usaldati TRÜ korraldada, tookord veel noorevõitu Kääriku spordibaasis tuldi sellega edukalt toime. Hiljem on Kääriku tuttavaks saanud paljudele Moskva ja Balti kõrgkoolide suusavõistkondadele korduva võistluspaigana. TRÜ suusavõistkondadega oleme olnud Kaasani, Moskva, Leningradi, Sverdlovski, Gorki, Petrozavodski, Krasnojarski, Permi ning mitmetel Leedu ja Läti võistlusradadel.

Üleliiduliste üliõpilaste suusavõistluste juhendi ebasabiilsuse tõttu (kord õppeasutustevahelised, kord "Burevestniku" nõukogude vahelised) on olnud meie võistkonna osavõtt nendest võistlustest ebaregulaarne. Vahelejäädud aastatel aitasid meie võistluskalendrit sisustada sõpruskohtumised Petrozavodski, Moskva, Vilniuse, Gomeli ülikooliga.

Küllalt konkurentsitihedaks ja huvitavateks kujunesid Balti üliõpilasmängude sarja suusavõistlused. Viimati võistlesime 1983. a. Leedu NSV-s Ignalinas. Kahjuks ka see võistlussari lõpetati. Tartu Riiklik Ülikool omalt poolt on pakunud võimalust osa võtta Kääriku mängudest märtsi keskel. Seda võimalust on ENSV kõrgkoolide kõrval kasutanud Vilniuse Riiklik Ülikool, Moskva Riiklik Ülikool, Vilniuse Pedagoogiline Instituut, Läti Riiklik Ülikool, Gomeli Riiklik Üli-

kool ja Moskva Lennundusinstituut.

Heitkengi pilk suusatajate kohtumistele.

Vahetud sõjajärgsed aastad alates 1945. a. talvest olid kõrgkoolidevaheliste sidemete loomisel tagasihoidlikud. Meie võistkonna tugevust ja arvukust mõjutas põllumajandusteaduskondade kuulumine TRÜ koosseisu. Esimesi tutvusi NSVL teiste linnade võistluspaikadega tegid meie üliõpilassuusatajad Erna ja Herbert Abel, Hugo Kaselaan, Karl Vesterstein, Silvia Kureniit-Oja, Helga Kaljumäe-Sildmäe ja Aino Nurme-Paal Eesti NSV koondvõistkonna koosseisus Sverdlovski, Zlatousti, Alma-Ata võistlusradadel. Vabariiklikus ulatuses esines TRÜ spordiklubi võistkond iseseisva võistkonnana ja suutis edukalt konkureerida ENSV linnade-rajoonide ja spordiühingute koondvõistkondadega /2/.

TRÜ suusatajate esimeseks võistkondlikuks stardiks NSVL kõrgkoolidevahelises arvestuses said võistlused Käärikul 1955. a. Need näitasid, et TRÜ võistkond on suuteline pakkuma konkurentsi teistele NSVL tugevamatele kõrgkoolidele. Tasavägises konkurentsitihedas võistluses saavutati 6. koht. Meie võistlejatest esinesid edukalt Roolain Laante, Silvia Ehlen ja Senta Kliss-Meier. R. Laante suutis 50 kilomeetris tulla pronksmedalile, selle saavutuse kordamiseni jõudis Ann Karu alles 1972. a. Gorkis /3/.

NSVL üliõpilaste suurfoorumitest osalesime järgmistena 1959. a. Leningradi külje all asuvatel Kavgolovo suurepärastel suusaradadel. Samast aastast alates hakati võistlusi nimetama üliõpilaste talimängudeks (I **зимние студенческие игры**). Suurfoorumiks oli võistkondade arvu eelmise aastaga võrreldes suurendatud ja võistkonda lubatud arvata ka õppejõude, töötajaid ja kahel eelneval aastal lõpetanud (1957 ja 1958). Osavõtjate hulgas startisid tollased NSVL koondlased Vladimir Kuzin, Margarita Maslennikova, Valentina Tšarjova, Viktor Baranov, Ivan Surovtsev, seega kujunesid esimesed üleliidulised üliõpilaste talimängud meie võistlejatele tõelisteks suurvõistlusteks. Osavõtavad 43 õppeasutust jaotati kahte gruppi. Esimese grupi moodustasid kehakultuurinstitiidid, kuhu arvati ka TRÜ kui kehakultuuriteaduskonda omav õppeasutus, teise gruppi ülejäänud kõrgkoolid. Kuigi I üliõpilaste talimängudel individuaalselt markimisväärsed kohti ei saavutatud, esineti võistkondlikult südilt. Võistluste käigus konkureerisime neljandale-viiendale kohale, lõpuks jääme 6. kohale /3/. Seni oli TRÜ võistkond suutnud oma parima tule-

musena 6. koha saavutada kodustes tingimustes Käärikul 1955. a.

II üliõpilaste talimängud peeti 1960. a. Sverdlovskis 11. - 15. veebruarini. Võistkondlik esinemine oli eelmistest kesisem. Mõjus ka harjumatu lumestruktuur ja võistlusradade omapära. Sõprussidemete tugevdamisel, kogemuste täiendamisel täitis võistlusreis suuresti oma ülesande /4/.

Hiljem üleliiduliste üliõpilasvõistluste tähtsus taandus, kuna võistluste korraldajaks oli spordiühing "Burevestnik", ning et üliõpilasi kuulus teistesse spordiühingutesse, ei antud TRÜ üliõpilastele osavõtuõigust. Sõprussidemete jätkamiseks korraldas TRÜ Käärikul 28. - 29. märtsil 1971 sõpruskohtumise Tartu Riikliku Ülikooli, Gomeli Riikliku Ülikooli, Moskva Riikliku Ülikooli ja Moskva Lennundusinstituudi vahel. Võitjaks tulid TRÜ suusatajad /3/.

Uuesti sai võistlustest osavõtt võimalikuks 1972. a., kui Vene Föderatsioon alustas ülevenemaaliste üliõpilaste talispordimängude korraldamist.

I ülevenemaalised üliõpilaste talispordimängud (I **Зимние Всероссийские студенческие спортивные игры**) peeti murdmaasuusatamises 2. - 9. märtsini 1972. a. Gorkis. Meie võistkonda lubati osa võtta külalisena, kuna Balti liiduvabariikide üliõpilased pole spordiühingu "Burevestnik" liikmed. Siiski esinesime Gorkis täisarvulise võistkonnaga murdmaasuusatamises. Kui võistkondlikult saavutati tagasihoidlik koht (26 võistkonna hulgas 17.), siis esines meie võistlejatest tublilt Ann Karu: 5 km - pronksmedal ja 10 km - 4. koht. Juunioride 15 km-s oli Ain Luuk 16. ja juunioride 10 km-s Kaia Raaga 17. Võistkonnas startisid veel Peeter Paris, Udo Rehema, Jüri Jõepera, Rein Lellep, Jaak Keeman, Marju Aarsoo, Aivi Pargi, Teet Voolpriit, Olga Pavlova. Tõukordsele noorele, väheste kogemustega võistkonnale oli suurel foorumil esinemine heaks kogemuste kooliks ja näitas selgesti tõhusama treeningutöö vajadust /3/.

1972. a. võtsime veel osa TRÜ ja Moskva kõrgõppeasutuste finaalvõistlustest, kus meie üliõpilased esinesid edukalt naiste 4 x 5 km teatesuusatamises (III koht), meeste 4 x 10 km teatesuusatamises (II koht). Ain Luuk saavutas 15 km distantsil II koha /4/.

II ülevenemaalised üliõpilaste talispordimängud toimusid 1976. a. Krasnojarskis. Et teiste võistluste tõttu ei olnud võimalik sinna sõita kõigil meie parematel üliõpilas-

suusatajatel, siis jäi võistkondlik esinemine tagasihoidlikuks. Paremad olid meie naissuusatajatest Külli Mäesoo ja Liivia Vigla ning meestest Mati Alaver /4/.

Meile harjunatult kauge võistlus kujunes aga väga huvitavaks. Tutvusime Krasnojarskis suurepärase slaalomihõlvakute, rekordhüppeid võimaldava suusahüppemäega, hüdroelektrijaama, üliõpilaslinnaku, suurepärase suusastaadioni ja perspektiivitundega kokkukoondatud suusabaasidega. Hiljem sai siin Sverdlovski järel NSVL rahvaste talispartakiaadide läbiviimise koht.

III ülevenemaalised üliõpilaste talisportimängud toimusid 1980. a. Permis. Külalisvõistleja staatuse tõttu lubati meil seekord osa võtta nelja võistlejaga. Et tol aastal meie meesüliõpilaste tase oli küllalt tugev, siis lähetasimegi Permi Paul Vaardi, Johannes Bogdanovi, Tõnu Sireli ja Ahti Kurvitsa koos esindaja-treeneri Mati Alaveriga /5/.

Permis esinesid meie üliõpilased hästi. 4 x 10 km teatesuusatamises pakuti tihedat konkurentsi ja saavutati lõpuks pronksmedal. Ahti Kurvits võitis 50 km distantstil hõbemedali, see on praeguseni meie murdmaasuusatajate parim koht üleliidulistel üliõpilasvõistlustel.

Samal, 1980. a. käisid üliõpilassuusatajad võistlusreisil Vilniuses Balti üliõpilasmängudel. Tutvusime Vilniuse Riikliku Ülikooli uute õppehoonete ja ühiselamutega liima serval, startisime samas kõrval asuvatel võistlusradadel /5/. Võõrustajat Vilniuse Riiklikku Ülikooli meenutame tänutundega eriti sõbraliku ja sooja vastuvõtu eest.

1981. a. Balti üliõpilasmängude suusavõistlused peeti Läti NSV-s Riia lähistel. Ka nendel võistlustel sõlmisime külaldaselt kontakte Balti kõrgkoolide õppejõudude-treeneritega.

1982. a. oli võistluste korraldajaks Eesti NSV. Elati Käärikul, võisteldi Tallinna Pedagoogilise Instituudi võistlusradadel Vana-Otepääl. Võistluste miljöö oli väga sõbralik ja tekkis palju häid kontakte Balti kõrgkoolide õppejõududega.

1983. a. jõudis korraldamisjärg jälle leedulaste kätte. Võistlused toimusid Ignalinas. Võistluspaik oli huvitav, äärmiselt tasavägine võistlus lõppes eesti üliõpilaste kasuks.

Kuna Balti üliõpilasmängude võistlussari 1983. aastaga lõpetati, siis 1984. a. talveks kutsuti meie Kääriku mängudele juba tuttavaid külalisvõistkondi. Leedu NSV-st saabunud

Vilniuse Pedagoogilise Instituudi võistkond osutus väga tu-
gevaks ja TRÜ võistkonnal tuli seekord vastu võtta kaotus.

Suusaspordi kateeder on kaasa aidanud vennasvabariikide
kõrgkoolide õppejõudude kvalifikatsiooni täiendamisel, tea-
duslik-pedagoogilise kaadri ettevalmistamisel ja teadusliku
uurimistöö korraldamisel. Oma kvalifikatsiooni on käinud TRÜ-
tõstmas 96 Balti liiduvabariikide kõrgkoolide suusaspordiõp-
pejõudu (tabel 2) ja 1983/84. õ-a. NSV Liidu pedagoogikains-
tituutide suusaspordikateedrite 14 õppejõudu. Selle kontin-
gendi õppeplaani mahukamaks õppeaineks on olnud suusaspordi
eriala koos referaatide ettevalmistamise ja kaitsmisega. Vä-
hemal määral on suusaspordi kui üldainet loetud ka teistel
erialadel (1120 õppejõudu). Suusaspordi kateeder on korral-
danud kaks süstamatkaseminari Koiva jõel Eesti NSV kõrgkoo-
lide kehalise kasvatus kateedrite õppejõududele.

Tartu Riiklikus Ülikoolis on kaitstud suusaspordi, jalg-
rattaspordi ja uisutamise alal ligi 20 kandidaadidissertat-
siooni, eelnes nende põhjalik arutelu suusaspordi kateedris.
Enamik dissertante töötab Moskva, Leningradi, Minski, Gorki,
Riia, Smolenski jt. kõrgkoolides. Dots. J.-H. Kaljusto juhen-
damisel valmis kandidaadidissertatsioon Leningradi Polüteh-
nilise Instituudi õppejõul Krassavinal, praegusel Tallinna
Pedagoogilise Instituudi kehakultuuriteaduskonna dekaanil Kaa-
rel Zilmeril. Koostöös TRÜ suusaspordi kateedriga on valmi-
nud kandidaadidissertatsioonid veel neljal Smolenski ja Mosk-
va kõrgkooliõppejõul. Ka Tallinna Pedagoogilise Instituudi
õppejõul H. Grossil valmis dissertatsioon TRÜ suusaspordi ka-
teedri juures, kaheksal korral on kateeder andnud juhtiva
teadusasutusena arvamuse mujal kaitstavate dissertatsioonide
kohta.

Dots. J.-H. Kaljusto on korduvalt esinenud väljakutse-
loengutega Moskva Kehakultuuri Keskinstituudis, Läti Riik-
likus Kehakultuuriinstituudis, Gorki linna kõrgkoolide õp-
pejõududele ja Smolenski Kehakultuuriinstituudis. Dots. A.
Kivistik on pidanud loenguid Moskva Oblasti Kehakultuuriins-
tituudis, üleliidulistel kõrgkooliõppejõudude seminaril Po-
dolskis ja Tšeljabiniskis. Dots. H. Gross on olnud oodatud
lektor paljudes NSV Liidu kõrgkoolides ja nende õppejõudu-
dele korraldatud regionaalsetel ning üleliidulistel semina-
ridel. Suusaspordi kateedri liikmed on korduvalt teinud ühi-
seid kompleksuuringuid koos Smolenski Kehakultuuriinstituudi
ja Tallinna Pedagoogilise Instituudi teaduritega. Teadus-

liku koostöö tulemusena on avaidatud koos Moskva Kehakultuuri Keskinstituudi, Moskva Kehakultuuri Teadusliku Uurimisinstituudi, Leningradi Kehakultuuri Teadusliku Uurimise Instituudi ja Smolenski Kehakultuuriinstituudi teaduritega ligi 20 publikatsiooni.

Suusamäärete valmistamise tehnoloogia väljatöötamisel ja katsetusel on olnud koostöö Tallinna Polütehnilise Instituudi, Pihkva Pedagoogilise Instituudi, Moskva Riikliku Ülikooli, Vilniuse Riikliku Ülikooli, Smolenski Kehakultuuriinstituudi, Gomeli Riikliku Ülikooli õppejõududega.

A l l i k a d. K i r j a n d u s

1. Vaiksaar A. TRÜ kehalise kasvatusõ õppejõudude kvalifikatsiooni tõstmise teaduskonna tööst ja tulevikust. - Rmt.: Tartu ülikooli ajaloo küsimusi. Tartu, 1983, XV, lk. 250 - 255.
2. Männiste A., Pärtelpoeg I. Suusatamise minevikust tänapäevani. - Tln.: Pesti Raamat, 1974. - 419 lk.
3. Üleliiduliste üliõpilasvõistluste ja sõpruskohtumiste protokollid suusatamises. TRÜ suusaspordi kateeder. 1955-1983. (Käsikirjaline.)
4. TRÜ suusaspordi kateedri arhiivimaterjalid ajavahemikust 1946 - 1983. TRÜ suusaspordi kateeder. (Käsikirjalised.)
5. Treenerite E. Abeli, O. Allika, J.-H. Kaljusto isiklikke märkmeid võistlusreisidelt.

TARTU ÜLIKOOLI VOIMLEJATE SIDEMETEST TEISTE
NSV LIIDU KÕRGGKOLIDEGA

E. Naarits, R. Torm

Tartu ülikooli taasavamisel 1944. aasta oktoobris alustas kehakultuuriteaduskonna juures tööd ka võimlemise kateeder. Sõjas laastatud spordibaasidest oli rahuldavas olukorras Viljandi tänavas (praegu Gagarini t. 1) asuv spordisaal. Vilunud õppejõudude tegevuse tulemusena (Arnold Lannus, Peeter Paris - esimesed kateedri juhatajad) pandi alus võimlemise harrastamisele kogu kehakultuuriteaduskonnas. Spordibaaside taastamisega - 1947. a. avati Kingissepa t. 19 ja 1952. a. Mitsurini t. 37 õppehooned - muutus võimlemine üheks populaarsemaks alaks. Mitsurini tänavas asuv võimla muudeti spetsialiseeritud saaliks võimlejatele. Enamharrastatavamaks alaks oli sportlik võimlemine (sportvõimlemine). Kunstilist võimlemist (iluvõimlemist) ja akrobaatikat harrastati rohkem abistavate spordialadena. 1948. a. asusid tööle võimlejad pedagoogid-treenerid Niina Levitskaja, meie vabariigi sportvõimlemismeister Heino Elken, Uno Sahva, Helmut Valgmaa.

Aastaid 1944 - 1952 võib lugeda võimlemise arengu esimeseks perioodiks, millal pandi alus spordiala laiale kandepinnale. Alates 1952. aastast, kui toimus üleliiduliselt ühtsustatud programmide ja eesrindliku metoodika kasutuselevõtmine, oli võimalik tunduvalt tõsta spordimeisterlikkust. Aeg oli küps sidemete loomiseks teiste kõrgkoolidega. Tabelis 1 on toodud ülikooli sportvõimlejate kohtumised teiste kõrgkoolidega ajavahemikus 1952 - 1982. 30 aasta vältel on peetud 48 võistlust, viimaste arv võib olla isegi suurem mõningate võistlusprotokollide puudumise tõttu. Esimene kohtumine toimus 1952. a. Leningradi Riikliku Ülikooli võimlejatega. Järgneval kümnendil kohtuti põhiliselt meie vabariigi kõrgkoolidega ning nii on see kestnud kuni 1982. aastani. Sportvõimlemise kandepinna üldine vähenemine on viimud ka kõrgkoolide selle ala harrastajate hulga minimaalseks.

Ülikooli võimlejate kohtumised teiste kõrgkoolidega väljaspool vabariiki olid tihedad kuuekümmendate aastate vahemikus.

T a b e l 1

Sportvõimlejate kohtumised teiste kõrgkoolidega

Aasta	Kõrgkool ja TRÜ tulemus (koht)
1	2
1952	1. Leningradi RÜ - I
1953	1. Eesti Põllumajanduse Akadeemia (EPA), Tallinna Pedagoogiline Instituut (TPeDI), Tallinna Polütehniline Instituut (TPI), Tartu Õpetajate Instituut (TOI) - I
1959	1. EPA, TPI, TPeDI - I
1960	1. EPA, TPI, TPeDI - III (naiskond - I)
1961	1. EPA, TPI, TPeDI - II (naiskond - I)
1962	1. EPA, TPI, TPeDI - II (naiskond - I) 2. Riia PI, Vilniuse RÜ - III
1963	1. EPA, TPI, TPeDI - I 2. Tbilisi RÜ, Moskva RÜ, Leningradi RÜ, Kišinjovi RÜ - IV
1964	1. EPA, TPI, TPeDI - II (naiskond - I) 2. Uraali RÜ - I
1965	1. EPA, TPI, TPeDI - II (naiskond - I) 2. Harkovi RÜ (naiskond) - I
1966	1. EPA - I 2. EPA, TPI, TPeDI - II
1967	1. EPA, TPI, TPeDI - II
1968	1. EPA, TPI, TPeDI - II
1969	1. EPA, TPI, TPeDI - II (naiskond - I) 2. Moskva Baumani-nim. Kõrgem Tehnika- kool (MKTK) - I
1970	1. EPA, TPI, TPeDI - II 2. MKTK - II
1971	1. EPA, TPI, TPeDI - II 2. Kubani RÜ, MKTK - II (koos iluvõimlejatega)
1972	1. EPA, TPI, TPeDI - II 2. MKTK, Kubani RÜ - II
1973	1. EPA, TPI, TPeDI - II 2. MKTK - I

T a b e l 1 (järg)

1	2
1974	1. EPA, TPI, TPedI - II 2. MKTK, Kišinjovi Pedagoogiline Instituut - II
1975	1. EPA, TPI, TPedI - II 2. MKTK - I 3. Vilniuse RÜ, Kiievi RÜ - II
1976	1. EPA, TPI, TPedI - I 2. Gomeli RÜ (meeskonnad) - II 3. Vilniuse RÜ, Kiievi RÜ - II 4. MKTK - I
1977	1. EPA, TPI, TPedI - I 2. MKTK - II
1978	1. TPI, TPedI - I 2. MKTK - I
1979	1. TPI, TPedI - I 2. MKTK
1980	1. TPI, TPedI - I 2. MKTK - I
1981	1. TPI, TPedI - I 2. Leningradi Polütehniline Instituut, MKTK - I
1982	1. TPI, TPedI - II 2. MKTK - I

Kõige rohkem on võisteldud NSV Liidu ühe suurima kõrgkooli - Moskva Baumani-nim. Kõrgema Tehnikakooliga. Sidesed on kestnud tänapäevani. Viimased kümme aastat on võistkonna ettevalmistust juhtinud Einike Naarits ja Rein Torm. Meie edukamad võimlejad on olnud Laine Juuse-Truupõld, Andres Truupõld, Eva Peebo, Reet Porila-Palge, Tiit Haviko, Arne Maaros.

Iluvõimlemise muutmise võistlusvõimlemiseks hakati seda ala viljelema ka TRÜ-s. Suurimaks entusiastiks oli vanemõpetaja Lidia Uustal. Tema õpilastest on paljudele omistatud NSV Liidu meistersportlase nimetus ning paljudest on saanud kutselised treenerid. Esimene sõpruskohtumine toimus Leningradi Riikliku Ülikooliga 1952. a. Meie võistkonnas esinesid Lidia Uustal, Lia Vihman-Palmse, Ethel Kudu

ja Einike Rusi-Naarits. Selle kohtumisega loodi head suhted Leningradi RÜ-ga. Kuigi kaksikkohtumisi rohkem ei peetud, jätkusid sidemed NSV Liidu kõrgkoolide spartakiaadidel. Kuuekümnedatel aastatel pandi alus NSV Liidu ülikoolide matskohtumistele. Esimene selline võistlus toimus 1963. a. Leningradis. Traditsioonile panid aluse Leningradi RÜ, Moskva RÜ ja TRÜ. Võistlused toimuvad regulaarselt igal talvisel õppevaheajal erinevas kohas. Meie ülikool on olnud võõrustaja 1964., 1969. ja 1979.a. Tabelis 2 on esitatud aastate kaupa osavõtvate ülikoolide arv, koht, kus toimusid võistlused, võitja ja võistkond ning TRÜ võimleajate saavutused.

T a b e l 2

Nr.	Aasta	Osavõtnud ülikoolide arv	Ülikool, kus toimusid võistlused	Võitja	TRÜ tulemus (koht)
1.	1963	5	Leningradi RÜ	*	*
2.	1964	5	Tartu RÜ	TRÜ	I
3.	1965	5	Moskva RÜ	Moskva RÜ	IV
4.	1966	6	Tbilisi RÜ	Tbilisi RÜ	III
5.	1967	6	Kiievi RÜ	Leningradi RÜ	VI
6.	1968	6	Odessa RÜ	Moskva RÜ	V
7.	1969	6	Tartu RÜ	TRÜ	I
8.	1970	6	Leningradi RÜ	Leningradi RÜ	III
9.	1971	6	Moskva RÜ	Leningradi RÜ	II
10.	1972	10	Odessa RÜ	Leningradi RÜ	II
11.	1973	10	Kiievi RÜ	Leningradi RÜ	IX
12.	1974	10	Tbilisi RÜ	Moskva RÜ	IV
13.	1975	7	Valgevene RÜ	Kasahhi RÜ	VII
14.	1976	10	Kasahhi RÜ (Alma-Ata)	*	*
15.	1978	10	Leningradi RÜ	Leningradi RÜ	V
16.	1979	10	Tartu RÜ	Tbilisi RÜ	III
17.	1981	9	Kasahhi RÜ (Alma-Ata)	Kasahhi RÜ	*
18.	1982	10	Dnepropetrovski RÜ	*	*
19.	1983	10	Ivanovo RÜ	*	*
20.	1984	9	Moskva RÜ	Moskva RÜ	Ei võtnud osa

* Protokollid puuduvad.

Nagu näha, on meie iluvõimlejad esinenud vahelduva edu-
ga. Parimad saavutused olid 1964. ja 1969. a., mil võideti
esikoht. Läbi aegade meie parimateks võimlejateks on olnud
Silja Sahva, Kadri Laaneloog-Liivak, Tatjana Engels.

Iluvõimlejalatel on olnud sõpruskohtumisi veel paljude
kõrgkoolidega (Saraatovi Pedagoogiline Instituut, Kubani RÜ,
Moskva Kõrgem Tehnikakool, Moskva Nafta- ja Gaasitööstuse
Instituut ning Balti vabariikide kõrgkoolid). Need sõprus-
kohtumised kandsid aga juhuslikku iseloomu ega muutunud
traditsioonilisteks.

A l l i k a d

Võimlemise kateedri arhiiv.

TARTU ÜLIKOOLI ÜLIÕPILASSÕUDJAD NSV LIIDU
MEISTRIVÕISTLUSTEL

Ü. Tõlp

Tartu Riikliku Ülikooli üliõpilassõudjatest jõudis NSV Liidu meistrivõistlustele esimesena kehakultuuriteaduskonna üliõpilane Veljo Kalep. Astudes 1953. aasta sügisel TRÜ-sse, oli ta juba Eesti NSV tugevaim ühepaadisõudja. 1954. a. kevadel remontis ta TRÜ paadikuuris oleva ühese õppepaadi, tõi Pärnust aerud ja alustas sõudetreeninguid. Grupp jahtklubi liikmeid (tehas AGE töötajad) remontisid vana, roolijaga õppe-neljapaadi ja hakkasid sellel treenima. Need olid esimesed akadeemilised paadid Emajõel pärast Teist maailmasõda.

Võitnud 9. juulil 1954. a. ühepaadil VSÜ "Spartak" üleliidulised meistrivõistlused, saavutas V. Kalep 4. augustil toimunud NSV Liidu meistrivõistluste finaalis 6. koha. V. Kalep võitis ka järgneval aastal NSV Liidu meistrivõistlustel ühepaadil finaalis 6. koha. V. Kalepi saavutused olid tol ajal kõikidele teistele eesti sõudjatele kättesaamatud. Nii erandliku edu tagasid head kehalised eeldused (pikkus 197 cm), vastupidavus ja harvaesinev võistlusnärv. Tõhusa ettevalmistuse sai ta VSÜ "Spartak" koondise treeningulaagrites.

NSV Liidu rahvaste I suvespartakiaadil 1956. a. Moskvas Himki veehoidlal moodustasid Eesti võistkonnast kolmandiku TRÜ üliõpilased. Peale V. Kalepi ühepaadil saavutatud 6. koha tuleks nimetada veel meeste roolijata neljapaadil, mis tuli seitsmendaks koosseisus: Boris London, Frantz Kupp, Valter Tuuling, Ivo Kerge. Paatkonna treeneriks oli Uno Aavola, vahetult enne võistlusi (kuu aega) aga V. Kalep.

Esimene auhinnaline koht tuli 1961. a. Selle võitis arstiteaduskonna üliõpilane Peeter Mardna, kes saavutas NSV Liidu võistkondlikel meistrivõistlustel Kavgolovos ühepaadil 3. koha, täites esimese TRÜ meessõudjana meistersportlase normatiivi /1/. Ta arvati NSV Liidu koondvõistkonna kandidaadiks. Treeneriks oli Erich Seiler.

1962. a. NSV Liidu individuaalmeistrivõistlustel Kavgolovos tuli arstiteaduskonna üliõpilane Endla Mandel ühepaadil neljandaks, täites esimese TRÜ naissõudjana meister-

sportlase normatiivi (treener Erich Seiler) /2/.

1965. a. sai kehakultuuriteaduskonna üliõpilane Andrus Suija toime suurepärase saavutusega, võites koos Andres Veermaaga paarisaerulisel kahepaadil NSV Liidu meistrivõistlustel Moskvast Himki veehoidlas hõbemedali. Mitmekordse olümpiavõitja Juri Tjukalovi paat kaotas neile 0,8 sekundiga.

1967. a. NSV Liidu rahvaste IV suvespartakiaadi sõudevõistlustel Moskvast Serebrjanõi Bori distanttsil esinesid TRÜ sõudjatest kõige paremini kehakultuuriteaduskonna vilistlane Aadu Pind (treener E. Seiler), kes paarisaerulisel kahepaadil koos pärnaka Märt Lellega tuli pronksmedalile. Esimene oli Moskva ja teine Ukraina. Kehakultuuriteaduskonna üliõpilane Gennadi Kiritšenko (Kinko) tuli samuti pronksmedalile roolijaga neljapaadi koosseisus (treener Jüri Kurul).

1969. a. võistles Peeter Mardna, nüüd juba vilistlane, koos tallinnlase Aarne Paaliga roolijata kahepaadil Euroopa meistrivõistlustel ja tuli seitsmendaks.

1970. a. võitis Gennadi Kinko koos EPA üliõpilase Toivo Ormissoniga roolijata kahepaadil pronksmedali /3/.

1972. a. võitsid nad aga NSV Liidu tšempionitiitli Moskvast Serebrjanõi Bori distantsi rekordiga 6.36,8. Paatkond valiti Eesti spordiajakirjanike poolt kõigi spordialade 1972.a. parimaks Eesti NSV võistkonnaks.

P. Mardna saavutas koos A. Paaliga 1971. a. roolijata kahepaadil hõbemedali, G. Kinko tegi aga ilma veel hulka aastaid. 1973. a. saavutas ta roolijata neljapaadil koos majandusteaduskonna üliõpilase Jaan Ratassepa, Toivo Ormissoni ja Toivo Zoovaga hõbemedali. 1975. a. NSV Liidu rahvaste VI suvespartakiaadil Moskvast Krõlatskoje sõudekanalil korraliti seda saavutust. Kinko võitis koos Ormissoniga samadel võistlustel hõbemedali ka roolijata kahepaadil ajaga 6.46,2. Võitjate ukrainlaste aeg oli 6.43,8.

1976. a. tuli Kinko koos pärnaka Tiit Helmjaga roolijata kahepaadil teistkordselt NSV Liidu tšempioniks. Samal aastal Montreali olümpiamängudel tulid nad seitsmendaks.

1977. a. võitis Kinko koos Helmjaga hõbemedali, Ratassepp aga roolijata neljapaadil pronksi koos Raul Arnemanni, Toivo Zoova ja Arvi Rajaga /4/.

1978. a. saavutas Kinko roolijata neljapaadil hõbemedali koos Tiit Helmja, Toivo Zoova ja Juhan Paaloga /5/.

Viimase medali sai Kinko 1979. a. NSV Liidu rahvaste

VII suvespartakiaadil Moskvas kompromissitus võistluses tänu tugevale lõpuspuurdile - kahesel roolijata paadil koos Helmjaga. See oli 37-aastasele sportlasele ilus finaal. Lõõbunud tippsportlast, lõpetas ta kaks aastat hiljem pikaleveninud õpingud TRÜ-s.

1978. a. sügisel asus kehakultuuriteaduskonda õppima Reet Palm. Ta oli varem tulnud NSV Liidu meistriks kolmel aastal: 1976. ja 1978. paarisaerulisel roolijaga neljapaadil ja 1977. a. paarisaerulisel kahepaadil. 1979. a. võitis ta NSV Liidu rahvaste VII suvespartakiaadil paarisaerulisel roolijaga neljapaadil eessõudjana kuldmedali ja samal aastal MM-võistlustel Austraalias pronksmedali.

Edasi järgnesid 1981. a. paarisaerulisel roolijaga neljapaadil pronksmedal, 1982. a. kaheksapaadil hõbemedal ja 1983. a. NSV Liidu rahvaste VIII suvespartakiaadil ühepaadil hõbemedal.

Reet Palmi vanem õde, kehakultuuriteaduskonna üliõpilane Mari Palm võitis 1978. a. paarisaerulisel roolijata neljapaadil pronksmedali. Vahetult enne ülikooli astumist oli ta 1977. a. võitnud pronksmedali paarisaerulisel kahepaadil.

Kokku on TRÜ üliõpilased ja vilistlased võitnud NSV Liidu meistrivõistlustel sõudmises 20 medalit, neist 3 kuld, 10 hõbedat ja 7 pronksi. Kõige rohkem medaleid on võitnud G. Kinko - 9.

Treeningukoormused kasvasid seitsmekümendate aastate keskel järsult. Näiteks Kinkol kilometraaž (sõudmine, jooks, suusatamine): 1972. a. - 3500; 1973. a. - 3800; 1975. a. - 4000; 1976. a. - 6000. Treeningute arv nädalas suurenes seitsmeteistkümnele (3 korda päevas, laupäeval 2 korda, pühapäeval puhkepäev). Sellise koormuse juures on õppimine väga raske. Seepärast on olnud ka juhtumeid, kus üliõpilane ei tule toime õppetööga ja eksmatrikuleeritakse. Kuid üldiselt, hoolimata sellest, et õpingud venivad pikale, jõuab enamik üliõpilasi-tippportlasi edasi ja lõpetavad ülikooli tublide spetsialistidena.

K i r j a n d u s

1. Agu P. Peeter Marjona meistersportlaseks. - Edasi, 1961, 22. juuli.
2. Agu P. Pronksmedalist jäi pisut puudu. - Edasi, 1962, 27. juuli.

3. Kurul J. Gennadi Kiritšenko ja Toivo Ormisson võitsid pronksmedali. - Edasi, 1970, 19. aug.
4. Kreilis A. Kulda, hõbedat ja pronksi. - Spordileht, 1977, 25. juuli.
5. Maksimov V. Reet Palm kolmandat suve kullal. - Spordileht, 1978, 24. juuli.

TRÜ JA HELSINGI ÜLIKOOI SIDEMED KERGEJÕUSTIKUS

A. Pisuke

Tartu ülikooli spordisidemed kergejõustikus Helsingi Ülikooliga ulatuvad Teise maailmasõja eelsesse aega. Alates 1926. aastast kohtusid Eesti üliõpilassportlased 9 korral Soome üliõpilastega SELL-i mängude raames (Soome - Eesti - Läti - Leedu üliõpilasmängud). Kui kaheksal korral järjest olid Tartu üliõpilaste ees võidukad Soome üliõpilassportlased, siis viimastel, 1938. a. mängudel võitsid eestlased. Võistkonda kuulusid ka sellised kuulsused nagu Juhan Sütiste ja Gustav Sule.

Tartu Riikliku Ülikooli ja Helsingi Ülikooli sõprusvõistluste traditsiooni algusest saame rääkida alates 1957. aastast. Sellel aastal toimus vastvalminud TRÜ staadionil esimene kergejõustiku matškohtumine. Võisteldi 27 alal, neist 9 naiste alad. Edasi võisteldi ühel aastal Helsingis, teisel Tartus. Vaid 1959., 1960., 1962. ja 1963. aastal ei peetud mitmesugustel põhjustel võistlusi. Viimane matškohtumine oli aga 1983. a. Seega on TRÜ ja Helsingi Ülikooli kergejõustikuvõistkonnad siiani kohtunud 23 korral (tabel 1), neist kümnel korral Tartus, ühel Tallinnas (1973) ja ühel Käärikul (1981). Üheteistkümmel korral on sama võistlus toimunud Helsingis.

Aastate jooksul on võistlusprogrammi korduvalt muudetud. Kui 1974. aastani võisteldi kahel päeval, siis alates 1975. aastast lühendati Helsingi Ülikooli taotlusel võistlusprogrammi ning võistlused peeti ühe päeva jooksul. Vähenes ka võistkonna suurus 35 - 37-lt 22 - 25 sportlaseni. Viimati märgitud aastal saabus Helsingi Ülikooli spordidelegatsioon Tartusse koguni ilma naisvõistlejateta.

Kuigi kõigi matškohtumiste võistkondlik paremus - 19 : 4 - räägib TRÜ võistkonna suurest edust, olid ometi enamik võistlusi väga tasavägised ning pingelised. Nii on kolmel korral matškohtumine lõppenud vaid ühepunktilise paremusega, neist kahel korral Tartu kasuks. Suurim võistkondlik punktivahe oli 1973. a., mil TRÜ edestas vastasvõistkonda 52 punktiga.

Huvi pakub veel kergejõustiku üksikaladel saavutatud esikohtade jälgimine, kus pilt on tasavägisem. TRÜ kergejõustiklased on edestanud Helsingi Ülikooli konkurente 15 korral viimaste 8 vastu (tabel 1). Helsingi Ülikooli kergejõustiklased on suhteliselt edukamad olnud viimasel aastakümnel (4 üksikalade võitu), kui võisteldi juba lühendatud programmiga. Kokku on matškohtumiste ajaloos TRÜ kergejõustiklased võitnud 315 esikohta Helsingi Ülikooli sportlaste 217 vastu. Suurim oli TRÜ sportlaste löögijõud aastatel 1967 - 1969: nad võitsid kolm korda rohkem esikohti kui võistluspartner. Sel ajal kuulus TRÜ võistkonda ka kõige enam üleliiduliselt ja rahvusvaheliselt tunnustatud kergejõustiklasi (Mart Paama, Kalju Jurkattamm, Kaupo Metsur, Ants Nurmekivi, Helgi Mägi jt.).

Järgneval kahel aastal tabas ülikooli kergejõustiklasi mõõn. Jäädi Helsingi Ülikooli sportlastele alla nii võistkondlikult kui ka võidetud esikohtade arvult. Üheks põhjuseks oli mitmete nimekate kergejõustiklaste lahkumine ülikoolist või tiptaseme minetamine. Vääriline järelekasv aga veel puudus.

Kergejõustiku tiptaset ühes või teises kõrgkoolis iseloomustab üksikalade rekordite, esikohtade ning võistlustulemuste analüüs (vt. tabel 2).

Rekorditabelist nähtub, et matškohtumiste ajaloos võistluskavas olnud 18 meeste alast kuulub 13 alal rekord TRÜ sportlastele, 5 alal helsingilastele. Naiste alasisid on kavas olnud 10, neist kuuel on rekordiomanikuks taas meie ülikooli kergejõustiklased. Et ülikooli kergejõustiku õitseng oli ajavahemikus 1960 - 1970, kinnitab fakt, et sellesse perioodi langeb ligi 60 % TRÜ sportlaste püstitatud matškohtumiste rekorditest. Siinjuures tuleb märkida, et enamikul juhtudel jäävad TRÜ - Helsingi Ülikooli matškohtumiste rekordid alla nende ülikoolide kergejõustikurekorditele. Peamiseks põhjuseks on matškohtumiste hiline aeg (traditsiooniliselt septembrikuu lõpp - oktoobri algus), kus sportlased on minetanud oma tippvormi ning ilmatingimused sageli epasoodsad. On isegi juhte, kus matškohtumine kulges lumesajus. Eriti suured erinevused on keskpikamaajooksjate rekordites.

Matškohtumiste vanim rekord on naiste 200 m jooksus, mille Linda Kepp-Ojastu püstitas teisel matškohtumisel (1958. a); viimasest, s.o. 1983. aastast pärineb aga Ain Evardi kõrgushüpperekord. Üksikalade võidutulemuste analüüs näitab, et meeste 100 m võitis 1964. a. sellise tänapäevalgi meie vaba-

TRÜ - Helsingi Ülikooli matškohtumiste võistkondlik punktiseis ning võidetud esikohtade arv

Aasta	Koht	Punkte		Võidetud esikohti	
		Tartu	Helsingi	Tartu	Helsingi
1983	Tartu	94,5	84,5	9	8
1982	Helsingi	105	74	12	5
1981	Tartu (Kääriku)	101	76	11	6
1980	Helsingi	86	92	7	9
1979	Tartu	97	82	8	9
1978	Helsingi	89	88	8	9
1977	Tartu	104	73	12	5
1976	Helsingi	97	74	11	5
1975	Tartu	59	58	5	7
1974	Helsingi	157	137	15	13
1973	Tallinn	170	118	19	7
1972	Helsingi	149	145	13	15
1971	Tartu	140	155	10	18
1970	Helsingi	139	156	11	17
1969	Tartu	169	126	21	7
1968	Helsingi	172	124	20	7
1967	Tartu	166	127	21	7
1966	Helsingi	172,5	123,5	18	10
1965	Tartu	176,5	118,5	19	9
1964	Helsingi	159	140	17	11
1961	Tartu	142	143	13	14
1958	Helsingi	163	119	18	19
1957	Tartu	159	129	17	10
Kokku esikohti:				315	217

riigi kergejõustikuvõistlustel harvaesineva tulemusega - 10,4 - Kalju Jurkatamm. Et vaadeldavatel võistlustel on kiirjooksu tase olnud suhteliselt kõrge, nähtub sellest, et viiel korral on 100 m jooks võidetud 10,5 sek või parema ajaga. Seevastu on naiste sama ala olnud suhteliselt tagasihoidlikum. Alla 12,0-sek. tulemisega on võidetud vaid kolmel korral. Üle pooltel võistlustel on võitja aeg olnud 12,5 sek. ja halvem. 200 m jooks oli võistluskavas kuni 1974. aastani. Mehed on viiel korral jooksnud alla 22 sek., naised seitsmel kor-

T a b e l 2

TRÜ - Helsingi Ülikooli matškohtumiste rekordid
 seisuga 1983. a.

Ala	Tulemus ^x	Nimi	Aasta	Kõrgkool
1	2	3	4	5
100 m	10,4	Kalju Jurkatamm	1964	TRÜ
	11,6	Mona-Lisa Strand- vall-Pursiainen	1972	HÜ
400 m	47,7	Markku Taskinen	1974	HÜ
	55,7	Taimi Loov	1981	TRÜ
800 m	1.51,4	Tõnis Matsin	1968	TRÜ
1500 m	3.54,8	Vladimir Netsšajev	1975	TRÜ
5000 m	14.25,2	Jouko Uola	1972	HÜ
110/100 m t/j	14,5	Pekka Huttinen	1966	HÜ
	14,5	Milvi Torim	1972	TRÜ
4 x 100 m	41,7	TRÜ	1967	TRÜ
	48,6	TRÜ	1965	TRÜ
4 x 400 m	3.19,4	TRÜ	1970	TRÜ
400 m t/j	52,9	Rein Tõru	1974	TRÜ
200 m	21,4	Kalju Jurkatamm	1964	TRÜ
	25,0	Linda Kepp-Ojastu	1958	TRÜ
Kõrgushüpe	2.15	Ain Evard	1983	TRÜ
	1.75	Sini Toivonen	1980	HÜ
Kaugushüpe	7.73	Paavo Kivine	1965	TRÜ
	6.11	Krista Arro- Berendsen	1973	TRÜ
Teivashüpe	4.82	Veli Aartolahti	1970	HÜ
Kuulitõuge	19.19	Aleksander Tammert	1977	TRÜ
	15.43	Cristine Barck	1974	HÜ
Kettaheide	54.84	Kaupo Metsur	1970	TRÜ
	44.18	Sinikka Riihelä	1973	HÜ

^x Lugejas on toodud mehed, nimetajas naised.

T a b e l 2 (järg)

1	2	3	4	5
Odavise	84.05	Mart Paama	1965	TRÜ
	47.53	Virve Põldsam	1961	TRÜ
Vasaraheide	63.70	Madis Ainso	1967	TRÜ
Kolmikhüpe	15.59	Esa Rinne	1972	HÜ

ral alla 26 sek. 400 m jooksus on mehed kaheksal aastal jooksnud 48 sekundiga või paremini, naiste tulemus on küündinud kaheksal korral 58 sekundini või olnud parem.

800 m jooks on olnud võistluskavas ainult meestele ning seda 1974. aastani. Siin on paljudel juhtudel toimunud nn. taketikajooksud, kus peardõhk on pandud võidu saavutamisele. Kui 1967. a. võideti tulemusega 2.04,5, siis aasta hiljem oli TRÜ võistleja Tõnis Matsini võidutulemuseks 1.51,4.

Sama pilt nähtub ka 1500 ja 5000 m jooksust. Kui 1958. a. võideti see ala 4.12,6-ga, siis 1975. a. võitis Vladimir Netšajev 3.54,8-ga. 5000 m-s on võitja tulemus varieerunud 14.25,2 ja 15.37,6 piires.

Hüpetest on kaugushüpe taas ala, kus aastatega tulemused eriti ei progresseeru, pigem vastupidi. Viimase kümne aasta jooksul on võitja hüpanud vaid kolmel aastal üle 7 m. Ajavahemikul 1957–1967 on aga vaid ühel aastal võitja tulemus jäänud alla 7 m. Siia ajajärku (1965. a.) kuulub ka matškohtumiste rekord 7.73 meetriga, mis püstitatud TRÜ võistleja Paavo Kivise poolt. Seevastu kõrgushüppes näeme tulemuste tõusutendentsi. Kui esimesel matškohtumisel piisas meestel võiduks 180 cm-st, siis viimasel ületati juba 215-cm kõrgus. Süstemaatiliselt hakati 2-m kõrgusi ületama 1976. aastast alates. Eks muu kõrval soodustas progressi ka floppstiili laialdane levik. Sama võib väita ka naiste kõrgushüppe kohta, kus võitja tulemus on progresseerunud 145 cm-lt 175 cm-le. Naiste kaugushüppes pole samuti tulemused matškohtumistel oluliselt paranenud. Üle 6 meetri (6.01) hüppas Britta Johanson (HÜ) juba 1964. a., matškohtumiste rekord tulemusega 6.11 m (1973) kuulub aga TRÜ sportlasele Krista Arro-Berendsenile. Need on ka senini ainukesed üle 6-m tulemused matškohtumistel. Suhteliselt heast klassist on meeste heidete tulemused, mille eest on head seisnud eeskätt TRÜ kergejõustiklased Mart

Paama, Kaupo Metsur, Aleksander Tammert, Kalev Külv. Odavis- kes püstitas Mart Paama juba 1965. a. 84.05 meetriga mats- kohtumiste rekordi, mis püsib tänini. Üle 80 meetri on visa- tud veel 1967. a. (Mart Paama 80.64) ja 1978. a. (Harto Här- könen 83.26).

Üksikalade võitjate edetabelit juhib TRÜ sportlane Gen- nadi Organov, kes üheksa aasta jooksul on saavutanud 18 ala- võitu (kaasa arvatud teatejooksud). Kaupo Metsur on saavuta- nud 13 alavõitu, kuid seda märksa pikema võistlusstaaži juu- res (ajavahemikus 1957 - 1972). Viimase võistlejastaaž ula- tub koguni 1975. aastani, s.o. 19 aastat.

Naisvõistlejaist on sportliku pikaealisuse musternäiteks TRÜ võistleja Tiina Torop, kes 14 aasta jooksul on saavuta- nud 17 alavõitu.

Kui üksikalade rekordid spordi arengu seaduspärasust sil- mas pidades uuendatakse lühema või pikema aja vältel, siis viimatoodud rekordite uuendamise tõenäosus, arvestades tä- napäeva üha kiiremat elutempot, on märksa väiksem. Kuid eks seda näitavad ehk tulevikus uued seesugused kirjutised nagu käesolev.

A l l i k a d

1. TRÜ - Helsingi Ülikooli matskohtumiste protokollid. TRÜ kergejõustiku kateedri arhiiv.
2. TRÜ - Helsingi Ülikooli matskohtumiste kirjavahetus. TRÜ kergejõustiku kateedri arhiiv.

TRÜ KEHAKULTUURISPETSIALISTID JA SPORTLASED SIDEMEID
LOOMAS NÕUKOGUDEMAA VANEMATE LIIDUVABARIIKIDE
SELLE ALA ESINDAJATEGA AASTATEL 1940 - 1941

V. Lenk

Kodanliku Eesti spordiorganisatsioonidel polnud side-
meid Nõukogude Liidu spordiorganisatsioonidega. Põhjus oli
muidugi kodanlike poliitikute antikommunistlikes vaadetes, kes
kahjuks määrasid ka Eesti Olümpia Komitee ja Eesti Spordi
Keskliidu tegevussuuna. Teisest küljest said takistuseks rah-
vusvaheliste spordiföderatsioonide eeskirjad, millele järgi
föderatsiooni liikmesriigid ei tohtinud pidada spordivõist-
lusi föderatsiooni tegevuses mitteosalevate riikide spordi-
organisatsioonidega. Nõukogude Liit aga hakkas rahvusvahelis-
te spordiorganisatsioonidega suhtlema alles pärast Suurt Isa-
maasõda.

Kodanliku Eesti perioodist on teada ainult Vene NFSV
jalgpallimeeskonna kohtumine Eesti koondisega Tallinnas
1923. a. sügisel. 1930. aastate teisel poolel uuris Tallinna
"Kalevi" käsipallisektsioon Nõukogude Liidu saatkonnas või-
malusi võistluste korraldamiseks NSV Liidus. Eesti Töölis-
spordi Liidu delegatsioon külastas Nõukogude Liitu 1928. ja
1929. a., võistlustel löid kaasa kergejõustiklased, raske-
jõustiklased, jalgpallurid. Sidemed aga katkesid, sest Eesti
Töölisspordi Liidu tolleaegne juhatus langes sotsiaaldemok-
raatliku partei antikommunistlikult meelestatud tegelaste mõ-
ju alla.

1940. a. juunisündmuste järel, pärast Eesti kuulutamist
Nõukogude Sotsialistlikuks Vabariigiks ja eriti pärast Eesti
NSV vastuvõtmist NSV Liidu koosseisu ootas eesti sportlas-
kond kohtumisi teiste liiduvabariikide sportlastega. Kahjuks
on Eesti NSV arhiivides säilinud väga vähe dokumente spordi-
sidemetest teiste liiduvabariikidega aastatel 1940 - 1941,
sest pärast fašistlike okupantide sissetungi asjakohased ma-
terjalid enamikus hävitati, TRÜ spordialane dokumentatsioon
hävis täielikult 1941. a. lahingute käigus. Seepärast peame
plirduma tolleaegses ajakirjanduses avaldatuga ja kasutama
spordiveteraanide meenutusi.

Teemast tervikliku pildi saamiseks tuleb meil vaadelda juunisündmuste järel Eesti kehakultuuriliikumises valitsenud olukorda, tingimuste loomist kohtumisteks teiste liiduvabariikide sportlastega ja TRÜ osa toleaeages spordiliikumises.

Rahvavõimu ajal, mõni päev enne Eesti kuulutamist Nõukogude Sotsialistlikuks Vabariigiks peeti Tallinnas jalgpallimaavõistlus Eesti - Läti. Augustis, juba pärast Balti vabariikide vastuvõtmist Nõukogude Liidu koosseisu kohtusid Kaunas Eesti NSV ja Leedu NSV jalgpallikoondis. Septembri algul korraldati Riias Balti liiduvabariikide jalgpalliturniir. Augusti lõpus oli Tallinnas Eesti NSV - Läti NSV maavõistlus kergejõustikus. Sisuliselt oli tegemist ammu, veel kodanlike spordiorganisatsioonide poolt planeeritud spordivõistluste korraldamisega uue juhtkonna poolt. Seejärel niisugused spordisidemed Läti ja Leeduga katkesid mitmeks kuuks seoses uue, nõukoguliku spordiorganisatsiooni loomisega.

Sidemed teiste liiduvabariikide sportlastega jäid esialgu Punaarmee väeosadega peetavate võistluste tasemele. Esimesed sellekohased teated avaldati ajakirjanduses juba juuli algul Narvast, seejärel Keilast jm. Oluline sündmus oli Kroonlinna Laevastiku Maja jalgpallimeeskonna küllasõit septembri lõpus. Tartu "Olümpia" kohtumine kroonlinlastega tähendas tartlaste esimest kontakti NSV Liidu sportlastega /1/. Esimese NSV Liidu spordiühingu esindusena võistles oktoobri algul Tallinnas Lenigradi "Dünamo" jalgpallimeeskond. Septembris tutvus NSV Liidu spordiliikumise, eriti sportlaste meditsiinilise teenindamisega Villem Reiman /2/, seejärel läks Moskvasse võistlema neljaliikmeline raskejõustiklaste grupp. Oktoobri algul tutvusid Moskvast Nõukogude Liidu spordiliikumise organisatsiooniliste alustega meie spordijuhid Arkadi Uibo ja Albert Luht /3/.

Alles pärast viimati nimetatud sündmust hakati välja töötama konkreetsemat kava Eesti NSV spordiorganisatsiooni viimiseks nõukogulikele rööbastele. Ajavahemikus juulist septembrini suleti (likvideeriti) kodanlikud spordiseltsid, nende asemele asutati uusi seltse, sportlaskond liikus ühest seltsist teise, mõnikord oli tegu ainult juhtkonna ja nime vahetamisega. Mõõtnatult kasvas spordialane entusiasm, kehakultuuriliikumisse tuli juurde tuhandeid töötajaid ja noori. Sadades vabrikutes ja ettevõtetes, samuti koolides asutati spordiringid, valdades tekkisid spordikomiteed. Erilist aktiivsust näitasid üles kommunistlikud noored, kes asutasid

arvukalt komnoorte spordiringe, -rühmi ja -rakukesi. Tekkisid ka asutustevahelised, ühe ametiühingu töötajaid ühendavad spordiseltsid. Ennenägematult arvukalt korraldati kohalikke võistlusi. Kuid sageli kandis niisuguste seltside, ringide ja komiteede asutamine stiihilist iseloomu. Pikapeale hakkas kohalik entusiasm vaibuma, sest puudusid ülevabariigilised võistlused, kontaktid teiste liiduvabariikidega.

Tekkinud olukorra kohta tehti teravat kriitikat ajalehtedes "Kommunist" ja "Noorte Hää". Kirjanik ja töölisspordiliikumise tuntud tegelane Aleksander Antson märkis novembri lõpus ajakirjas "Kehakultuur", et Eesti NSV Kehakultuuri- ja Spordikomitee moodustamine venib, Leedus ja Lätis käib komiteedes intensiivne tegevus juba üle kuu aja, Eestis aga on varem nii energiline tegutsemine raugenud /4/. Meie keskorgani puudumise tõttu jäid tagajärjetuks Läti ja Leedu ettepanekud võistluste korraldamiseks, meie sportlaskonna kohtumised Moskva, Leningradi jt. linnade sportlastega üksiknähtusteks, samal ajal aga mõlema lõunanaabri spordi-delegatsioonid külastasid Moskvat regulaarselt. Tundub, et ühest küljest ei suudetud spordiliikumises 20 aasta vältel kasvanud organisatsioonilisi seisukohti (nii Eesti Spordi Keskliit kui ka Eesti Töölisspordi Liit olid peaaegu ühesuguse struktuuriga) ületada, üle minna organisatsiooni põhimõtteliselt teistsugusele struktuurile. Teisest küljest jäi di esialgu ilmselt passiivsele, äraootavale seisukohale, ootama juhtnööre ülevalt, selle asemel et kiiresti tutvuda üleliiduliste kogemustega ja nende alusel teha konkreetseid ettepanekuid Eesti NSV valitsusele. Seega tippspordi vallas avaldus mõne kuu vältel osaliselt tühikäik. Massispordi suhtes võimaldavad ajakirjandussõnumid jagada A. Antsoni 1940. a avaldatud arvamust, et sporditegevus liigub "... üha tõusvas, endiste aegadega võrreldes märgatavamalt intensiivsemas suunas" /4/.

Eesti NSV Kehakultuuri- ja Spordikomitee asutati 24. detsembril 1940, uue aasta esimesel nädalal kinnitati ka maakondade ja linnade spordikomiteede ajutised esimehed. Nüüd suunati jõupingutused uute struktuursete allüksuste - kehakultuurikollektiivide - loomisele ja ülevabariigiliste spordialade sektsioonide tööerakendamisele. Üleliidulistest spordiühingutest tegutsesid Eestis juba "Dünamo", "Lokomotiiv", "Spartak".

Milline oli TRÜ osa spordiliikumises 1940. a. ülemine-

kuperioodil? Ajakirja "Kehakultuur" esimeses numbris esines pikema artikliga KKI (Kehalise Kasvatuse Instituut) juhataja Mihkel Kask. Populaarne raadiodoktor analüüsis põhjalikult kodanliku Eesti spordiliikumise puudusi ja tegi ettepanekuid sotsiaalreformide kehakultuuri alamkomisjonile /5/.

TRÜ sporditegevus kulges 1940. a. teisel poolel kahes suunas: esiteks, kehakultuurispetsialistide ettevalmistamine ja tegutsevate spetsialistide kvalifikatsiooni tõstmine ning teiseks, kogu üliõpilaskonna kehalise kasvatuse korraldamine ja sporditegevuse organiseerimine.

Esimese tööloigu kohta märkigem järgmist. Kodanliku Eesti haridusjuhtide kava järgi polnud 1940. a. KKI-sse vastuvõtu ette nähtud. Pärast Eesti NSV väljakuulutamist astusid uued spordijuhid energilisi samme ja 6. augustil kirjutas haridusminister Johannes Semper alla uuele üliõpilaste vastuvõtmise määrusele, mille kohaselt arstiteaduskonna kehalise kasvatuse osakonda pidi vastu võetama 10 üliõpilast. Hiljem asi muutus - soovivaaldusi laekus 43, katsetele ilmus 32, vastuvõtnormiks oli 30, tegelikult võeti vastu 29 üliõpilast, neist uutena 17 ja endiste üliõpilastena 12 inimest. Nende hulgas oli mitmeid Eesti tuntumaid sportlasi: Valter Kalam, Oskar Erikson, Evald Kree, Selma Liiv, Olev Salum jt. Oktoobri algul võeti ülikooli täiendavalt vastu veel 71 uut üliõpilast, neist KKI-sse 8 inimest /6/. Seega asus 1940. a. oktoobris spordispetsialisti kutset omandama 37 üliõpilast. Ilmselt tegeleti sügissemestril uute õppekavade väljatöötamisega NSV Liidu kõrgkoolide vastavate programmide põhjal, sest määrus ülikooli ülemineku kohta uutele õppekavadele avaldati ajakirjanduses 7. oktoobril /7/.

Kvalifikatsiooni tõstmiseks korraldas Tartumaa Spordiliit detsembril lõpus KKI baasil Nõukogude Eestis esimesed kursused spordijuhtidele. Täienduskursust juhatas TRÜ õppejõud Johannes Laidvere, loengute ja praktiliste tundide peamine koormus langes KKI õppejõududele: Herbert Niiler, Ergo Rannaste, Hoido Luuk jt. Sporditervishoiust ja spordiviigastuste vältimisest kõneles arstiteaduskonna õppejõud Riho Roots, poliithariduslikel teemadel prorektor Kristjan Kure. Kursuslased said ülevaate sotsialistliku kehakultuuri- ja spordiliikumise struktuurist, VTK kompleksist, nõukogude kehalise kasvatuse süsteemist jne. 135st osavõtjast pälvis pärast kirjalikke töid asjakohase tunnistuse 112 inimest. Kursuslaste enamik pärines Tartumaa valdadest, nende hulgas li-

gi 60 valla spordiinspektori kandidaati. Ajakirjanduses märgiti, et "... kursused jäävad ainulaadseiks oma põhjalikkuse tõttu" /8/. Niisugune hinnang tõendab KKI õppejõudude kompetentsust NSV Liidu kehakultuuriliikumise põhiseisukohtades. Ja teine hinnang KKI õppejõududele: ülalmärgitud kursuste käigus edutati kursuste juhataja J. Laidvere äsjamoodustatud NSV Kehakultuuri- ja Spordikomitee õppesportiosakonna juhatajaks.

Teises tööloogis oli peamine ülesanne I ja II kursuse üliõpilaste kohustusliku kehalise kasvatuses korraldamine. Selle kohta märgiti, et on teostunud spordisõprade ammune unistus. Õppetöö toimus VTK kompleksile põhineva üleliidulise programmi järgi, mille kohaselt 160tunnine maht kahe õppeaasta kohta oli jagatud järgmiselt: loenguid 10, võimlemist 60, suusatamist 40 ja käsitsivõitlust 48 tundi. Juba 17. oktoobril (mõni nädal pärast õppetöö algust) märgiti kohalikus ajalehes, et üliõpilased võtavad suure agarusega osa kehalise kasvatuses tundidest. Mõnedesse tundidesse olevat ilmunud nii palju üliõpilasi, et tulnud rakendada üheaegselt koguni kaks spordiõpetajat. Samas rõhutati, et kehalisest kasvatuses lubatakse osa võtma ainult terveid üliõpilasi. Tervisliku seisundi määramisega tegeles kümnekond arsti. Esmakordselt hakati semestri lõpus üliõpilasi kehalises kasvatuses hindama, isegi eksamineerima, kusjuures märgiti, et eksamid on ainult praktilised /9/. Tolleaegse noore õppejõu Fred Kudu meenutuste kohaselt oli KKIis ametis 10 spordiõpetajat.

Kehalise kasvatuses kõrval juhendas KKI ka üliõpilaskonnas isetegevuslikku spordiliikumist. Laialisaadetud Eesti Akadeemilise Spordiklubi (EASK) juhatuses asemel valiti Tartu ASK uude juhatuses esimehena M. Kask, abiesimehena 2. diviisi poliitjuht P. Hubel, liikmeteks H. Niiler, H. Viljak, J. Laidvere, F. Issak ja R. Kiipsaar. Oktoobri keskel nimetati uut organisatsiooni Tartu Ülikooli Spordiseltsiks (TÜS). Ajalehes teatati, et TÜSi juures "... alustavad tööd riistvõimlemise, võrk- ja korvpallimängu, võimlemise, poksi, vehklemise, raskejõustiku ja jiu-jitsu grupid". Samas avaldati harjutustundide ajad ja kohad ning treeningute juhendajate nimed. Harjutama kutsuti ka vanemate kursuste üliõpilasi. Treenerite enamus kuulus KKI õppejõudude perre. Mõni päev hiljem teatas ajakirjandus üliõpilaste poksi- ja vehklemiskursuste ning kerjõustiklaste ja seejärel talisportlaste treeningute algamisest. Detsembris rajati F. Kudu eestvõtmisel Kassitoomele 17 m suusahüppemägi. Ajaleheartiklis öeldi, et ühe kuuga

tehti selles valdkonnas rohkem kui kodanlikus ühiskonnas mitmekümne aastaga /10/.

TÜS kuulutas välja ENSV kõrgkoolide esimesed kergejõustikusivõistlused. Oktoobri keskpaiga ilmastikuolude tõttu võistlesid ainult kõige karastatumad KKI üliõpilased ja õppejõud. Sügishooaja peamine tegevus toimus aga võimlates, kus kõige rohkem võistlusi peeti korv- ja võrkpallis. Kolmekordne Eesti meistermeeskond korvpallis - EASK - esines nüüd "Sõpruse", hiljem "Dünamo" nime all. Tartu Ülikooli Spordiseltsi käsipallurid pidasid mitu sõprusvõistlust Tartu ja Tallinna võistkondadega, kusjuures Tartus võistlesid omaette veel KKI võistkonnad. Detsembri keskel peeti Tartus traditsioonilised käsipallivõistlused Tartu ülikooli ja Tallinna Tehnikaülikooli õppejõudude vahel /11/.

1940. a. puudusid TRÜ spordispetsialistidel ja üliõpilassportlastel otsesed sidemed ja isiklikud kontaktid teiste liiduvabariikide ametikaaslastega. Ainukese erandi moodustas rahvusvaheline malesuurmeister, matemaatikaüliõpilane Paul Keres, kes septembris võttis osa NSV Liidu malemeistrivõistlustest, kus saavutas 4. koha. Kuid temal olid Nõukogude malletajatega sõlmitud isiklikud kontaktid veelgi varasematest turniiridest.

1941. a. suvehooaja eel tehti teatavaks NSV Liidu eelmise hooaja edetabelid kergejõustikus. Nn. korrespondentsvõistluste vormis (omavahel ju jõudu ei proovitud) selgus, et Eesti NSV kergejõustiklased asusid Nõukogude Liidus Moskva järel teisel kohal. TRÜ üliõpilastest ja õppejõududest pääsesid Nõukogudemaa kümne parema hulka Fred Kudu (kaugushüppes 2. - 7.25), Olev Salum (kolmikhüppes 3. - 14.48), Paul Määrits (kettaheitel 4. - 47.02), Oskar Erikson (kettaheitel 7. - 46.97) ja Friedrich Issak (odaviskest 2. - 68.66). Avaldatud edetabelid innustasid TRÜ kergejõustiklasi treeningutel.

Võistlemisvõimaluste poolest olid paremas olukorras korvpallurid. NSV Liidu Kehakultuuri- ja Spordikomitee saatis noortele Balti liiduvabariikidele kutsed võtta osa väga populaarsest linnadevahelisest (8 linna) turniirist kogu Nõukogudemaa paremiku osavõtul. Eesti NSV Kehakultuuri- ja Spordikomitee otsustas turniirile pääsemiseks korraldada Tallinna ja Tartu meeskonna vahel katsematši. Mäng peeti 5. märtsil 1941 TRÜ võimlas rekordilise pealtvaatajaskonna ees ja lõppes Tartu meeskonna võiduga 38 : 28 /12/.

Märtsi lõpus toimus Leningradis turniir, mis köitis tähelepanu kogu Nõukogude Liidus. Ühelt poolt viis vanemate liiduvabariikide meeskonda, kes olid harjunud mängima ainult omakeskis (ikka see rahvusvaheliste spordiföderatsioonide piirang) ja rahvusvahelistest erinevate reeglite järgi. Ja teiselt poolt rahvusvaheliste kogemustega Balti liiduvabariikide meeskonnad, nende hulgas Euroopa 1937. ja 1939. a. meister Leedu ja Euroopa 1935. a. meister Läti.

Tartu meeskonda kuulus 8 mängijat, neist 6 olid kauaegsed ülikooli spordiklubi liikmed, paljukordsed rahvusmeeskonna mängijad (Oskar Erikson, Voldemar Erikson, Heino Veskiila, Robert Keres, Evald Mahl, Ralf Viksten) ja 2 noormängijat "Lokomotiivist" (Ilmar Kullam, Edgar Naarits). Meeskonda juhendas KKI asejuhataja H. Niiler. Tartlased võitsid Kaunase 38 : 20 ja Moskva 28 : 11, siis kaotasid Leningradile 22 : 30, seejärel alistasid Riia 23 : 20, Odessa 32 : 23, Tbilisi 36 : 29 ja Bakuu 37 : 25. Kokkuvõttes esikoht. Järgnesid: 2. Tbilisi, 3. Riia, 4. Moskva, 5. Leningrad, 6. Kaunas, 7. Bakuu, 8. Odessa.

Nõukogudemaa spordiajaleht "Krasnõi Sport" avaldas turniiri kokkuvõtte pealkirjaga "Suurepärase tehnika ja taktika võit". Tartlaste mängu kirjeldati pikalt, lõpuloigus kirjutati: "Tartu meeskonna taktika väärrib, et teised korvpallimängijad selle tõsiselt ja põhjalikult selgeks õpiksid. Eriti hästi on meeskonnal teostatud maa-alakaitse, kiire dribling ja ühe käega vise hüppelt " /13/.

Herbert Niiler oma turniiriaegsetes ja -järgsetes intervjuudes ja artiklites analüüsis korvpallimängu olukorda meil ja kogu Nõukogude Liidus. Taktikas märkis ta Baltikumi meeskondade teatud üleolekut, eriti kattemängus. Tehniliselt pidas paremateks Tartut, Moskvat ja Riia. Korvpallispetsialist märkis vanemate liiduvabariikide meeskondade üleolekut kehalises ettevalmistuses, eriti kiiruses, ja meie mahajäämüst ka kaugvisete täpsuses. Ta pidas lõppenud turniiri raskeimaks kogu Eesti korvpalliajaloos. Vaatamata esikohale arvas H. Niiler, et meeskonda võib pidada Nõukogudemaal ainult hooaja parimaks, mitte absoluutseks tšempionmeeskonnaks. Turniiri käigus kutsuti Tartu meeskonda võistlema Moskvasse, Kiievisse ja Tbilisisse. Pärast võistlusi peeti treenerite seminar ja üleliiduline nõupidamine Nõukogudemaa korvpalli maailmatasemele viimise teemal. Seminaril tegi ettekande ka H. Niiler. Teatava üllatusena märkas ta vennasvabariikide tree-

nerite ja üleliiduliste korvpallijuhtide käes ka oma 1938. a. ilmunud eestikeelset korvpalliõpikut. Nõupidamisel arutati suvehooaja võistluskalendrit ja otsustati NSV Liidu meistrivõistlused pidada augusti algul Dnepropetrovskis. Sellest tähtajast lähtudes kavandati Tartu meeskonna võistlusreis vennasvabariikidesse juulis ja augustis. ENSV Spordikomitee aseesimees A. Luht teatas ajakirjanduse kaudu Moskva spordijuhtide arvamusel, et tartlased võitnud üldise poolehoiu mänguuskuse kõrval ka distsiplineeritud käitumise ja esinemisega /14/.

Need hinnangud ja arvamusel räägivad sellest, et TRÜ baasil ja KKI spetsialistide abil loodud ja ette valmistatud Tartu korvpallimeeskond tutvustas vääriiselt noore nõukogude vabariigi spordiliikumist. Meie korvpallitreenerid ja mängijad võitsid autoriteedi juba esimesel kokkupuutel nõukogudemaa korvpalliparemiikuga. Leningradis saadud kogemusi ja üleliidulisi seisukohti jagas H. Niiler juba kümnekonna päeva pärast meie vabariigi spordiaktiivile /15/.

Enne Leningradi turniiri olid lõpule jõudnud Tartu esivõistlused korv- ja võrkpallis. KKI esines oma võistkondadega ja edukalt. Linna meistri nimetuse said KKI võrkpallinaiskond ja korvpallimeeskond, 3. kohaga pidid leppima korvpallimeeskond ja võrkpallinaiskond. Teiste teaduskondade üliõpilasi esines linna spordiühingute võistkondades, eeskätt "Dünamos" ja "Spartakis".

Aprilli algul peeti Tallinnas ENSV korvpallimeistri võistlused. KKI naiskond saavutas 2. koha, meeskondadest võitis Tallinna "Dünomo" Tartu "Dünamo" (viimases mängisid kaasa üleliidulise turniiri võitjad!) ees. Veidi hiljem olid TRÜ võimlas ENSV võrkpallimeistrivõistlused. KKI meeskond jäi 4. kohale pärast nappe kaotusi (geimid 15 : 17, 14 : 16, 13 : 15 jne.). Ajakirjanduses märgiti, et turniiri kõige huvitavamaid mängu esitas Tartu KKI meeskond, eeskätt mänguinnu poolest /16/.

Aprilli lõpus sõitsid Kaunasesse Balti liiduvabariikide korvpalliturniirile Eesti NSV meistervõistkondade baasil komplekteeritud Tallinna koondised. Naiskondadest sai Eesti Leedu järel 2. koha. Meeskonnad lõpetasid võrdselt ühe võidu ja ühe kaotusega. Võitjat välja ei kuulutatud, vaid otsustati korraldada uus turniir /17/. Korvide vahe arvutamisel tulnuks võitjaks Läti, teiseks Leedu ja kolmandaks Eesti. Tartlasi Balti turniiril ei võistelnud.

Ülikoolis jätkus hoogne spordialane tegevus. Jaanuari teisel poolel ja veebruari algul viibisid Pühajärve puhkekodus suusalaagris KKI üliõpilased (neid loeti nüüd juba 42). Laagrit juhatas H. Niiler, õppejõududeks olid F. Kudu, E. Rannaste, Ella Kudu, H. Luuk, Hans Juurup. Laagri tegevust tutvustati mitmes ajalehes ja ajakirjas, tehti isegi kroonikafilm. Üliõpilased tegid kaasa ka ENSV esimestel suusameistrivõistlustel. Mais täitsid KKI üliõpilased esimestena TRÜs Vorošilovi laskuri märginormid. Esimestena meie vabariigis said kätte VTK märgi KKI õppejõud F. Kudu, E. Kudu, H. Juurup.

Esmakordselt ülikooli ajaloos hakati korraldama teaduskondadevahelisi võistlusi. Näiteks meeste 4 x 10 km teatesuusatamises võitis arstiteaduskond põllumajandusüliõpilaste ees. Naiste võrkpallivõistluste finaalis alistas arstiteaduskond koguni KKI. Meeste võrkpalli võitis KKI pärast korduskohtumist põllumajandusteaduskonnaga. Meeste korvpallivõistluste finaalis sai KKI alles lisaajal ühe punktiga jagu õigusteaduskonnast.

Aprilli lõpus peeti järjekordsed korv- ja võrkpallikohtumised TRÜ ja Tallinna Tehnikaülikooli koondiste vahel.

Besti NSV Ülemõukogu istungjärgul 1941. a. veebruaris eraldati riigieelarvest kehakultuuri tarbeks 1,653 miljonit rubla ehk 35 korda rohkem, kui kavatses 1940/41. aastaks eraldada kodanliku Eesti valitsus. Summad olid ette nähtud võistluste ja treeningulaagrite korraldamiseks, kehakultuurlaste paraadist osavõtuks Moskvas ja muudeks üritusteks.

Juuni algul valiti 300 kandidaadi hulgast välja 130 meest ja 70 naist, kes kuu keskel asusid õppelaagrisse, et õppida selgeks juulikuises Moskvas Punasele väljakule kavandatud kehakultuurlaste paraadi võimlemiskava /18/. Võimlejate hulgas oli esindatud ka TRÜ. Samal ajal olid Narva-Jõe suus suvelaagris KKI üliõpilased. Paljude alade sportlased valmistusid kohtumisteks vennasvabariikide sportlastega. Ent algas Suur Isamaasõda ...

Juuni lõpus kuulutas üks ENSV spordijuhte J. Laidvere: "Me katkestame esialgu ka Besti NSV piirkonnas kõik spordivõistlused ..." /19/.

A l l i k a d . K i r j a n d u s

1. "Olümpia" - Kroonlinna Maja 4:3. - Tartu Kommunist, 1940, 28. sept.
2. Spordiarsti muljeid NSV Liidust. - Noorte Hääl, 1940, 26. sept.
3. Delegatsioon Moskvasse. - Noorte Hääl, 1940, 4. okt.
4. Antson A. Uued tööülesanded kehakultuurlastele. - Kehakultuur, 1940, nr. 10, lk. 319 - 321.
5. Kask M. Kehakultuuri arendamine tähtsamaid riigi ülesandeid! - Kehakultuur, 1940, nr. 1, lk. 18 - 19.
6. Tähtsaid muudatusi ülikooli vastuvõtmise korras. - Kommunist, 1940, 8. aug.; Tartu Ülikool täna uue elukünnisel. Tartu Ülikooli 427 uut üliõpilast. - Tartu Kommunist, 1940, 30. sept.; Veel 71 uut üliõpilast. - Tartu Kommunist, 1940, 9. okt.
7. Tartu Ülikooli uutele õppekavadele ülemineku korraldamise määrus. - Tartu Kommunist, 1940, 7. okt.
8. 112 õpetatud spordijuhti Tartu ja Tartumaale. - Tartu Kommunist, 1940, 30. dets.
9. Laidvere J. Tartu üliõpilaste kehaline kasvatus. - Kehakultuur, 1940, nr. 9, lk. 299 - 300. Üliõpilaste hoogne kehakultuuritöö. - Tartu Kommunist, 1940, 17. okt.; Eksamid kehalises kasvatuses. - Tartu Kommunist, 1940, 29. dets.
10. Spordiseltside uusi juhte. - Kommunist, 1940, 21. aug.; Kõik üliõpilased Tartu Ülikooli Spordiseltsi ümber. - Tartu Kommunist, 1940, 15. okt.; Tartus valmis suusahüppemägi. - Tartu Kommunist, 1940, 28. dets.
11. Naiskergejõustiklased ületasid rekordi. - Tartu Kommunist, 1940, 14. okt.; Professorid võistlesid käsipallis. - Kommunist, 1940, 18. dets.
12. Tartu võitis Tallinnat 38 : 28. - Tartu Kommunist, 1941, 6. märts.
13. "Krasnõi Sport" Tartu korvpallivõidust. - Rahva Hääl, 1941, 4. apr.
14. Niiler H. Kaheksa linna turniir. - Kehakultuur, 1941, nr. 8/9, lk. 238 - 242; Tartu võitis Leningradi suurturniiri. - Rahva Hääl, 1941, 31. märts; Võidukas Tartu korvpallimeeskond saabus kodulinna. - Rahva Hääl, 1941, 2. apr.
15. Ioeng Leningradi korvpalliturniirist. - Noorte Hääl, 1941, 11. apr.

16. Tallinna "Dinamo" - kahekordne korvpallimeister. - Rahva Hääl, 1941, 15. apr.; ENSV meistrivõistlused võrkpallis. - Kehakultuur, 1941, nr. 10, lk. 291.
17. Üllatustulemused Kaunase kolmikturniiril. - Rahva Hääl, 1941, 28. apr.
18. 303 võimlejat. - Noorte Hääl, 1941, 5. juuni.
19. Laidvere J. Kehakultuurlaste read koomale kodumaa kaitsmiseks. - Noorte Hääl, 1941, 28. juuni.

TRÜ KEHALISE KASVATUSE ÕPPEJÕUDUDE
KVALIFIKATSIOONITÖSTMISE TEADUSKONNA SIDEMETEST

A. Vaiksaar

I

Tartu Riiklikul Ülikoolil on oma kehakultuuriteaduskonna kaudu läbi aegade olnud laialdased kehakultuurialased suhted paljude NSV Liidu õppeasutustega. Kui 1960. aastateni oli peamiseks koostöövormiks sporditegevus, siis kuuekümnendatel aastatel lisandus teadusalane koostöö. Eriti ulatuslikuks muutusid koostöösuhted pärast kehalise kasvatusõppejõudude kvalifikatsioonitöstmise teaduskonna asutamist 1970. aastal. 15 aasta jooksul on end siin täiendanud ligi 2000 õppejõudu kõikidest liiduvabariikidest.

T a b e l 1

Kuulajate ametialane põhitegevus	1970 -1975	1976 -1980	1981 -1984	Kokku 1970-1984
I. Kehalise kasvatusõppejõud	512	284	220	1016
II. Kehalise kasvatuskateedrite juhatajad	-	444	300	744
III. NSV Liidu pedagoogiliste instituutide kehalise kasvatus teaduskondade erialaste õppejõud	-	-	167	167
Kokku kuulajaid:	512	728	687	1927

Aja jooksul on õppe- ja koostöösuhted mitmekesistunud. Aastail 1970-1975 kuulusid TRÜ täiendusteaduskonna piirkonda Valgevene NSV ja Balti liiduvabariikide kõrgkoolid, alates 1976. aastast Balti liiduvabariikide ja Kaliningradi oblasti õppeasutused. Ühtlasi lisandus uus ülesanne - NSV Liidu kõrgkoolide kehalise kasvatuskateedrite juhatajate seminarnõupidamiste korraldamine. Viimased on kateedrijuhatajate ametialase täiendusõppe põhivormiks. Kahe aasta jooksul toimus

kokku neli seminari, kus osales 444 kümne erineva profiiliga kõrgkooli kehalise kasvatuse juhti. Põhiliselt Kääriku õppe-sportibaasis korraldatud õppetöö, mille põhisisuks oli õppe-teadustöö korraldamine ja juhtimine kateedris, tutvumine TRÜ kogemustega ning meie vabariigi kultuurieluga, pälvis osa-võtjate heakskiidu. Seminarid jätkuvad ka uues tsükliis.

1983. aastal alustati NSV Liidu pedagoogiliste insti-tuutide kehalise kasvatuse teaduskondade eriainetes õppejõu-dude täiendusõppega.

TRÜ juures täiendasid oma teadmisi 56 õppeasutuse õppe-jõud kaheksast liiduvabariigist, mis tähendas tööalaste su-hete geograafia märgatavat laienemist.

T a b e l 2

Kuulajaid linnast	Linnade arv	Enamesindatud linnad
üle 150	1	Minsk
100-149	1	Riia
75-99	1	Vilnius
50-74	3	Moskva, Tallinn, Kaunas, Gomel
25-49	3	Leningrad, Brest, Vitebsk
15-24	9	Kiiev, Alma-Ata, Taškent, Harkov, Novosibirsk, Odes- sa, Gorki, Mogiljov, Dau- gavpils
10-14	6	Dnepropetrovsk, Krasno- jarsk, Kuibõsev, Sverd- lovsk, Grodno, Karaganda, Šiauliai
5-9	18	Kokku 142 linnast 15 lii- duvabariigist
3-4	79	
kuni 2	45	

Kehalise kasvatuse kateedrite juhatajate seminarinõupidä-miste efektiivsust spordikultuuri vahendajana iseloomustab tähelepanu Tartu Riiklikus Ülikoolis kujunenud naisvõimlemis-koolkonna vastu. Seminaridel on tutvustatud naisvõimlemist ja selle võimalusi kõrgkooli kehalise kasvatuse süsteemis. Viimase kolme aasta jooksul on sellega tutvuma saadetud õp-pejõude ligi sajast kõrgkoolist ning lisandunud ühtlasi uus õppetöö vorm - sihtõpe. Seega on pidevad tööalased suhted kok-ku 135 kõrgkooliga kõikidest liiduvabariikidest.

Suur piirkond tingib ka kuulajaskonna kirju rahvusliku koosseisu. Keskmiselt on voorus 15 - 20 rahvuse esindajaid.

II

Täienduskoolituse (TK) laienemisega koos aktualiseeruvad täienduskoolituse pedagoogilis-metoodilised probleemid. Igas hariduskontsentris on kontingendil oma spetsiifika. Koolituse kui sihiteadliku tegevuse arukas korraldamine eeldab nende eripärade tundmist, mis kaasnevad inimese soo ja eaga, aga ka hariduse, kogemuste, tervise, ühiskondliku positsiooni jms. muutumisega. Sedavõrd, kui võrd tuntakse täienduskoolituse kontingendi iseärasusi, on võimalik neid ka teadlikult arvestada.

TK-l osalejad on teistest õppuritest vanemad, suuremate elukogemustega, konkreetsete vajaduste, selgemate otsuste ja suurema vastutuskorma ning kohustustega isikud, kel suur osa koolitarkusest ununenud.

Kui võrrelda TK kontingenti üliõpilastega, tuleb erilisena esile tasakaalukus, kogemuste rohkus, elujärje sisseasetatus, perekond jm. Siit ka suhtumine kursustel pakutavasse. See on neile autoriteetne sedavõrd, kui võrd nad näevad selle rakendatust praktikas, vahendit isikliku kogemuse mõtestamiseks ja edasiminekuks.

Suhtumise iseloom sõltub oluliselt ka kuulaja ametist. Kehalise kasvatus õppejõude huvitab eeskätt praktika. Teooria huvitab neid konkreetse väljundi näol kehalise kasvatus ja sportliku ettevalmistuse protsessi. Kraadi ja kutsega inimesi on nende hulgas vähe, kuid see-eest kohtame palju oma eriala tõelisi entusiaste, elujaatavat hoiakut, tahte- ja järjekindlat tegutsemist.

Kateedrijuhatajaid iseloomustab laiem huviring. Neid pealub kõik, mis on seotud otsuste elluviimisega, kollektiivi juhtimisega, võimu saavutamise, hoidmise ja tugevdamisega. Hoiakult praktilised, teooria suhtes sallivad, kuid ootavad sellelt konkreetset abi.

Eriainete õppejõud näevad enamasti ainult oma eriala. Praktikasse suhtutakse isegi üleolevalt, eriala väljund kehalse kasvatus protsessi neid ei eruta. Kraadi ja kutsega inimesi nende hulgas on suhteliselt kõige enam. Eriainete õppejõududest eraldub spordipedagoogide rühm, kelle mentaliteet on lähedane kehalse kasvatus õppejõudude omale.

TK õppeplaani aluseks on idee anda kuulajaile kompleks-

ne ettekujutus tulevase õpetaja kujundamise protsessist ülevaatlike loengute kaudu kõigis pedagoogiliste instituutide distsipliinides, mis moodustab 60 % TK õppeplaani mahust ja peaks olema küllaldane konkreetse eriala rolli mõistmiseks selle taustal. Eesmärk on anda terviklik maailmapilt ja meetodid erinevate distsipliinide integreerimiseks pedagoogilise protsessi tasandil. Paraku näib see olevat spordipedagoogilise süsteemi nõrgimaks küljeks. Kehakultuurinstituutide õppeplaanides puudub distsipliin, mis pretendeeriks teiste teaduste saavutuste integreerimisele didaktika positsioonilt.

Käesoleva ajani pole avaldatud uurimusi täienduskoolituse kontingendi spetsiifika avamiseks. See on osalt juba kujundanud niisuguse mõtlemisviisi, mille kohaselt kontingendi spetsiifikat ei ole vajagi silmas pidada ja et kontingendi spetsiifika tõttu võib teha või vältida ükskõik mida. Põguski tutvumine teaduskonna kuulajatega kinnitab selle spetsiifika avamise vajalikkust, keerukust ja töömahukust, mida ei saa lahendada üksipäini-paarikesi muude ülesannete kõrvalt. Küsimus on lõpuks täienduskoolituse strateegia kujundamises, mida ja kuidas õpetada, milliseid muutusi kuulajates taotlema, millele orienteerida.

Kunagi lõpetatud kõrgkooli programmi lühendatud korras meeldetuletamisega täienduskoolitus talle pandud ülesandeid ei täida.

Lähtekohad tulenevad koolireformi põhisuundadest, kus rõhutatakse kooli õppe- ja kasvatustöö kvaliteedi tõstmise vajadust. See on eelkõige õpetamise organisatsiooniliste vormide ja meetodite probleem.

Permanentse haridussüsteemi evitamine eeldab õpetaja juhtiva osa suurendamist õpetamisel. Kõrgkooli lõpetanu realiseerub harva üksinda, omaette. Tema teadmised kuuluvad eeskätt teiste inimeste tegevuse juhtimiseks, mitmesuguste protsesside kavandamiseks, organiseerimiseks, seostamiseks, kontrollimiseks, korrigeerimiseks. Aga just juhtimisalast ettevalmistust eriti pedagoogiliste instituutide lõpetanutel ei ole. Osalt seetõttu ei suuda nad ka erialast ettevalmistust rakendada ega saavutada edu.

Eeltoodust tulenevad täienduskoolituse järgmised ülesanded: 1) kuulajate kontingendi spetsiifika uurimine; 2) õppetöö täiustamine kontingendi spetsiifikat ja haridusreformi põhisuundadest tulenevaid ülesandeid arvestades; 3) õppetöö materiaals-tehnilise baasi kaasajastamine; 4) TRÜ kehakultuuriteaduskonna õppetöö kui õppepraktikabaasi täiustamine.

TRÜ NAISVÕIMLEJATE SIDEMETEST TEISTE
NÕUKOGUDE LIIDU KÕRGKOOLIDEGA

L. Martis

Kui 1956. aastal reorganiseeriti Nõukogude Liidu kõrgkoolide kehalise kasvatuse korraldus ja igal üliõpilasel võimaldati tegelda kohustusliku kehalise kasvatuse raames oma meelisalaga, alustas Tartu Riiklikus Ülikoolis tööd naisvõimlemisosakond. Osakonna loomise initsiaatoriteks, esialgse programmi koostajateks ja esimesteks õppejõududeks olid Ethel Kudu ja Hilja Tidriksaar. Tõllal 50 üliõpilasega alustanud kehalise kasvatuse osakond on tänaseks kujunenud 650-liikmeliseks kollektiiviks, kelle tegevust alates 1979. aastast juhib Linda Martis.

TRÜ eeskujul moodustati peagi naisvõimlemisosakond TPedIs ja EPAs. Väljaspool vabariigi piire tutvustati TRÜ naisvõimlemisrühmade tööd 1968. aastal Moskvas dots. E. Kudu juhtimisel. Võõrustajaks oli Moskva Nafta- ja Gaasitööstuse Instituut, kus kehalise kasvatuse õppejõuna töötas TRÜ vilistlane, ped-knd Ksana Benjuh. Õppejõud Svetlana Kramina töö tõttu on see instituut tõusnud Moskva juhtivaks naisvõimlemiskeskuseks. S. Kramina on oma rühmaga, mis 1979. aastal tõusis üleliiduliseks karikavõitjaks, kolmel korral toonud meile külakosti RAT "Vanemuises". Regulaarselt toimuvad sõpruskohtumised Kaunase Veterinaariaakadeemia naisvõimlejatega. Alates 1980. aastast õpetab põllumajandusüliõpilastele naisvõimlemist Ioanna Mesliniene, kes eelnevalt läbis TRÜ täiendusteaduskonna naisvõimlemise kursuse. Teistkordselt tuli ta oma teadmisi täiendada 1984.a., olles juba koduvabariigis tunnustatud spetsialist. Nii Ksana Benjuh kui Svetlana Kramina on oodatud külalislektorid TRÜ kehalise kasvatuse õppejõudude kvalifikatsiooni tõstmise teaduskonnas. Nad on ka ise selle teaduskonna vilistlased.

Täiendusteaduskonna kaudu ongi TRÜ naisvõimlejalatel kujunenud tihedad sidemed paljude Nõukogude Liidu kõrgkoolidega. Esimest korda pidas osakonna juhataja Linda Martis loengu naisvõimlemisest täiendusteaduskonna kateedrijuhatajatest kuulajatele 1979. aastal. Samas oli neil võimalus tutvuda ka

õppejõudude H. Tidriksaare, R. Linkbergi ja L. Martise praktilise töö tulemustega, kuna üliõpilased esinesid Kääriku spordibaasis.

Täna on TRÜ naisvõimlemist tutvustatud sellises vormis ligi viieaajale kehalise kasvatuse ja spordi kateedri juhatajale meie maa eri paikadest. Resonants on olnud ootamatult tugev. Üle kogu Nõukogude Liidu hakkasid saabuma avaldused sooviga tulla Tartuase naisvõimlemist õppima. Esimesena reageeris Moskva Insenerifüüsika Instituudi kateedrijuhataja V. Staršinov, kunagine maailmakuulus hokimängija ja inimese teadusmeh. Ta palus täiendusteaduskonda vastu võtta oma kateedri õppejõu füüsikakandidaati L. Prohhorova. Täna on L. Prohhorova Moskva juhtivate naisvõimlemisspetsialistide hulgas. Sama võib väita ka NSVL Kõrg- ja Keskeriharidusministeeriumi erilool TRÜ täiendusteaduskonnas vettelõppeajast ümberkvalifitseerunud P. Lumumba nim. ülikooli õppejõu P. Issakova kohta. Kõik neli ülalmainitud on TRÜ õppejõudude L. Martise, E. Kudu, L. Uustali, H. Tidriksaare kõrval oodatud ja hinnatud lektorid üleliidulistel naisvõimlemise rühmajuhtide seminaridel, mida regulaarselt korraldavad ametiühingud.

Täna on täienduskoolituse kaudu Tartus õppinud naisvõimlemist spetsialistid ligi 90 Nõukogude Liidu kõrgkoolist. Peale Läti, Leedu ja Valgevene õppejõudude, kes on täiendanud meil oma teadmisi regulaarselt alates 1970. aastast, ja mõningate Moskva (9 inimest) ning VNFSV (7 inimest) kõrgkoolide õppejõudude, kes tulid täiendusteaduskonda ministeeriumi erilool, on alates 1979. aastast nende hulgas veel entusiastide kõigest meie maa üheteistkümmes ajavöötmes asuvast kõrgkoolist. Kaugemate paikadena tuleks nimetada Habarovskit, Irkutskit, Karagandad, Jerevani, Bakuud, Tbilisit, Permi, Saratovit, Ufad jt., rääkimata Kuibõsevist, Gomelist, Užgorodist, Kilevist, Harkovist, Ivanovost, Odessast, Voronežist jm. Niisugune laiahaardelisus on saanud võimalikuks seetõttu, et meie ülikoolis tehtud praktilise ja metoodilise naisvõimlemistöö tunnustusena on TRÜ-le alates 1980. aastast võimaldatud üleliiduline vastuvõtt täiendusteaduskonda varasema regionaalse (ainult Balti liiduvabariigid) asemel.

TRÜ kui naisvõimlemiskeskuse tuntukssaamine üleliidulisel areenil algas E. Kudu, H. Tidriksaare brošüüri "Художественная гимнастика для всех" ilmumisega 1965. aastal. Järgnesid õppevahend "Женская гимнастика" (Moskva, 1967) L. Jaan-

son-Martise toimetamisel ja kõrgkoolide õpik "ТМНАСТРА" (Moskva, 1978) E. Kudu ja L. Jaanson-Martise toimetamisel. Kahtlemata süendas veendumust propageeritava naiste ja tütarlaste kehalise arendamise vahendite süsteemi efektiivsusest eesti naisvõimlejate edu üleliidulistel foorumitel. Nii on TRÜ spordiklubi rühmad (aastatel 1971 - 1979) L. Martise juhendamisel võitnud seitsmel korral üleliidulise ametiühingute karika.

Ilmselt ülalloodud põhjustel käiakse sageli Tartus ülikooli naisvõimlemisosakonnas stažeerimas ja konsultatsioonidel või nõutakse kirja teel meetodilisi juhiseid ning materjale. L. Martisele saabub pidevalt kirju ja väljakutseid kohapeal meetodilise abi osutamiseks, spetsialistide konsulteerimiseks ning rühmaga demonstratsiooniesinemisteks. Spetsialistid teistest kõrgkoolidest räägivad Tartu "joonest", Tartu kooli eripärasest naiste ja tütarlaste võimlemisest, eriti rütmivõimlemisest. Suure õppe- ja ühiskondliku koormuse tõttu on nende palvete ja ettepanekute realiseerimine raskeandatud. Ometi on esinetud mitmel pool: L. Martise rühm Moskvas, Kievis, Kaunases, Tiraspolis, Sverdlovskis, Ivanovos, Tbilisis, Volgogradis; H. Tidriksaare rühm Moskvas, Ivanovos ja Kaunases; R. Linkbergi ja K. Keemani rühm Moskvas. Moskva kõrgkoolid korraldavad alates 1982. aastast traditsiooniliselt kevadise võimlemispeo. Läbiviijaks on kordamööda erinevad kõrgkoolid. Iga korraldaja esitab oma nõuded osavõtjate ja esitamisele tuleva programmi kohta. Seetõttu on pidu olnud igal aastal erinev ning huvipakkuv. Aukülalistena on alati palutud esinema Tartu ülikooli naisvõimlejaid. Seni on TRÜ-d suure menuga esindanud L. Martise, K. Keemani ja R. Linkbergi rühmad. Selline üliõpilaste ja õppejõudude suhtlemine ühise meelisala kaudu on suurepärase internatsionaalse kasvatuse vorm ning lisab emotsionaalsust meie ülikooli naisvõimlejate igapäevatoõle.

Konsulteerimine ja loengute pidamine on seni teoks saanud ainult Leningradi Lesgafti-nim. Kehakultuuriinstituudis ja Jerevani Meditsiiniinstituudis.

Paljusid kõrgkooli on suunanud naisvõimlemise kui tütarlastele meelepärase ning efektiivse kehalise kasvatuse vormi juurde "Sojuzsportfilmi" ja Kesktelevisiooni poolt TRÜ ja Moskva GNGTJ naisvõimlemisest tehtud võtete demonstreerimised üleliidulisel ekraanil. Mõlemale kõrgkoolile on iseloomulik, et nais- ja rütmivõimlemist harrastavad nii üliõpilased kui õppejõud-teenistujad, osaletakse ühistel üritustel, kaasatakse lapsed. Tartu ülikoolis töötavate naiste

terviserühmi juhendavad edukalt Kaja Keeman ja Galina Schneider, Moskva Gubkini-nim. Nafta- ja Gaasitööstuse Instituudis Galina Orefjeva.

A l l i k a d

1. Võimlemise kateedri arhiiv.
2. Täiendusteaduskonna arhiiv.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Авижонис П. 40, 42
 Адельман Г. 32-33
 Александр I 95
 Александр II 95
 Александрова Э.А. 54, 57-58
 Андерсон Х.А. 65
 Анке Н.Б. 78, 85
 Анна Ивановна 95
 Апраксин А.И. 47
 Арак Э.Х. 29
 Арндт Н.Ф. 47
 Арльт Ф. 39
 Армфельд А.О. 77, 85
 Арола Х. 19
 Афанасьев М.И. 9
- Бабкин Б.П. 99
 Багдасарьян С.М. 70
 Бакулис И.П. 56
 Балмасов А.А. 3
 Барановский И. 40
 Беккер Г. 39
 Белостоцкий Е.М. 42
 Беляев В.С. 43
 Бесслер Л.В. 7
 Биддер Э.Ф. 9
 Блауберг М.Б. 99
 Бледнова В.Н. 174
 Блессиг Р. 35, 38
 Блессиг Э. 38, 41-42
 Блументал Д. 89, 93
 Блумберг П. 40
 Большакова Т.Д. 173
 Бонвеч Э. 40
 Борисов П.Я. 99, 100
- Боткин С.П. 76
 Бренсон И. 94
 Броссе П.Ф. 39, 77, 85
 Брофман В.А. 27
 Бубнов С.Ф. 73, 84-85
 Буйо Ж. 74
 Букоемский Ф.В. 101
 Булатов П.К. 27
 Буданова Н.П. 115
 Бурденко М.Э. 69
 Бурденко Н.Н. 69-70, 79-80, 104
 Быстров Н.И. 46
 Бэр К.М. 75
- Вальдман К. 103
 Вальтер П.У.Ф. 49, 72
 Варвинский И.В. 3, 76-77, 85
 Варис К. 19, 21
 Васильев К.К. 98
 Васильев Л.Л. 27
 Васильева В.В. 170, 173
 Вахер Т.С. 55
 Вахтер Х.Т. 29
 Вейссе Ф.И. 48
 Великанова М.М. 58
 Вельдре Т. 19
 Вельпо А. 32
 Венда К. 94
 Вериго Б.Ф. 99
 Верхошанский Ю.В. 174
 Вестенрик Н.Н. 9
 Вискна А.А. 89
 Виллаке Л. 19, 22
 Виллаке К.П. 18-19, 21-24
 Виру А.А. 170

- Виснапуу Л.Ю. 27
 Вовси М.С. 8I
 Вооремаа С. 42
 Воробьева Т. 19, 2I
 Вульфийус П.А. 49-50
 Выгодский Г.Е. 4-5, 39
 Вяли Т. 19, 22
- Гамалея Н.Ф. 13
 Гаусман Ф.О. 78
 Гейдеке В.Е. 48-49
 Гейденрейх Ф. 78
 Гельмгольц Г. 40
 Георгиевский И.В. 83, 85
 Герасимова А.В. 43
 Гессе Э.Р. 8
 Гийсман Х.-Г. 43
 Грефе А. 32, 40
 Гриневецкий Б.Б. 99
 Гриндель Д.И. 93
 Грицкевич В.П. 69
 Гробштейн С.С.
 Гросталь М. 57
 Губарев А.П. 84-85
 Гугулан Л.И. II5
 Гун О. 92
 Гундорова Р.А. 43
 Гюббенет Х.Я. 39
- Дегио К.К. 46-47
 Деич Х.Ф. 47-49
 Дзирне И.Х. 79, 85
 Дикхоф К. 43
 Добровольский К.Э. II, 13
 Долин Л. 104
 Донберг Г.А. 4-5, 39
 Драгендорф Г. 9I, 94
 Држевецкая И.А. 173
 Дружинин М.И. 83, 85
 Дубов М.Д. 55, 58
 Дунаевский В.А. 53, 57-59
- Евецкий Ф.О. 33, 38, 4I, 83, 85
 Екатерина II 95
 Елизавета Петровна 95
 Ермоленко А.И. 69-70
 Еше Е.В. 38-39
- Жуковский В.П. 46
- Завьялов В.В. 99
 Загерт В.К. 66
 Загорский А.П. 3
 Замен Г. 74, 78
 Звержховский Ф.А. 52
 Зеленецкий Н.М. 99
 Земацкий И.Ф. 8
 Зиле М.В. 100
 Зимкин Н.В. 170
 Знаменский В.И. 53, 58
 Зойберлих Э. 89, 92-93
- Игнатовский А.С. II
 Илус А.Э. 52
 Иноземцев Ф.И. 3, 75-76, 85
 Иогансен К.К. 8
 Иргенсон И.К. 66
 Исокоски М. 19, 2I, 23
 Ихамьяки Т. 19, 2I
- Йентс А.К. 27
 Йовчев В.С. 54, 58
 Йордан П.-А.-Л. 79, 85
 Йохман И.Л. 32
- Калвелис Д.А. 62-67
 Калнин В.В. 2-3, 32, 72, 98, 103
 Каменский Ф.М. 98
 Кангер А.М. 99
 Каплун С.И. 8I
 Караваев В.А. 3, 39
 Карпман В.Л. 170
 Кару Э. 2
 Карус Э. 32

- Каск И.А. 52
 Кауцман М.З. 32
 Каценович Р.А. 27
 Кекки М. 18-19, 21, 24
 Клейн А. 103
 Кляваев Н.М. 115
 Коберт Р. 78
 Кожевников А.Я. 77
 Козлов А.И. 4
 Козлов В.А. 52-53, 58-59
 Козлов Н.И. 3
 Коровицкий К.И. 100
 Котов Г.А. 54
 Кох В.И. 77-78, 85
 Коц Я.М. 173
 Крамаренков И.К. 4
 Красногорский Н.И. 46
 Кропман И.Л. 42
 Крун К. 23-24
 Крюков А.А. 33, 38, 83
 Куйв Р.В. 43
 Курикс О. 42
 Кууск И. 19, 22
 Кыдар А.М. 56, 62, 67
 Кырге П.К. 171
 Кьяндский А.А. 57-58
 Кяспер Э.И. 52
- Лавров Д.М. 82, 85
 Лагановский А.Н. 66
 Лаксен Ф. 19, 21
 Левин А.М. 8
 Левинович Д. 104
 Лейбур Э.Э. 67
 Лейст Э.Е. 73
 Лембер М. 19, 22
 Лембке Я. 92
 Ленк В. 2
 Лепасаар Э.А. 103
 Лерхе В.В. 35, 38
 Лехтола Ю. 19
 Лимберг Алла А. 53, 58
- Лимберг А.А. 52-59
 Лимберг А.К. 52
 Лихингер В. 90
 Лихингер Ф. 89-96
 Лойт А.О. 3
 Луний Н.И. 9-10
 Лучинин В.А. 101
 Ляви-Калнин М.О. 52, 54-56,
 58-59, 103
- Львов П.П. 54
 Люткевич А.Г. 38, 83, 85
- Маароос Х.-И. 19, 21-22
 Магавли И.Х. 36, 38
 Маклаков А.Н. 33, 83
 Мандель Ш.М. 32, 43
 Мандельштам Л. 40
 Мандельштам М.Е. 37, 40
 Маркс К. 15
 Матлина Э.Ш. 170, 173
 Магсин Т.А. 172
 Медведев А.К. 99
 Меерсон Ф.З. 174
 Мессель М.А. 15
 Микиртичан Г.Л. 46
 Милендер Я. 84
 Милтиньш А.П. 115
 Минх А.А. 27
 Минц В.М. 79, 85
 Митрофанова Х.Н. 27
 Митюшов М.И. 173
 Мойер И.Ф. 32
 Мольтрехт А.К. 40
 Монастырский Н.Д. 7
 Мудров М.Я. 72
 Муратов А.А. 84-85
 Мусинов М.М. 54-55
 Муснецкене А.Ю. 54, 56
- Наркевич-Йодко В. 40
 Натансон А. 39
 Наумов П.В. 54

- Ненцкий М.В. 82
 Неубауер К. 43
 Никитин А.Ф. II-III
 Николай I 95
 Новоселов Р.Д. 54

 Образцов В.П. 78
 Оле Р. I9
 Опенховский Ф.М. 8
 Отт Д.О. 9
 Отто Г. 89, 92-94

 Павел I 95
 Павлов И.П. 9, 40, 82
 Пакалнс Г.Ю. 66
 Панов А.В. 32, 43
 Паррот Г.Ф. 3
 Пастернацкая В.Ф. 99
 Петерсен О.В. 4, 6-7
 Петр I 94-95
 Петрецкий В.В. 27
 Петров А.В. 4
 Петровская-Бабицкая Е.Е. 58
 Пирогов Н.И. 3, 32-33, 38, 73-74
 Петтенкофер М. 84
 Плетнева Н.А. 43
 Пляшкевич Н.Г. 69
 Поленов А.А. 54
 Поль А.И. 76
 Поляков Н.Л. 9-II
 Попов В.Н. 82, 85
 Портнов Ф.Г. 27
 Прёллер П.К. 27, 29
 Пшендин А.И. I74
 Пярнат Я.П. I72

 Раммуль А.И. II, 84-85
 Ратке М.Г. 72
 Раудам Э.И. 29
 Раухфус К.А. 46
 Рейнет Я.Ю. 27, 29
 Рейнгад Г. 40

 Рейслер А.В. 69, 81, 85
 Рельман Э. 33-34
 Рийв Я.Я. 29
 Рихтер В.М. 95
 Рихтер М.В. 77, 85
 Ришави Л.А. 98
 Рогозкин В.А. I74
 Розенталь Ф. П. 7
 Ростовцев М.И. I3
 Рубежова И.С. 54, 56
 Руберт Я. 40, 42
 Рубинштейн Г.Р. 81, 85
 Руссак С.А. 67

 Саввоситов А.С. 42
 Савельев Н.А. 82-83, 85
 Сави В. 42
 Сависаар Э. 2I
 Самоилов А.Ф. 78-79, 82, 85
 Самсон-Гиммельштерн В. 75
 Салупере В. I8-I9, 2I-22, 24
 Сарв Й. I9
 Сарепера Ю. IO4
 Сахи Т. I9, 22-23
 Свешников А.В. 3
 Селиванов Е.Ф. 69
 Сеченов И.М. 73, 76, 82, 84
 Сибуль И.К. I73
 Сибул С.Ф. 27
 Сийак Л.Х. 59
 Сийгур У. I9
 Сийрде Э.К. 2, 27-28
 Сиппонен П. I9, 2I-22, 24
 Сиурала М. I8-I9, 2I, 24
 Скандовский Н.А. 74
 Скарпа А. 32
 Скоробогатова А.М. 27
 Смирнов А.В. 70
 Смирнов К.М. I70, I73
 Снегирев В.Ф. 84
 Соколов Н.А. 8
 Соловьев А.Н. 84-85

- Сокольский Г.И. 3, 74-76, 85
 Стамберг А.Э. 52
 Струве А.К. 40
 Струве В.Я. 73
 Сууркяла Ю. 42
 Сэрре Ж. 103
 Сэрре М.-Л. 103
- Тамм А.О. 18-19, 21-22, 24
 Тамм Э.И. 29
 Таммет Х.Ф. 27
 Таммур Р. 19, 21-23
 Тигас Л. 57
 Тилинг Г.Ф. 6-8
 Титова А.Т. 53, 56, 58
 Томашевский Л.И. 49
 Томсон Г.И. 101
 Трейден Э. 93-94
 Треймане Л.Б. 66
 Тюкалов К.В. 54, 57
 Тьялпин Ф.Т. 100-101
 Тяхепылд Л. 2
- Уйбо Р. 19, 21, 23-24
 Усков Л.И. 100
 Уудельт Я. 42
- Фарфель В.С. 170, 173
 Федотов В.П. 115
 Филомафитский А.М. 3, 75-76, 85
 Финогенов С.Н. 27
 Флах А. 103
 Флеммер Я.М. 101
 Фребелиус В. 37, 39
 Фредеркинг К. 89, 92
 Френкель З.Г. 11, 14-15
 Фридербург К.И. 47
- Халемин И.А. 115
 Хейдо Р. 22
 Хелиус М. 32
 Хийе В.Я. 57, 105
- Хлопин Г.В. 11-13, 84-85
 Хомзе О. 94
 Хярккенин М. 19, 24
- Цеге фон Мантейфель В.Г. 69-70
 Цильхерт О.Г. 33, 38-39
 Цыцурин Ф.С. 4
- Часовская З.И. 53, 56
 Чирвинокий С.И. 82, 85
 Чирковский В.В. 38
- Шабринскас В.И. 115
 Шакиров М.П. 115
 Шапшев К.Н. 11, 13-14
 Шатилов А.Н. 40
 Шелер Г. 40
 Шепилевский Е.А. 8, 13
 Шимановский Ю.К. 33, 38
 Ширака З.П. 66
 Широкогоров И.И. 104
 Шиховский И.О. 75, 85
 Шмидеберг О. 82
 Шмидт Г.Х. 39
 Шолтен О. 103
 Шоттер Л.Л. 43
 Шоттер Л.Х. 32, 42-43
 Шлер П. 93
 Шредер Ф.Ю. 36, 38
 Штраух К.Ф. 38
 Штраух М. 78
 Штюрмер К.Л. 7
- Щербаков А.И. 100
- Эверс Г. 73
 Эидельштейн С.И. 27
 Эисен М. 19
 Энгельс Ф. 15
 Эрисман Ф.Ф. 34
 Эрдман И. 72
 Эттинген Г. 33-34

Юсайтев Б.И. 115

Яковлев П.Н. 170, 173

Якубович Н.М. 4

Яниковский С. 40

Янес С.А. 43

Янсон Э. 40

Яроцкий А.И. 80

Ярчук Н.И. 53, 58

ISIKUNIMEDE REGISTER

- Aarsoo, M. 180
Aartolahti, V. 196
Aavola, U. 189
Abel, E. 179
Abel, H. 179
Abovjan, H. 147
Ainso, M. 197
Alaver, M. 181
Albrecht, M. 148
Aleksander II 149
Alev, M. 177
Allikas, O. 177
Antonjev, A. 112
Antson, A. 201
Araviiski, A. 112, 114
Arhangelskaja, J. 112, 114
Arnemann, R. 190
Arro-Berendsen, K. 196-197

Baer, K.E. 127, 133, 138,
142, 148, 152-162
Baranov, V. 179
Barck, C. 196
Barojan, O. 119
Baxt, N. 141
Belokon, V. 121
Benjuhh, K. 214
Berg, L. 160, 161
Bernard, C. 139
Bidder, F. 132-133, 140-141,
152-155
Bljacher, L. 161
Bogdanov, J. 181
Buchheim, R. 124
Bunge, A. v.(sen.) 147
Bunge, A. v.(jun.) 149 - 150

Butlerov, A. 139, 142-143

Chambers, R. 160
Chamisso, A. 146
Craffström, G. 133
Cuvier, G. 153, 156-159
Cyon, E. 141

Darwin, C. 142, 155-158, 162
Dobrova, I. 119
Donders, F.C. 138
Drozdov, S. 119
Du Bois-Reymond, E. 154

Ehlen, S. 179
Elberg, E. 112, 114-116
Elken, H. 184
Engelhardt, M. 149
Engels, T. 188
Erdmann, J.F. 123-128
Erikson, O. 202, 204-205
Erikson, V. 205
Eschscholtz, J.F. 146-147
Eспенberg, K. 150
Evvard, A. 194, 196

Faehlmann, F.R. 124
Fedorova-Grot, A.K. 138
Filiptšenko, J. 160
Funke, O. 132

Gaissinovits, A. 161
Goebel, F. 124-125
Goldberg, A. 119
Gould, S.J. 161
Gross, H. 177, 182

Grube, E. 154-155, 161
 Haacke, W. 159
 Haeckel, E. 154, 156-157, 159
 161 - 162
 Hauk, H. 30
 Haviko, T. 186
 Havu, V. K. 115
 Hecker, J.F. 128
 Helmja, T. 190
 Holstein, A. 121
 Hubel, P. 203
 Huttinen, P. 196
 Huxley, Th. 158
 Härkönen, H. 198

 Jakobson, P. 113 - 114
 Jakobovits (Jacobowitsch), N. 132
 Jannus, A. 117-122, 146
 Johanson, B. 197
 Jurkatamm, K. 194-196
 Juurup, H. 207
 Juuse-Truupõld, L. 186
 Jõepera, J. 180
 Jõgiste, A. 119 - 120
 Jõks, S. 119, 121

 Ilomets, T. 123
 Issak, F. 203-204
 Issakova, P. 215

 Kaasik, A.-E. 120
 Kalam, V. 202
 Kalep, V. 189
 Kaljumäe-Sildmäe, H. 179
 Kaljusto, J.-H. 177, 182
 Kallak, H. 160
 Kallas, E. 119
 Kalnin, V. 2
 Kartamõšev, A. 112
 Karu, A. 179 - 180
 Karu, E. 2

 Kaselaan, H. 179
 Kasesalu, G. 121
 Kask, M. 202-203
 Kaskin, P. 112
 Keeman, J. 180
 Keeman, K. 216 - 217
 Kepp-Ojastu, L. 194, 196
 Keres, P. 204
 Keres, R. 205
 Kerge, I. 189
 Kessler, K.F. 142
 Kiipsaar, R. 203
 Kingisepp, G. 123
 Kinko, G. 190 - 191
 Kivine, P. 196 - 197
 Kivistik, A. 177, 182
 Kivistik, M. 177
 Kliss-Meier, S. 179
 Kornblueh, I. 30
 Kovalevski, A. 156, 158 - 159
 Kovalevski, N. 138, 142
 Koževnikov, P. 112
 Kotzebue, O. v. 146
 Kramina, S. 214
 Kree, E. 202
 Kreek, H. 121
 Kreutzwald, F.R. 147
 Krispin, T. 120
 Krohn, A. 161
 Krusenstern, A. v. 146, 150
 Kudu, Ella 207
 Kudu, Ethel 186, 214-216
 Kudu, F. 203-204, 207
 Kuljabko, A. 142
 Kullam, I. 205
 Kupffer, K. 132, 155 - 156, 158,
 159
 Kupp, F. 189
 Kure, K. 202
 Kureniit-Oja, S. 179
 Kurul, J. 190
 Kurvits, A. 181
 225

- Kuslap, T. 119-121
 Kuzin, V. 179
 Kutsar, K. 119
 Käer-Kingisepp, E. 131
 Külv, K. 198
 Kyber, E. 149

 Laaneloog-Liivak, K. 188
 Leanes, S. 121
 Leante, R. 179
 Laidvere, J. 202 - 203, 207
 Lange, K. 141
 Lannus, A. 184
 Lapinleimu, K. 121
 Lebedev, K. 138
 Ledebour, K.F. 147
 Lelis, I. 113, 114
 Lelle, M. 190
 Lellep, R. 180
 Lember, A. 120
 Lenk, V. 2, 199
 Lentz, E. 147
 Levitskaja, N. 184
 Liiv, S. 202
 Lindgren, J.G. 139
 Linkberg, R. 215, 216
 Lipp, V. 120
 Ljubistšev, A. 160, 161
 London, B. 189
 Loogna, N. 114
 Loov, T. 196
 Lõvtrup, S. 161
 Ludwig, G. 132, 139, 142
 Luht, A. 200, 206
 Luuk, A. 180,
 Luuk, H. 202, 207
 Lõssenko, T.D. 161

 Maarros, A. 186
 Mahl, E. 205
 Majass, M. 114
 Mandel, E. 189

 Mardna, P. 189, 190
 Martis, L. 214, 216
 Maslennikova, M. 179
 Matsin, T. 196, 197
 Mendelejev, D. 142
 Merimaa, O. 119
 Mesliniene, I. 214
 Metsur, K. 194, 196, 198
 Middendorff, A.T. v. 148-149
 Mirzojan, E. 161
 Murakas, H. 120
 Mäesoo, K. 181
 Mägi, H. 194
 Märtin, J. 121
 Määrits, P. 204
 Müller, J. 154

 Naarits, Edgar 184, 205
 Naarits (Rusi), Einike 184,
 186-187
 Needham, J. 161
 Netsajev, V. 196 - 197
 Niiler, H. 202 - 203, 205-207
 Nordmann, A. 161
 Nurmand, L. 112-114
 Nurmekivi, A. 194
 Nurme-Paal, A. 179
 Näska, E. 120

 Oesterlen, F. 124
 Oker-Blom, N. 121
 Orefjeva, G. 217
 Organov, G. 198
 Ormisson, T. 190
 Ovsjannikov, F. (Owsjannikow,
 Ph.) 131-143
 Ovsjannikov, V. 131
 Ovtšinnikov, N. 114

 Paal, A. 190
 Paalo, J. 190
 Paama, M. 194, 197 - 198

Paldrok, A. 111-112
 Palm, M. 191
 Palm, R. 191
 Pander, C. 152-153, 161
 Pargi, A. 180
 Paris, P. 180, 184
 Parmakson, P. 111-112
 Parrot, G.F. 147, 149, 153
 Parrot, J.J.F.W. 147-148
 Pavlov, I. 141-142
 Pavlova, O. 180
 Peebo, E. 186
 Petrov, A. 140
 Phoebus, Ph. 128
 Pickroth, G. 30
 Pind, A. 190
 Pirogov, N. 128
 Pisuke, A. 193
 Porila-Palge, R. 186
 Priimägi, L. 119, 120
 Prohhorova, L. 215
 Puusepp, L. 111
 Põldsam, V. 197
 Põldvere, E. 120
 Päid, M. 123

 Raaga, K. 180
 Raja, A. 190
 Raikov, B. 133, 138
 Rannaste, E. 202, 207
 Ratassepp, J. 190
 Rathke, H.M. 152-154, 161
 Raudam, E. 120, 121
 Rehëmaa, U. 180
 Reichert, K. 133, 139, 153
 Reiman, V. 200
 Reinaru, J. 121, 122
 Reisenbuk, V. 121
 Remak, R. 154
 Rimmel, M. 152
 Riihelä, S. 196
 Rinne, E. 197

 Roots, R. 202
 Rudnik, J. 30
 Rõigas, E. 114

 Saarnok, E. 120
 Sabin, A. 119
 Sahva, S. 188
 Sahva, U. 184
 Salk, J. 118
 Salum, O. 202, 204
 Sarv, J. 120
 Schleiden, M. 154
 Schlossmann, K. 121
 Schmalhausen, I. 161
 Schmidt, K. 132, 140
 Schneider, G. 217
 Schreiber, G. 30
 Seidlitz, G. 159, 162
 Seiler, E. 189-190
 Semper, J. 202
 Setsõenov, I. 141
 Severtsov, A. 155-156, 160-161
 Sidaravičius, B. 113-114
 Siirde, E. 2
 Siller, E. 124
 Silm, H. 114, 116
 Sirel, T. 181
 Skripkin, J. 114
 Sobernheim, J.F. 128
 Sobolev, D. 160-161
 Solovjov, V. 119
 Sonck, C.E. 115
 Starõinov, V. 215
 Stieda, L. 155
 Stranväll-Pursiainen, M.-L.
 196
 Struve, F.W. 149
 Struve, H. 142
 Stubendorff, J. 147-148
 Studnitsin, A. 114
 Subi, K. 119-120

Suija, A. 190
 Sule, G. 193
 Sundelin, K.H. 128
 Suvortsev, I. 179
 Sütiste, J. 193
 Širman, G. 119

 Zefirov, L. 138
 Zilmer, K. 182
 Zoova, T. 190

 Tallmeister, E. 121
 Tamm, O. 121
 Tammert, A. 196, 198
 Tapupere, V. 118-121
 Taskinen, M. 196
 Teras, L. 119
 Tjukalov, J. 190
 Tidriksaar, H. 214-216
 Tikk, A. 120, 121
 Timirjazev, K. 156, 159,
 161, 162
 Toivonen, S. 196
 Toll, E. v. 149, 150
 Torim, M. 196
 Torm, R. 184, 186
 Torop, T. 198
 Torsujev, N. 111
 Tromp, W. 30
 Truupõld, A. 186
 Tsarjova, V. 179
 Turanov, N. 114
 Tuuling, V. 189
 Tôru, R. 196

 Tähepõld, L. 2
 Tõlp, U. 189

 Uhtomski, A. 141
 Uibo, A. 200
 Uola, J. 196
 Uustal, L. 186, 215

 Vaard, P. 181
 Vahter, H. 111 - 115
 Vaiksaar, A. 210
 Valgmaa, H. 184
 Vassiljev, T. 114
 Vassiljeva, K. 119, 121
 Veermaa, A. 190
 Veliki, V. 141 - 142
 Vernadski, I. 159
 Veskila, H. 205
 Vesterstein, K. 179
 Vigla, L. 181
 Vihman-Palmse, L. 186
 Viljak, H. 203
 Viksten, R. 205
 Virchow, R. 154
 Vladimirov, A. 111
 Vodja, R. 120
 Volkova, L. 138
 Voolpriit, T. 180
 Vorosilova, M. 119

 Walter, H. 150
 Warnek, N. 161
 Wehner, A. 30
 Wendt, J. 128
 Weyrich, H. 148
 Wolff, C.F. 153, 161
 Wrangel, F. v. 149

С о д е р ж а н и е

МЕДИЦИНА

<u>А.А. Балмасов, В.В. Калнин, А.О. Лойт, А.В. Свешников.</u> Тартуский университет и Ленинградский институт усовершенствования врачей	3
<u>К.П. Виллако, А.О. Тамм.</u> О сотрудничестве гастроэн- терологов Тартуского и Хельсинского, Оулуского, Тамперского университетов за 1971-1984 гг.	18
<u>Э.К. Сийрде, Я.Ю. Рейнет, С.Ф. Сибул, А.К. Йентс,</u> <u>Х.Н. Митрофанова.</u> Связи Тартуского государствен- ного университета с отечественными и зарубежными научными учреждениями по исследованиям аэроиони- зации и электроаэрозолей	27
<u>Л.Х. Шоттер, В.В. Калнин, А.В. Панов, Н.М. Мандель.</u> Научные связи Тартуского университета в области офтальмологии (исторический обзор)	32
<u>Г.Л. Микиртичан.</u> Связи Петербурга и Дерпта в области педиатрии	46
<u>М.О. Лыви-Калнин.</u> Влияние научной школы А.А.Лимберга на развитие стоматологии в Тартуском государст- венном университете	52
<u>А.М. Кыдар.</u> Вклад профессора Д.А. Калвелиса в разви- тие стоматологии в Эстонской ССР	62
<u>В.П. Грицкевич, Е.Ф. Селиванов.</u> Тартуский университет в дневниках и воспоминаниях, хранящихся в фондах Военно-медицинского музея Министерства обороны СССР	69
<u>В.В. Калнин.</u> Из истории научных связей Тартуского и Московского университетов в области медицины (XIX и начало XX в.)	72
<u>А.А. Виксна.</u> Фридрих Лихингер и исследование истории фармации	89
<u>К.К. Васильев, В.В. Калнин.</u> Тартуский университет и Одесские высшие женские медицинские курсы	98
<u>М.О. Лыви-Калнин, В.В. Калнин, Э.А. Лепасаар.</u> Фемини- зация зубных врачей и врачей-стоматологов в Тар- туском университете в конце XIX и в XX столетии. .	103

<u>Х.Т. Вахтер.</u> О научно-практических связях кафедры дерматологии и венерологии ТГУ с дерматовенерологами братских республик	111
<u>А.Э. Яннус.</u> Вклад воспитанников медицинского факультета Тартуского университета в развитие вирусологии	117
<u>Т.Я. Илометс, М.А. Пяйд.</u> Иоганн Фридрих Эрдман и его фармакологическое собрание	123
<u>Э.Г. Кяэр-Кингисепп.</u> Филипп Овсянников в Тарту, Казани, Петербурге	131
<u>А.Э. Яннус.</u> Воспитанники медицинского факультета Тартуского университета в роли страноведов	146
<u>М.Х. Реммель.</u> Тартуский университет, парадигма Бэра и о связанных с нею научных дискуссиях	152

ФИЗИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА

<u>А.А. Виру.</u> Научные контакты кафедры спортивной физиологии ТГУ	170
<u>О.И. Алликас, Ю.-Х.А. Кальвсто.</u> Связи Тартуского государственного университета с другими вузами СССР по лыжному спорту	177
<u>Э.М. Нааритс, Р.Я. Торм.</u> О связях гимнастов Тартуского университета с высшими учебными заведениями СССР	184
<u>Ю.К. Тэльп.</u> Студенты-гребцы ТГУ на чемпионатах СССР .	189
<u>А.П. Цизуке.</u> Легкоатлетические связи между университетами Хельсинки и ТГУ	193
<u>В.А. Ленк.</u> Физкультурные специалисты и спортсмены ТГУ в установлении контактов с представителями спортивных кругов СССР в 1940-1941 гг.	199
<u>А.Я. Вайксаар.</u> Межреспубликанские связи факультета повышения квалификации преподавателей физического воспитания ТГУ	210
<u>Л.О. Мартис.</u> О связях ТГУ с другими вузами Советского Союза по женской гимнастике	214
<u>Указатель имен</u>	218

S i s u k o r d

Arstiteadus

<u>A. Balmasov, V. Kalnin, A. Loit, A. Svešnikov.</u> Tartu ülikool ja Leningradi Arstide Täienduse Instituut .	3
<u>K. Villako, A. Tamm.</u> Tartu ning Helsingi, Oulu, Tampere ülikooli gastroenteroloogide koostööst aastail 1971-1984	18
<u>E. Siirde, J. Reinet, S. Sibul, A. Jents, H. Mitrofanova.</u> Tartu Riikliku Ülikooli sidemed kodu- ja välismaa teadusasutustega aeroionisatsiooni ja elektroaerosoolide uurimise alal	27
<u>L. Schotter, V. Kalnin, A. Panov, Õ. Mandel.</u> Tartu ülikooli teadussidemed oftalmoloogia alal (ajalooline ülevaade)	32
<u>G. Mikirtitsan.</u> Peterburi ja Derpti sidemed pediaatria vallas	46
<u>M. Lõvi-Kalnin.</u> A.A. Limbergi teaduskoolkonna mõju stomatoloogia arengule Tartu Riiklikus Ülikoolis	52
<u>A. Kõdar.</u> Professor D.A. Kalvelise panus stomatoloogia arengusse Eesti NSV-s	62
<u>V. Gritskevitš, J. Selivanov.</u> Tartu ülikool NSV Liidu Kaitseministeeriumi Sõjameditsiini Muuseumi fondides säilitatavates päevikutes ja mälestustes	69
<u>V. Kalnin.</u> Tartu ja Moskva ülikooli teadussidemete ajaloost meditsiini valdkonnas (XIX sajand ja XX sajandi algus)	72
<u>A. Viksna.</u> Friedrich Lichinger ja farmaatsia ajaloo uurimine	89
<u>K. Vassiljev, V. Kalnin.</u> Tartu ülikool ja Odessa Kõrgemad Naiste Meditsiinikursused	98
<u>M. Lõvi-Kalnin, V. Kalnin, E. Lepasaar.</u> Hambaarstide ja stomatoloogide feminiseerumine Tartu ülikoolis XIX sajandi lõpus ja XX sajandil	103
<u>H. Vahter.</u> TRÜ dermatoloogia ja veneroloogia kateedri teaduslik-praktilistest sidemetest vennasvabariikide dermatoveneroloogidega	111
<u>A. Jannus.</u> Tartu ülikooli arstiteaduskonna kasvandike panus viroloogia valdkonnas	117
<u>T. Ilomets, M. Päid.</u> Johann Friedrich Erdmann ja tema farmakoloogiline kollektatsioon	123

<u>E. Käer-Kingisepp.</u> Philipp Owsjannikow Tartus, Kaasanis, Peterburis	131
<u>A. Jannus.</u> Tartu ülikooli arstiteaduskonna kasvandikest - maadeuurijatest	146
<u>M. Remmel.</u> Tartu ülikool, Baeri paradigma ning sellega seotud teadusdiskussioonidest	152

Kehakultuur

<u>A. Viru.</u> TRÜ spordifüsioloogia kateedri teadussidemed ...	170
<u>O. Allikas, J.-H. Kaljusto.</u> Tartu Riikliku Ülikooli suusasportialased sidemed NSV Liidu teiste kõrgkoolidega	177
<u>E. Naarits, R. Torm.</u> Tartu ülikooli võimleajate sidemetest teiste NSV Liidu kõrgkoolidega	184
<u>Ü. Tõlp.</u> TRÜ üliõpilassõudjad NSV Liidu meistrivõistlustel	189
<u>A. Pisuke.</u> TRÜ ja Helsingi Ülikooli sidemed kergejõustikus	193
<u>V. Lenk.</u> TRÜ kehakultuurispetsialistid ja sportlased sidemeid loomas Nõukogude vanemate liiduvabariikide selle ala esindajatega aastatel 1940 - 1941	199
<u>A. Vaiksaar.</u> TRÜ kehalise kasvatusõppejõudude kvalifikatsiooni tõstmise teaduskonna sidemetest	210
<u>L. Martis.</u> TRÜ naisvõimleajate sidemetest teiste Nõukogude Liidu kõrgkoolidega	214
Isikunimede register	218

Inhaltsverzeichnis

Medizin

<u>A. Balmasov, V. Kalnin, A. Loit, A. Sveschnikov.</u> Die Universität Tartu und das Leningrader Institut für die Qualifikationserhöhung der Ärzte	3
<u>K. Villako, A. Tamm.</u> Über die Beziehungen der Gastroenterologen der Universitäten Tartu und Helsinki, Oulu, Tampere in den Jahren 1971 - 1984	18
<u>E. Siirde, J. Reinet, S. Sibul, A. Jents, H. Mitrofanova.</u> Beziehungen der Staatlichen Universität Tartu zu in- und ausländischen wissenschaftlichen Anstalten auf dem Gebiet der Forschung der Aeroionisation und der Elektroaerozole	27
<u>L. Schotter, V. Kalnin, A. Panov, Ö. Mandel.</u> Die wissenschaftlichen Beziehungen der Universität Tartu auf dem Gebiet der Ophthalmologie (historischer Überblick)	32
<u>G. Wikirtitschan.</u> Beziehungen zwischen Peterburg und Dorpat auf dem Gebiet der Pädiatrie	46
<u>M. Lõvi-Kalnin.</u> Die Wirkung der wissenschaftlichen Schule A. A. Limbergs zur Entwicklung der Stomatologie an der Staatlichen Universität Tartu	52
<u>A. Kõdar.</u> Der Beitrag von Professor D. A. Kalvelis zur Entwicklung der Stomatologie in der ESSR	62
<u>V. Gritskevitsch, J. Selivanov.</u> Die Widerspiegelung der Universität Tartu in Tagebüchern und Erinnerungen, aufbewahrt in den Beständen des Militärmedizinischen Museums des Verteidigungsministeriums der UdSSR	69
<u>V. Kalnin.</u> Zur Geschichte der wissenschaftlichen Beziehungen der Universität Tartu mit der Universität Moskau auf dem Gebiet der Medizin (XIX. Jh. und Anfang des XX. Jh.)	72
<u>A. Viksna.</u> Friedrich Lichinger und Untersuchung der Geschichte der Pharmazie	89
<u>K. Vassiljev, V. Kalnin.</u> Die Universität Tartu und die Odessaer Höheren Medizinkurse für Frauen	98
<u>M. Lõvi-Kalnin, V. Kalnin, E. Lepasaar.</u> Die Feminierung der Zahnärzte und Stomatologen an der Universität Tartu zu Ende des XIX. Jh. und im XX. Jh.	103
<u>H. Vahter.</u> Über wissenschaftlich-praktische Beziehungen	

des Lehrstuhls für Dermatologie und Venerologie an der Staatlichen Universität Tartu zu Dermato-venerologen der brüderlichen Republiken	111
<u>A. Jannus</u> . Beitrag der Zöglinge der medizinischen Fakultät der Universität Tartu auf dem Gebiet der Virologie	117
<u>T. Ilomets, M. Päid</u> . Johann Friedrich Erdmann und seine pharmakologische Sammlung	123
<u>E. Käer-Kingisepp</u> . Philipp Owsjannikow in Tartu, Kasan, Peterburg	131
<u>A. Jannus</u> . Zöglinge der medizinischen Fakultät der Universität Tartu als Geographen	146
<u>M. Remmel</u> . Die Universität Tartu, das Paradigma Baers und die diesbezüglichen wissenschaftlichen Diskussionen	152

Körperkultur

<u>A. Viru</u> . Wissenschaftliche Beziehungen des Lehrstuhls für Sportphysiologie der Staatlichen Universität Tartu	170
<u>O. Allikas, J.-H. Kaljusto</u> . Beziehungen der Staatlichen Universität Tartu auf dem Gebiet des Schisports zu anderen Hochschulen der UdSSR	177
<u>E. Naarits, R. Torm</u> . Über Beziehungen der Gymnastiker der Staatlichen Universität Tartu zu anderen Hochschulen der UdSSR	184
<u>Ü. Tõlp</u> . Über die Teilnahme der Ruderer (Studenten) der Staatlichen Universität Tartu an Unionsmeisterschaften	189
<u>A. Pisuke</u> . Beziehungen der Staatlichen Universität Tartu und der Universität Helsinki auf dem Gebiet der Leichtathletik	193
<u>V. Lenk</u> . Über die Aufnahme der Beziehungen von Sportlern und Fachleuten für Körperkultur der Staatlichen Universität Tartu mit Vertretern dieses Fachgebietes in den Sowjetrepubliken	199
<u>A. Vaiksaar</u> . Über Beziehungen der Fakultät für Weiterbildung der Sportlehrer der Staatlichen Universität Tartu zu anderen Sowjetrepubliken	210
<u>L. Martis</u> . Die Freundschaftsbeziehungen der Staatlichen	

Universität Tartu mit anderen Hochschulen der UdSSR in der Frauengymnastik (Rhythmusgymnastik)	214
Namenregister	218

О РАЗВИТИИ МЕДИЦИНЫ И ФИЗКУЛЬТУРЫ В ТАРТУСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ.
Вопросы истории Тартуского университета XVIII.
(Материалы музея истории ТГУ).
На русском и эстонском языках.
Тартуский государственный университет.
ЭССР, 202400, г.Тарту, ул. Вликооли, 18.
Ответственный редактор Л. Тяхепылд.
Корректоры И. Пауска, Л. Яго.
Подписано к печати 16.10.1985.
МВ 10428.
Формат 60x90/16.
Бумага писчая.
Машинопись. Ротапринт.
Учетно-издательских листов 14,15.
Печатных листов 14,75.
Тираж 500.
Заказ № 957.
Цена 2 руб. 10 коп.
Типография ТГУ, ЭССР, 202400, г.Тарту, ул. Пялсона, 14.